

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
“Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова”

Научный журнал

Издаётся с 2001 года

(до 1 января 2012 года – “Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки”)

Выходит 6 раз в год

СЕВЕРНОГО (АРКТИЧЕСКОГО)
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47126
выдано 11 ноября 2011 года
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Подписной индекс журнала – 38555

Главный редактор **В.И. Голдин**

Редакционный совет:

И. Брок (Норвегия),
А.В. Головнёв,
Д.С. Дюррант (Канада),
А.Л. Кудрин,
В.А. Садовничий

Редакционная коллегия:

Л.В. Баева, Л.И. Богданова, С.В. Борисов,
В.Н. Гончаров, И.В. Дёмин,
Т.Ю. Загрязкина, Н.А. Илюхина,
Д. Кемпер (Германия),
А.В. Колмогорова, Н.И. Коновалова,
И.В. Кузнецова (отв. секретарь),
А.Г. Лошаков, А.А. Мёдова,
Й.П. Нильсен (Норвегия),
М.Ю. Опенков, А.В. Петров, Р.Г. Пихоя,
Ю.В. Попков, А.М. Прилуцкий,
А.В. Репневский, К.Я. Сигал,
Б.Г. Соколов,
Ф.Х. Соколова (зам. гл. редактора),
Н.М. Терехин,
П.В. Фёдоров,
М. Фрейм (Великобритания),
Л. Хейнинен (Финляндия),
К. Хин (Норвегия),
О.С. Чеснокова, А.В. Чуудинов,
А.Е. Шапаров, Л.Ю. Щипицина

СЕРИЯ
“Гуманитарные и социальные науки”

Т. 24,
№ 4 / 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Бражников С.А. Содействие общественности милиции в работе по предупреждению правонарушений несовершеннолетних в России конца XX века.....	5
Ганин А.В. «Теперь много таких развелось, и все они будут преданы суду...» Генерал Носович: попытка реабилитации у белых в 1918 году.....	17
Голдин В.И. От Северо-Восточного прохода к Северному морскому пути: осмысление сквозь тысячелетие.....	32
Пашин В.П. Белая эмиграция в планах Англии и Японии по уничтожению единого советского государства в 1920–1930-е годы	41

ЛИНГВИСТИКА

Гроховская И.А. Классификация субстандартной лексики англоязычного и русскоязычного семантического поля «Medicine»/«Медицина» в сравнительно-сопоставительном аспекте.....	52
Дутова Н.В. Становление социально-семиотического подхода к анализу мультимодального дискурса: обзор зарубежного опыта.....	64
Еремина С.Г., Балаганов Д.В. Свойства идиомы с точки зрения психо- и нейролингвистики.....	74
Кравченко М.А. Понятие метаязыка: от лингвистического наследия Р. Якобсона к современным научным практикам.....	88
Нагибина И.Г., Моргун В.Г. Метафорический медиаобраз пожилого человека в китайской социальной сети «Доуинь»....	101
Пак Н.С.Д. Английские вторично-предикативные структуры в медицинском дискурсе: к проблеме классификации.....	109

СОДЕРЖАНИЕ

Индексируется в: Размещается в:

Редактор
Е.А. Лочехина
Ведущий редактор
А.В. Крюкова
Переводчик
С.В. Бирюкова
Документовед
Е.В. Орёл
Верстка
О.В. Деревцовой

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес издателя:
163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины, д. 17
Тел.: +7 (8182) 21-61-99
E-mail: public@narfu.ru

Адрес редакции:
163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины,
д. 17, ауд. 1336
Тел.: +7 (8182) 21-61-21
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Выход в свет 01.10.2024.
Бумага писчая. Формат 84×108 1/16.
Усл. печ. л. 15,54. Уч.-изд. л. 12,92.
Тираж 1000 экз. Заказ № 8698.

Адрес типографии:
Издательский дом имени В.Н. Булатова САФУ
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого, д. 56

Свободная цена

© САФУ имени М.В. Ломоносова, 2024

ФИЛОСОФИЯ

- Усачев А.В. Проблема человека в философии И.А. Ильина..... 119
Фаритов В.Т. Человек (не)античный: философская антропология молодого Ф. Ницше..... 129

ЮБИЛЕИ

- Голдин В.И. К юбилею выдающегося ученого и организатора науки, академика В.В. Алексеева..... 140

НЕКРОЛОГИ

- Воин, ученый, гражданин: памяти профессора А.А. Киселёва... 142
Наши рецензенты..... 144
К сведению авторов..... 146

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education "Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov"

Scientific journal

Published since 2001

(Until January 1, 2012 – Vestnik of Pomor University. Series: Humanitarian and Social Sciences)

Issued bi-monthly

OF NORTHERN (ARCTIC) FEDERAL
UNIVERSITY

Registration certificate
PI no. FS77-47126
issued on November 11, 2011
by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Communications,
Information Technology and Mass Communications
(Roskomnadzor)

Subscriptional index of the journal – 38555

Editor in Chief **V.I. Goldin**

Editorial Council:

I. Broch (Norway),
A.V. Golovnev,
J.S. Durrant (Canada),
A.L. Kudrin,
V.A. Sadovnichy

Editorial Board:

L.V. Baeva, L.I. Bogdanova, S.V. Borisov,
V.N. Goncharov, I.V. Demin,
T.Yu. Zagryazkina, N.A. Ilyukhina,
D. Kemper (Germany),
A.V. Kolmogorova, N.I. Konovalova,
I.V. Kuznetsova (Executive Secretary),
A.G. Loshakov, A.A. Medova,
J.P. Nielsen (Norway),
M.Yu. Openkov, A.V. Petrov,
R.G. Pikhoya, Yu.V. Popkov,
A.M. Prilutsky, A.V. Repnevsky,
K.Ya. Sigal, B.G. Sokolov,
F.Kh. Sokolova (Deputy Editor in Chief),
N.M. Terebikhin,
P.V. Fedorov, M. Frame (UK),
L. Heininen (Finland),
K. Heen (Norway),
O.S. Chesnokova,
A.V. Chudinov, A.E. Shaparov,
L.Yu. Shchipitsina

SERIES
"Humanitarian and Social Sciences"

Vol. 24,
No. 4 / 2024

CONTENTS

HISTORY

- Brazhnikov S.A.** Public Assistance to the Police in Preventing Juvenile Delinquency in Late 20th-Century Russia..... 5
- Ganin A.V.** "There Are Many of Them Right Now, and They Will All Be Put on Trial..." General Nosovich: An Attempt to Be Rehabilitated by the Whites in 1918..... 17
- Goldin V.I.** From Northeast Passage to Northern Sea Route: Reflecting Through the Millennium..... 32
- Pashin V.P.** White Émigrés in the Plans of Britain and Japan to Destroy the Unified Soviet State in the 1920s – 1930s..... 41

LINGUISTICS

- Grokhovskaya I.A.** Classification of Substandard Vocabulary of the English- and Russian-Language Semantic Field of Medicine in a Comparative Aspect..... 52
- Dutova N.V.** The Formation of the Socio-Semiotic Approach to Multimodal Discourse Analysis: Foreign Experience Review..... 64
- Eremina S.G., Balaganov D.V.** Idiom Characteristics: A Psycho- and Neurolinguistic Perspective..... 74
- Kravchenko M.A.** The Concept of Metalanguage: From R. Jakobson's Linguistic Heritage to Modern Scientific Practices... 88
- Nagibina I.G., Morgun V.G.** The Metaphorical Media Image of an Elderly Person in the Chinese Social Network Douyin..... 101
- Pak N.S.D.** English Secondary-Predicative Structures in Medical Discourse: On the Problem of Classification..... 109

CONTENTS

Indexed in:

Included in:

Editor

E.A. Lochekhina

Managing Editor

A.V. Kryukova

Translator

S.V. Biryukova

Document Manager

E.V. Orel

Make-up by

O.V. Derevtsova

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the list of reviewed scientific journals, in which major scientific results of theses for academic degrees of candidate and doctor of science have to be published

Publisher's address:

nab. Severnoy Dviny 17,
Arkhangelsk, 163002
Phone: +7 (8182) 21-61-99
E-mail: public@narfu.ru

Editorial office address:

nab. Severnoy Dviny 17, room 1336,
Arkhangelsk, 163002
Phone: +7 (8182) 21-61-21
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Publication date 01.10.2024.

Writing paper. Format 84x108 ¹/₁₆.

Conv. printer's sh. 15.54.

Acad. publ. sh. 12.92.

Circulation 1000 copies. Order no. 8698.

Printer's address:

NArFU Publishing House named after
V.N. Bulatov
ul. Uritskogo 56, Arkhangelsk, 163060

Free price

© NArFU named after M.V. Lomonosov, 2024

PHILOSOPHY

- Usachev A.V. The Problem of Man in I.A. Ilyin's Philosophy..... 119
Faritov V.T. (Non-)Ancient Man: Philosophical Anthropology of the Young Nietzsche..... 129

ANNIVERSARIES

- Goldin V.I. On the Birthday Anniversary of an Outstanding Scholar and Facilitator of Science, Academician V.V. Alekseyev..... 140

OBITUARIES

- Soldier, Scientist, Citizen: In Memory of Professor A.A. Kiselyov 142
Our Peer-Reviewers..... 144
Information for Authors..... 146

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 4. С. 5–16.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 4, pp. 5–16.

Научная статья

УДК 94(470):343.8

DOI: 10.37482/2687-1505-V357

Содействие общественности милиции в работе по предупреждению правонарушений несовершеннолетних в России конца XX века

Сергей Александрович Бражников

Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Воронеж, Россия,
e-mail: s.a.brazhnikov@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8583-9942>

Аннотация. В последние годы противодействие противоправной активности в детско-подростковой среде выступает одним из приоритетных направлений правоохранительной деятельности в Российской Федерации, требующих всестороннего исследования и совершенствования, в т. ч. посредством научного обеспечения. Настоящая статья является одной из немногих работ, раскрывающих с позиций современной исторической науки организацию и содержание комплекса мероприятий, осуществлявшихся на общегосударственном, региональном и местном уровнях в рамках функционирования института содействия граждан различным службам и подразделениям органов внутренних дел Российской Федерации, призванным предупреждать противоправные проявления (преступления и административные правонарушения) среди несовершеннолетних в конкретно-исторических условиях становления новой российской государственности. Эти условия характеризовались трансформацией практически всех сфер жизни российского общества, устойчивой динамичностью экономических, социальных, политических процессов, идеологической и духовно-нравственной неопределенностью, нарастанием негативных тенденций в развитии криминогенной ситуации практически на всей территории страны и, как следствие, резким осложнением оперативной обстановки в подростково-юношеской среде. В процессе исследования были использованы общенаучные и общеевропейские методы, обеспечившие достоверность, всесторонность и конкретность полученных научных знаний. Изучение разноплановых исторических источников, как опубликованных, так и архивных, позволило сделать обоснованные выводы о развитии института содействия граждан органам внутренних дел Российской Федерации в правоохранительной сфере после прекращения существования Союза Советских Социалистических Республик, а также об организационно-правовом обеспечении, содержании и значении совместной работы представителей общественности и подразделений милиции по предупреждению правонарушений несовершеннолетних.
Ключевые слова: милиция, правонарушения несовершеннолетних, предупреждение правонарушений, общественность, содействие граждан милиции

Для цитирования: Бражников, С. А. Содействие общественности милиции в работе по предупреждению правонарушений несовершеннолетних в России конца XX века / С. А. Бражников // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 4. – С. 5-16. – DOI 10.37482/2687-1505-V357.

Original article

Public Assistance to the Police in Preventing Juvenile Delinquency in Late 20th-Century Russia

Sergey A. Brazhnikov

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Voronezh, Russia,
e-mail: s.a.brazhnikov@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8583-9942>

Abstract. In recent years, countering illegal activity among children and adolescents has been one of the priorities of law enforcement in Russia. This area requires a comprehensive study and improvement, including through academic research. This article is one of the few studies that from the standpoint of modern historical science describes the activities that were carried out at the national, regional and local levels within the framework of public assistance to various services and departments of Russia's law enforcement bodies. The latter aimed to prevent juvenile delinquency under specific historical circumstances, which are characterized by a transformation of almost all spheres of life, sustainable dynamics of the economic, social and political processes, as well as ideological, spiritual and moral uncertainty, growing crime rates virtually throughout the country and, as a consequence, an escalation of juvenile offending. The author applied the general scientific and general historical methods, which ensured that the results obtained are reliable, comprehensive and concrete. The use of diverse historical sources, both published and archival, allowed the author to draw well-founded conclusions about the development of the institution of public assistance to law enforcement agencies in Russia after the collapse of the Soviet Union, as well as about the organizational and legal framework, content and significance of the joint efforts of the public and police departments to prevent juvenile delinquency.

Keywords: *police, juvenile delinquency, prevention of delinquency, public, public assistance to the police*

For citation: Brazhnikov S.A. Public Assistance to the Police in Preventing Juvenile Delinquency in Late 20th-Century Russia. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 4, pp. 5–16. DOI: 10.37482/2687-1505-V357

В рамках Десятилетия детства (2017–2027 годы), объявленного указом Президента Российской Федерации В.В. Путина, в нашей стране широкомасштабно решается задача обеспечения благополучного и безопасного детства¹. Комплекс мероприятий, реализация которых запланирована в этот промежуток времени, включает разработку и осуществление мер по совер-

шенствованию профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, по противодействию криминализации подростковой среды². Правительством Российской Федерации определена перспективная цель дальнейшего формирования системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: обеспечение соответствующих условий

---

¹Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства: указ Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240 // Рос. газ. 2017. 30 мая.

²Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года: распоряжение Правительства РФ от 23 янв. 2021 г. № 122-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 5, ст. 914.

для социализации и ресоциализации детей, подростков, лиц юношеского возраста, их саморазвития, воспитания на базе социокультурных, духовных, нравственных ценностей, правил и норм, традиционных для российского общества, формирования у них чувства патриотизма, уважения к закону.

Достижение этой цели предполагает решение следующих основных задач:

1) снижение числа правонарушений, в т. ч. повторных, в подростково-юношеской среде;

2) обеспечение прав детей на проживание и воспитание в семье;

3) защита прав детей, подростков, лиц юношеского возраста и обеспечение для них благоприятной жизненной перспективы;

4) повышение эффективности функционирования механизмов управления субъектами системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;

5) модернизация существующих и разработка новых технологий, форм и методов профилактической работы в подростково-юношеской среде;

6) повышение уровня профессиональной подготовки кадров для системы субъектов, задействованных в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних³.

В связи с этим разноформатный анализ накопленного опыта работы государственных и негосударственных субъектов предупреждения правонарушений несовершеннолетних имеет особую значимость, поскольку позволяет получить научно обоснованные результаты для последующего использования в современной правоохранительной практике.

Целью исследования, проведенного в рамках настоящей статьи, стало изучение отдельных аспектов истории развития совместной работы сотрудников криминальной милиции, милиции общественной безопасности и представителей общественности в сфере предупреждения пре-

ступлений и административных правонарушений несовершеннолетних в период с конца 1991 по 1999 год. Его объектом выступила государственная политика Российской Федерации в сфере противодействия правонарушительству.

Источниковая база включает материалы как опубликованные (ряд печатных изданий), так и находящиеся на архивном хранении. Среди привлеченных источников следует выделить официальные документы нормативного характера, содержащие важнейшую информацию по указанной проблематике. В них отражены основные направления, формы и методы совместной профилактической работы милиции и населения в среде несовершеннолетних в рассматриваемый период.

Исследование проведено на основе принципов объективности и историзма с применением методов причинно-следственного и ситуационного анализа, историко-генетического и хронологического методов.

Следует отметить, что тема настоящей статьи характеризуется низкой степенью научной разработанности. Некоторые вопросы совместной воспитательно-профилактической деятельности милиции и граждан в подростково-юношеской среде в 90-е годы XX века освещены в трудах М.В. Бутовой [1], О.Н. Жидконожкиной [2], А.Б. Козловского [3], В.Н. Колемасова и Т.А. Сергеевой [4], В.А. Кудина и М.Ю. Гутмана [5], В.В. Майоровой [6], Л.И. Овчинниковой [7], Б.А. Тарчкова и М.Х. Машекуашевой [8]. Указанные авторы провели исследования с позиции юридических наук, с использованием соответствующего методического и методологического инструментария. В историческом аспекте отдельные элементы взаимодействия органов внутренних дел и общественных структур в самом общем виде, фрагментарно рассмотрены в рамках кандидатских диссертаций М.А. Таранцова [9] и С.А. Фокина [10]. В настоящее время отсутствуют научные труды

³Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 22 марта 2017 г. № 520-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 14, ст. 2088.

ученых-историков, полноценно раскрывающие рассматриваемую тему, что объективно определяет актуальность проведенного исследования.

Принцип взаимодействия милиции с общественными объединениями, трудовыми коллективами и гражданами при решении стоявших перед ней задач получил закрепление в ч. 2 ст. 3 закона РСФСР от 18 апреля 1991 года № 1026-I «О милиции». Кроме того, в соответствии с п. 32 ст. 11 данного нормативного правового акта милиции предоставлялось право привлекать граждан с их согласия к сотрудничеству и поощрять за оказание помощи по различным направлениям правоохранительной деятельности⁴.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1974 года № 6007-VIII⁵ и постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 мая 1974 года № 379⁶ предусматривали возможность создания добровольных народных дружин трудовыми коллективами предприятий, организаций, учреждений, а также по месту проживания граждан. В их основные функции входило участие в борьбе с правонарушениями несовершеннолетних. В целях лучшей организации этой работы на основании п. 18 положения о добровольных народных дружинах в РСФСР от 19 июля 1974 года⁷ в рассматриваемый период формировались специализированные добровольные народные дружины, а также в их

составе – специализированные группы по предупреждению правонарушений несовершеннолетних.

Для повышения эффективности совместной работы государственных и негосударственных субъектов, задействованных в обеспечении правопорядка, предусматривалось создание общественных пунктов охраны порядка, которые, в частности, принимали активное участие в борьбе с безнадзорностью и правонарушениями несовершеннолетних, в воспитании детей и подростков. В этих целях представители общественных пунктов охраны порядка:

1) организовывали культурно-просветительские мероприятия по месту жительства детей и подростков;

2) оказывали содействие в осуществлении надзора за поведением детей и подростков в общественных местах;

3) инициировали установление шефства над несовершеннолетними, совершавшими правонарушения;

4) принимали участие в мероприятиях по повышению педагогической грамотности родителей;

5) проводили обсуждения по фактам невыполнения родителями обязанностей по воспитанию детей;

---

⁴О милиции: закон РСФСР от 18 апр. 1991 г. № 1026-I // Вед. Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 16, ст. 503.

⁵Об основных обязанностях и правах добровольных народных дружин по охране общественного порядка: указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1974 г. № 6007-VIII // Вед. Верховного Совета СССР. 1974. № 22, ст. 326 (признан не действующим в РФ в соответствии со ст. 49 федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»).

⁶О дальнейшем совершенствовании деятельности добровольных народных дружин по охране общественного порядка: постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 мая 1974 г. № 379 // Свод законов СССР. 1990. Т. 10. С. 249 (признано не действующим на территории РФ в соответствии с п. 2 постановления Правительства РФ от 17 июля 1995 г. № 733 «О признании утратившими силу, а также не действующими на территории РФ некоторых нормативных правовых актов в связи с федеральным законом «Об общественных объединениях»).

⁷О дальнейшем совершенствовании деятельности добровольных народных дружин РСФСР по охране общественного порядка: постановление Совета Министров РСФСР от 19 июля 1974 г. № 423 // Собр. постановлений и распоряжений Правительства РСФСР. 1974. № 21, ст. 114 (признано утратившим силу в соответствии с п. 1 постановления Правительства РФ от 17 июля 1995 г. № 733 «О признании утратившими силу, а также не действующими на территории РФ некоторых нормативных правовых актов в связи с федеральным законом «Об общественных объединениях»).

б) при необходимости в установленном порядке инициировали привлечение лиц, не исполнявших родительские обязанности, к юридической ответственности⁸.

Органы внутренних дел предоставляли общественным пунктам охраны порядка актуальную информацию о состоянии правопорядка, а также обеспечивали их инструктивно-методической документацией и юридической литературой.

Значительный объем работы в сфере профилактики преступности несовершеннолетних выполняли внештатные сотрудники милиции, деятельность которых в рассматриваемый период регламентировалась приказом МВД СССР от 31 декабря 1976 года № 333 «Об организации работы с внештатными сотрудниками милиции» (утратил силу с 20 ноября 1992 года), а затем приказом МВД России от 20 ноября 1992 года № 420, утвердившим Временную инструкцию по организации работы внештатных сотрудников милиции. В качестве таковых привлекались на добровольной основе граждане Российской Федерации, достигшие совершеннолетия, обладавшие соответствующими личными и деловыми качествами. Помощь внештатных сотрудников использовалась в зависимости от складывавшейся оперативной обстановки и в основном состояла в выполнении поручений, которые давались им сотрудниками милиции по различным направлениям оперативно-служебной деятельности⁹.

Например, внештатным сотрудникам милиции, имевшим уголовно-розыскную специализацию, могло быть поручено проведение работы по следующим направлениям:

1) выявление детей и подростков, подлежащих профилактическому учету;

2) проведение соответствующей работы с детьми, подростками и их родителями (законными представителями) в инспекциях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел;

3) выявление групп несовершеннолетних, специализировавшихся на совершении правонарушений;

4) установление лиц, занимавшихся вовлечением детей и подростков в антиобщественную деятельность;

5) установление лиц, подстрекавших несовершеннолетних к участию в совершении правонарушений;

6) установление родителей (законных представителей), не исполнявших своих обязанностей по воспитанию детей, а также оказывавших на детей негативное воздействие антиобщественным поведением, и оказание на таких лиц воспитательного воздействия¹⁰.

На конец рассматриваемого периода (декабрь 1999 года) в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел числилось 47 273 внештатных сотрудника милиции, на каждого из которых приходилось 800 несовершеннолетних (малолетних) жителей Российской Федерации¹¹.

Следует отметить, что руководство МВД России предпринимало определенные меры по обеспечению привлечения граждан к участию в деятельности милиции по предупреждению правонарушений несовершеннолетних. Так, 23 декабря 1992 года министр внутренних дел РФ В.Ф. Ерин издал приказ № 469 «О задачах органов внутренних дел по выполнению постановления VII Съезда народных депутатов Российской Федерации «О состоянии законности, борьбы

⁸Об утверждении Положения об общественных пунктах охраны порядка в РСФСР: указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 июня 1980 г. // Вед. Верховного Совета РСФСР. 1980. № 27, ст. 772.

⁹Об утверждении Временной инструкции по организации работы внештатных сотрудников милиции: приказ МВД России от 20 нояб. 1992 г. № 420 // Бюл. норматив. актов м-в и ведомств РФ. 1993. № 3, ст. 9.

¹⁰Горяинов К.К., Кваша Ю.Ф., Сурков К.В. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: комментарий / отв. ред. П.Г. Пономарев. М., 1997. 572 с.

¹¹Обзор практики прокурорского надзора за исполнением законов о профилактике безнадзорности несовершеннолетних: подгот. Ген. прокуратурой РФ (№ 21-3-99 от 24 дек. 1999 г.) // Гос. арх. Воронеж. обл. Ф. Р-2700. Оп. 2. Д. 2858. Л. 268.

с преступностью и коррупцией», который предписывал начальникам органов внутренних дел на региональном уровне совместно с руководством предприятий, учреждений, организаций и общественными структурами выявить причины низкой активности в работе по профилактике правонарушений несовершеннолетних и в установленном порядке представить в органы власти на местах предложения по повышению эффективности участия общественных формирований в охране правопорядка и предупреждению правонарушений¹².

Первый заместитель министра внутренних дел РФ Е.А. Абрамов, выступая на страницах журнала «Милиция» в июне 1993 года, также указывал на объективную необходимость проведения соответствующих мероприятий, направленных на стимулирование участия граждан в обеспечении правопорядка¹³.

22 сентября 1993 года Совет министров – Правительство РФ – издал постановление № 959, в котором получила правовую регламентацию возможность использования органами внутренних дел содействия граждан, добровольно взявших на себя обязанности по охране общественного порядка. Так, МВД России было разрешено оплачивать труд данных лиц за счет денежного содержания, предусматривавшегося для вакантных должностей, имевшихся в штатных расписаниях органов внутренних дел. Региональным органам исполнительной власти было рекомендовано принять меры по восстановлению, с учетом местных условий, ранее существовавших общественных институтов правоохранительной деятельности¹⁴.

Руководство МВД России предлагало органам внутренних дел на местах при решении стоявших перед ними задач по противодействию преступности в 1994 году всемерно опираться на общественность, проявлять инициативу по возрождению и наполнению новым содержанием деятельности общественных формирований правоохранительной направленности, постоянно информировать население о результатах борьбы с преступностью, методах и формах предупреждения правонарушений¹⁵.

24 мая 1994 года Президент России Б.Н. Ельцин утвердил федеральную программу Российской Федерации «О неотложных мерах по усилению борьбы с преступностью на 1994–1995 годы», в рамках которой предусматривалось проведение органами исполнительной власти комплекса мероприятий всех уровней, направленных на вовлечение общественности в работу по охране общественного порядка. Одним из исходных концептуальных (базовых) положений этого документа являлось признание необходимости восстановления, развития системы профилактики правонарушений и участия общественности в борьбе с ними. Программные мероприятия предусматривали воссоздание сети общественных формирований правоохранительной направленности по работе с несовершеннолетними¹⁶.

16 ноября 1994 года В.Ф. Ерин выступил на заседании Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации с докладом о состоянии правопорядка и законности в стране, в котором, в частности, отметил, что в целях консолидации усилий по предупреждению

---

¹²О задачах органов внутренних дел по выполнению Постановления VII Съезда народных депутатов Российской Федерации «О состоянии законности, борьбы с преступностью и коррупцией»: приказ МВД России от 23 дек. 1992 г. № 469 // Отд-ние арх. информ. и реабилитации информ. центра УМВД России по Курск. обл. Ф. 6. Оп. 1-в. Д. 549. Л. 122–135.

¹³Абрамов Е.А. Как остановить агрессию преступности // Милиция. 1993. № 6. С. 2–5.

¹⁴О мерах по усилению охраны общественного порядка на улицах городов и других населенных пунктов Российской Федерации: постановление Совета министров – Правительства РФ от 22 сент. 1993 г. № 959 // Собр. актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 39, ст. 3631.

¹⁵Задачи года: законность, наступательность, результативность // Милиция. 1994. № 4. С. 5.

¹⁶О неотложных мерах по реализации Федеральной программы Российской Федерации по усилению борьбы с преступностью на 1994–1995 годы: указ Президента РФ от 24 мая 1994 г. № 1016 // Рос. газ. 1994. 1 июня.

подростковой преступности МВД России в истекшем периоде 1994 года велась работа по налаживанию сотрудничества с Минсоцзащиты и Минобразования России, Роскоммолодежи. Кроме того, принимались меры по восстановлению сети общественных объединений правоохранительной направленности: их число возросло до 25 тыс., а общее количество граждан, задействованных в охране общественного порядка, превысило 300 тыс. чел. В то же время В.Ф. Ерин признал, что МВД России не удалось инициировать обращение к этой проблеме всех государственных и общественных структур, без участия которых не представляется возможным стабилизировать ситуацию в детско-подростковой среде¹⁷.

Необходимо подчеркнуть, что МВД России предпринимало меры по выявлению и распространению эффективных форм и методов совместной работы органов внутренних дел и общественности в сфере предупреждения противоправных проявлений среди несовершеннолетних. Так, в декабре 1994 года журнал «Милиция» освещал эффективную работу Москаленского районного отдела внутренних дел и администрации Москаленского района Омской области по созданию общественных формирований правоохранительной направленности, которые к тому времени существовали при каждой сельской администрации. Так, для содействия милиции были образованы и успешно функционировали добровольные народные дружины и комиссии по делам несовершеннолетних на общественных началах. Достижение необходимой результативности реализованных с участием общественности мероприятий обеспечивалось путем учета при их организации и проведении складывавшейся социально-экономической обстановки. В частности, получили надлежащую проработку вопросы материальной заинтересованности граждан, привлекавшихся к участию в охране общественного порядка. Осущест-

влялся поиск действенных форм профилактики противоправных проявлений различных категорий. При этом особое внимание уделялось профилактике правонарушений несовершеннолетних. Анализ правоприменительной практики показал, что наиболее эффективными формами профилактики совершения правонарушений несовершеннолетними являлись индивидуальная воспитательная работа с детьми, подростками, лицами юношеского возраста, а также привлечение милицией представителей общественности для совместной работы по контролю за поведением несовершеннолетних по месту проживания и в общественных местах. В результате предпринятых мер общее количество преступлений, совершенных подростками на территории Москаленского района в 1994 году, сократилось в два раза по сравнению с показателем 1992 года¹⁸.

В ноябре 1995 года журнал «Милиция» опубликовал материал о положительном опыте работы общественности Ярославской области по профилактике безнадзорности и правонарушительства в детско-подростковой среде. В тексте отмечено, что благодаря совместным усилиям руководства управления внутренних дел и администрации Ярославской области в 1993–1995 годах было открыто 149 общественных пунктов охраны порядка, на базе которых функционировало 185 общественных формирований правоохранительной направленности. В г. Ярославле пункты охраны общественного порядка действовали во всех микрорайонах. Финансирование их деятельности осуществлялось за счет средств городского бюджета. Согласно постановлению мэра г. Ярославля от 20 декабря 1993 года № 1479 «Об обеспечении работы общественных пунктов охраны порядка», были введены 43 должности начальника общественного пункта охраны порядка с соответствующим должностным окладом, а также предусмотрены расходы на материальное

¹⁷Ерин В.Ф. Давайте работать вместе! (выступление министра внутренних дел Российской Федерации генерала армии В.Ф. Ерина на заседании Государственной Думы 16 ноября 1994 года) // Милиция. 1995. № 1. С. 1–6.

¹⁸Лаухтин А.Г. Наедине с подростком // Милиция. 1994. № 12. С. 11–12.

поощрение граждан, задействовавшихся в охране правопорядка, оборудование и ремонт общественных пунктов охраны порядка. Представители общественных формирований правоохранительной направленности совместно с сотрудниками милиции осуществляли патрулирование в общественных местах, участвовали в профилактических рейдовых мероприятиях по выявлению безнадзорных и беспризорных детей, проверяли состояние общественного порядка в наиболее криминогенных местах, задерживали и доставляли несовершеннолетних правонарушителей в органы внутренних дел и общественные пункты охраны порядка, контролировали поведение детей и подростков, состоявших на профилактическом учете в инспекции по делам несовершеннолетних. Каждый выход гражданина на дежурство по охране общественного порядка в г. Ярославле в 1995 году оплачивался в размере 1970 р. Кроме того, общественные формирования правоохранительной направленности принимали участие в устройстве детей из неблагополучных семей, родители которых были лишены родительских прав¹⁹.

Итоги деятельности органов внутренних дел в 1995 году показали, что прежние формы участия населения в охране общественного порядка возрождались с большим трудом. Во многом это было связано с отсутствием соответствующего законодательства. Сдерживающим фактором являлась и проблема материального стимулирования народных дружинников. В ряде регионов страны органы исполнительной власти приняли нормативные правовые акты, регулировавшие деятельность народных дружин. В Москве, Республике Башкортостан, Кировской, Курганской и Кемеровской областях, а также в некоторых других субъектах Российской Федерации были созданы надлежащие материальные условия для функционирования народных дружин на качественно новом уровне.

Имело место участие населения в охране общественного порядка на безвозмездной основе. В Нижегородской области специализированные отряды охраняли дачные и садоводческие товарищества. В сельской местности Чувашской Республики в ночное время было организовано дежурство дозорных групп. Существенный вклад в охрану общественного порядка, профилактику противоправной активности в подростково-юношеской среде вносили представители частных детективных и охранных структур. Так, в Москве органы внутренних дел заключили свыше 300 договоров с охранно-сыскными предприятиями. С их участием были проведены 3 общегородские операции и 137 рейдов, в ходе которых в т. ч. решались задачи по предупреждению и пресечению правонарушений несовершеннолетних. К концу 1995 года количество зарегистрированных субъектов частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации превысило 7,7 тыс., а численность их персонала составила 82 тыс. чел.²⁰

Следует отметить, что руководство МВД России уделяло внимание и организационному обеспечению содействия граждан милиции в решении возложенных на нее задач. Так, министр внутренних дел РФ А.С. Куликов 20 ноября 1996 года издал директиву № 4 «Об итогах оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел и служебно-боевой деятельности внутренних войск МВД России в 1996 году и задачах на 1997 год», в которой предложил руководителям органов внутренних дел всех уровней в рамках усиления профилактики преступности и предупреждения детской безнадзорности активизировать работу по восстановлению, организационной и методической поддержке самодетельных формирований граждан, ставивших целью охрану общественного порядка.

Реализация директивных указаний МВД России в рамках правоохранительной дея-

---

¹⁹Васильев Б.А. Наперекор криминальной агрессии // Милиция. 1995. № 11. С. 14–25.

²⁰Итоги оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел и служебно-боевой деятельности внутренних войск МВД России в 1995 году (отчет перед гражданами Российской Федерации) // Милиция. 1996. № 4. С. 20.

тельности позволила получить определенные положительные результаты. Так, в 1997 году органам внутренних дел оказывали активное содействие около 200 тыс. народных дружинников и 80 тыс. внештатных сотрудников милиции. С участием общественных формирований было выявлено 20 тыс. преступлений и пресечено 70 тыс. административных правонарушений. В республиках Бурятия, Саха (Якутия), Марий Эл, Чувашской Республике, Краснодарском крае, Волгоградской и Воронежской областях, Москве и Московской области успешно осуществляли свою деятельность общественные формирования правоохранительной направленности нетрадиционных форм: правоохранительные кооперативы, центры социальной профилактики и семейного воспитания, отряды содействия милиции и др. Общественность активно занималась профилактикой преступности среди несовершеннолетних. Добровольные помощники милиции посещали неблагополучные семьи, проводили профилактическую работу с подростками и молодежью. Положительный отзыв МВД России получила совместная деятельность милиции и общественности по борьбе с правонарушениями среди молодежи г. Нижнего Новгорода и г. Арзамаса Нижегородской области. В этих городах органы внутренних дел на протяжении ряда лет тесно сотрудничали со студенческой службой охраны «Щит», свыше 400 членов которой привлекались к обеспечению порядка в 43 студенческих общежитиях, местах массового отдыха молодежи, а также принимали участие в мероприятиях по борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

Хорошо зарекомендовали себя социально-профилактические центры, функционировавшие в г. Салавате Республики Башкортостан. В 1997 году актив этих общественных формирований выявил 341 неблагополучную семью и 315 несовершеннолетних, склонных к

совершению правонарушений, а также оказал содействие сотрудникам милиции в раскрытии 370 преступлений. Деятельность социально-профилактических центров г. Салавата была положительно оценена руководством МВД Республики Башкортостан, а опыт их взаимодействия с органами внутренних дел получил дальнейшее распространение в правоохранительной практике на республиканском уровне. В г. Улан-Удэ в 4 общеобразовательных школах были созданы советы отцов, целью деятельности которых являлось как предупреждение правонарушений среди детей и родителей, так и поддержание общественного порядка в учебных заведениях и на прилегающих к ним территориях. Все это объективно свидетельствовало о тенденции возрастания интереса у населения страны к проблемам правоохранительной деятельности и об осознании гражданами необходимости взаимодействия с органами внутренних дел²¹.

Итоги деятельности органов внутренних дел в 1997 году показали, что число общественных объединений правоохранительной направленности, действовавших в Российской Федерации, в сравнении с 1994 годом увеличилось на 64 % и достигло 30 тыс., а количество их работников составило 307 тыс. чел. В городах и сельской местности функционировало 13,2 тыс. общественных пунктов охраны порядка. Работа по созданию общественных объединений правоохранительной направленности велась наиболее продуктивно в Республике Башкортостан, Чувашской Республике, Москве и Московской области, Вологодской, Воронежской, Кировской, Нижегородской, Оренбургской и Саратовской областях²².

1 июля 1998 года состоялось заседание коллегии МВД России, в ходе которого были рассмотрены состояние и меры совершенствования деятельности органов внутренних дел по профилактике преступности несовершен-

²¹Мухин В. Дружины возвращаются // Человек и закон. 1998. № 7. С. 143–146.

²²Отчет Министерства внутренних дел перед гражданами Российской Федерации // Милиция. 1998. № 4. С. 14.

нолетних. По результатам обсуждения данного вопроса коллегия рекомендовала руководителям органов внутренних дел обеспечить дальнейшую активизацию использования возможностей общественных объединений, религиозных организаций (объединений), ассоциаций, фондов, средств массовой информации, а также граждан в работе по предупреждению антисоциального поведения детей и подростков²³.

В феврале 1999 года журнал «Законность» осветил положительный опыт работы правоохранительных органов Новобурасского района Саратовской области по внедрению в практику новой формы участия общественности в борьбе с преступностью. Начало такой деятельности было положено в конце 1997 года, когда по решению координационного совета руководителей правоохранительных органов под председательством прокурора Новобурасского района В.Л. Никитина на территории всех 15 округов района в порядке эксперимента были созданы малые координационные советы по борьбе с преступностью и профилактике правонарушений. Председателями малых координационных советов являлись участковые инспекторы милиции, их заместителями – главы окружной сельской администрации. В качестве членов малых координационных советов по борьбе с преступностью и профилактике правонарушений привлекались руководители предприятий и хозяйств, представители окружной сельской администрации и общественных организаций. Малые координационные советы уделяли большое внимание воспитательной работе с неблагополучными детьми и подростками. Их деятельность положительно отразилась на состоянии криминальной обстановки в районе. В частности, количество преступлений, совершенных несовершеннолетними в первом

полугодии 1998 года, сократилось на 66,7 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Число преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, уменьшилось на 19,4 %²⁴.

Принимая во внимание вышеизложенное, представляется возможным аргументированно утверждать следующее.

1. В рассматриваемый период институт содействия граждан милиции в Российской Федерации претерпел существенную трансформацию, вызванную прежде всего утратой силы находившейся в его основе советской нормативной базы и созданием новой, адаптированной к реалиям рыночной экономики. Однако такая работа велась фрагментарно и крайне медленно. В результате до конца 90-х годов XX века оставался нерешенным вопрос полноценного правового сопровождения практической реализации декларативных положений о сотрудничестве граждан с милицией, закрепленных в ч. 2 ст. 3 и п. 32 ст. 11 закона РСФСР от 18 апреля 1991 года № 1026-1 «О милиции». Это, в свою очередь, не позволяло обеспечить надлежащие масштабы, эффективность и результативность содействия представителей общественности милиции в предупреждении правонарушений несовершеннолетних. Наиболее существенным недостатком, препятствовавшим достижению должного уровня участия граждан в профилактике противоправной активности несовершеннолетних в рамках содействия милиции, являлось отсутствие федерального закона, регламентировавшего и предусматривавшего материальное стимулирование труда граждан, правовую защиту, социальное обеспечение, соответствующие льготы и компенсации. Проблемы правового регулирования в данной сфере частично устранялись путем издания подзаконных нормативных правовых актов и руководящих

---

²³Приказ МВД России от 13 июля 1998 г. № 432 «Об объявлении решения коллегии МВД России от 1 июля 1998 года № 4 км/1». М.: МВД России, 1998. 16 с.

²⁴Никитин В.Л. Профилактика преступности и правонарушений – дело реальное // Законность. 1999. № 2. С. 29–30.

документов. Этот пробел в праве в полном объеме был ликвидирован только с вступлением в силу федерального закона от 2 апреля 2014 года № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка».

2. Степень развития работы по содействию населения милиции в предупреждении правонарушений несовершеннолетних в различных субъектах Российской Федерации отличалась и напрямую зависела от нормативно-правового,

организационного и финансового обеспечения участия представителей общественности в охране общественного порядка на региональном и местном уровнях.

3. Содействие граждан милиции в предупреждении правонарушений несовершеннолетних в период с конца 1991 года по 1999 год выступало в качестве неотъемлемой части вклада общественности в профилактику правонарушительства в подростково-юношеской среде.

Список литературы

1. Бутова М.В. Исторический аспект профилактики правонарушений среди несовершеннолетних // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии: сб. ст. Воронеж, 2019. Вып. 5, ч. 1. С. 177–182.

2. Жидконожкина О.Н. Участие граждан в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (историко-правовой аспект) // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия: сб. ст. Воронеж, 2020. Вып. 2. С. 72–76.

3. Козловский А.Б. Участие общественности в борьбе с правонарушениями: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 153 с.

4. Колемасов В.Н., Сергеева Т.А. Становление института по противодействию преступности несовершеннолетних, проблемы профилактики // Наука. О-во. Гос-во. 2020. Т. 8, № 2(30). С. 95–103. <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2020-8-2-11>

5. Кудин В.А., Гутман М.Ю. Профилактика безнадзорности и преступности несовершеннолетних: исторический опыт правового регулирования // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2016. № 4(72). С. 15–30.

6. Майорова В.В. Организационно-правовые основы взаимодействия ОВД и населения во второй половине XX века (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 204 с.

7. Овчинникова Л.И. Правовые и организационные основы привлечения негосударственных субъектов правоохранительной направленности к охране общественного порядка: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 218 с.

8. Тарчоков Б.А., Машекуашева М.Х. Вопросы противодействия преступности среди несовершеннолетних подростков // Ист. и соц.-образоват. мысль. 2016. Т. 8, № 3-1. С. 201–204. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2016-8-3/1-201-204>

9. Таранцов М.А. Взаимодействие государственных органов и общественных организаций в разработке и реализации региональной молодежной политики (Вторая половина 80-х – начало 90-х годов. На материалах областей Нижнего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 271 с.

10. Фокин С.А. Деятельность государственных и общественных институтов России в отношении молодого поколения в социальной сфере (1991–2000 годы): дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 261 с.

References

1. Butova M.V. Istoricheskiy aspekt profilaktiki pravonarusheniy sredi nesovershennoletnikh [Historical Aspect of Preventing Juvenile Delinquency]. *Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii* [Public Safety, Legality and Order in the 3rd Millennium]. Voronezh, 2019. Iss. 5, pt. 1, pp. 177–182.

2. Zhidkonozhkina O.N. Uchastie grazhdan v profilaktike beznadzornosti i pravonarusheniy nesovershennoletnikh (istoriko-pravovoy aspekt) [Public Involvement in Child Neglect and Juvenile Delinquency Prevention (Historical and Legal Aspect)]. *Politsiya i obshchestvo: problemy i perspektivy vzaimodeystviya* [Police and Society: Problems and Prospects of Interaction]. Voronezh, 2020. Iss. 2, pp. 72–76.

3. Kozlovskiy A.B. *Uchastie obshchestvennosti v bor'be s pravonarusheniyami* [Public Participation in the Fight Against Crime: Diss.]. Moscow, 1998. 153 p.

4. Kolemasov V.N., Sergeeva T.A. Formation of the Institute for Combating Juvenile Delinquency, Prevention Problems. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, 2020, vol. 8, no. 2, pp. 95–103 (in Russ.). <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2020-8-2-11>

5. Kudin V.A., Gutman M.Yu. *Profilaktika beznadzornosti i prestupnosti nesovershennoletnikh: istoricheskiy opyt pravovogo regulirovaniya* [Prevention of Neglect and Juvenile Crime: The Historical Experience of Legal Regulation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2016, no. 4, pp. 15–30.

6. Mayorova V.V. *Organizatsionno-pravovye osnovy vzaimodeystviya OVD i naseleniya vo vtoroy polovine XX veka (istoriko-pravovoe issledovanie)* [Legal and Organizational Framework for the Interaction Between Law Enforcement Bodies and the Population in the Second Half of the 20th Century (Historical and Legal Research): Diss.]. Moscow, 2004. 204 p.

7. Ovchinnikova L.I. *Pravovye i organizatsionnye osnovy privlecheniya negosudarstvennykh sub'ektov pravookhranitel'noy napravlenosti k okhrane obshchestvennogo poryadka* [Legal and Organizational Framework for Involving Nongovernmental Law Enforcement Actors in the Protection of Public Order: Diss.]. Moscow, 2007. 218 p.

8. Tarchokov B.A., Mashekuasheva M.Kh. *Voprosy protivodeystviya prestupnosti sredi nesovershennoletnikh podrostkov* [The Issues of Combating of Juvenile Delinquency of Teenagers]. *Hist. Soc. Educ. Idea*, 2016, vol. 8, no. 3-1, pp. 201–204. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2016-8-3/1-201-204>

9. Tarantsov M.A. *Vzaimodeystvie gosudarstvennykh organov i obshchestvennykh organizatsiy v razrabotke i realizatsii regional'noy molodezhnoy politiki (Vtoraya polovina 80-kh – nachalo 90-kh godov. Na materialakh oblastey Nizhnego Povolzh'ya)* [Cooperation Between State Agencies and Public Organizations in the Development and Implementation of a Regional Youth Policy (Second Half of the 1980s – Early 1990s. Based on the Materials from the Lower Volga Area): Diss.]. Moscow, 1992. 271 p.

10. Fokin S.A. *Deyatel'nost' gosudarstvennykh i obshchestvennykh institutov Rossii v otnoshenii mladogo pokoleniya v sotsial'noy sfere (1991–2000 gody)* [Activities of Russia's State and Public Institutions in the Social Sphere Aimed at Young People (1991–2000): Diss.]. Moscow, 2003. 261 p.

Информация об авторе

С.А. Бражников – кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры административной деятельности органов внутренних дел Воронежского института Министерства внутренних дел Российской Федерации (адрес: 394065, г. Воронеж, просп. Патриотов, д. 53).

Information about the author

Sergey A. Brazhnikov, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Head of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (address: prosp. Patriotov 53, Voronezh, 394065, Russia).

Поступила в редакцию 25.01.2024

Одобрена после рецензирования 23.04.2024

Принята к публикации 26.04.2024

Submitted 25 January 2024

Approved after reviewing 23 April 2024

Accepted for publication 26 April 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 4. С. 17–31.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 4, pp. 17–31.

Научная статья

УДК 94(47).084.3

DOI: 10.37482/2687-1505-V358

«Теперь много таких развелось, и все они будут преданы суду...» Генерал Носович: попытка реабилитации у белых в 1918 году

Андрей Владиславович Ганин

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия,

e-mail: andrey_ganin@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8602-1990>

Аннотация. Статья посвящена эпизоду из биографии известного белого агента в Красной армии генерал-майора А.Л. Носовича (1878–1968) после его побега из Советской России к белым. В Красной армии А.Л. Носович служил начальником штаба Северо-Кавказского военного округа в Царицыне, а затем помощником командующего советским Южным фронтом. В августе 1918 года он был арестован на непродолжительный срок, но сумел оправдаться перед советским командованием. В октябре 1918 года, исчерпав возможности для продолжения подпольной работы, бежал через линию фронта к донским казакам. А.Л. Носович рассчитывал на признание единомышленниками своих заслуг в связи с подпольной работой, но столкнулся с недоверием и попал под репрессии – был арестован донским командованием. После освобождения уехал в Добровольческую армию, где также был встречен настороженно. Для того чтобы реабилитироваться перед белыми, генералу пришлось собирать доказательства. Переписка по этим вопросам сохранилась и представлена в настоящей статье. Публикуемые документы не только проливают свет на конкретный эпизод из биографии А.Л. Носовича, но и характеризуют в целом политику белых в отношении их сторонников в красном лагере, перебежчиков и пленных из числа бывших офицеров старой армии. Эта политика, не отличаясь прагматизмом, стала одной из причин поражения Белого движения. Кроме того, материалы реабилитации генерала А.Л. Носовича у белых содержат новые подробности работы антибольшевистского подполья в Советской России в 1918 году. Данное исследование дополняет комплекс документов А.Л. Носовича (включая его воспоминания и публицистику), введенных в научный оборот ранее.

Ключевые слова: Советская Россия, Белое движение, белая эмиграция, белое подполье, революция и офицерство, А.Л. Носович, А.М. Драгомиров

Для цитирования: Ганин, А. В. «Теперь много таких развелось, и все они будут преданы суду...» Генерал Носович: попытка реабилитации у белых в 1918 году / А. В. Ганин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 4. – С. 17-31. – DOI 10.37482/2687-1505-V358.

Ганин А.В.

«Теперь много таких развелось, и все они будут преданы суду...» Генерал Носович: попытка реабилитации...

Original article

“There Are Many of Them Right Now, and They Will All Be Put on Trial...” General Nosovich: An Attempt to Be Rehabilitated by the Whites in 1918

Andrey V. Ganin

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,

e-mail: andrey_ganin@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8602-1990>

Abstract. The article discusses an episode from the biography of a famous White agent in the Red army, Major General A.L. Nosovich (1878–1968), after his escape from Soviet Russia to the Whites. Nosovich served in the Red Army as chief of staff of the North Caucasus Military District in Tsaritsyn and later as assistant commander of the Southern Front. In August 1918, he was briefly arrested, but managed to prove his innocence to the Soviet command. In October 1918, having exhausted all the possibilities for continued underground activity, he crossed the front lines to join the Don Cossacks. Nosovich hoped to get recognition for his underground work, but faced mistrust and repression from the Don command. He was initially arrested, but later released and joined the Volunteer Army, where he was met with suspicion as well. In order to prove his loyalty to the Whites, Nosovich collected evidence of his service. Correspondence on these issues has survived and is presented in the article. These documents not only shed light on the specific episode in Nosovich’s life, but also in general characterize the policy of the Whites towards their supporters in the Red Army, defectors and prisoners from among former officers of the old army. This policy, lacking pragmatism, was one of the reasons behind the defeat of the White movement. In addition, the materials on the rehabilitation of General Nosovich by the Whites provide new details on the work of anti-Bolshevik underground organizations in Soviet Russia in 1918. This research complements the previously published collection of Nosovich’s documents, which include his memoirs and journalistic writings.

Keywords: *Soviet Russia, White movement, white émigrés, White underground, revolution and officers, A.L. Nosovich, A.M. Dragomirov*

For citation: Ganin A.V. “There Are Many of Them Right Now, and They Will All Be Put on Trial...” General Nosovich: An Attempt to Be Rehabilitated by the Whites in 1918. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 4, pp. 17–31. DOI: 10.37482/2687-1505-V358

Материалы о белом военном подполье в Красной армии в период Гражданской войны в России 1917–1922 годов представляют большой научный и общественный интерес. Такого рода свидетельства достаточно редки, поэтому ценно буквально каждое. В ходе работы в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) удалось обнаружить комплекс документов, связанный с попыткой генерала Анатолия Леонидовича Носовича (27.10.1878–25.01.1968) реабилитироваться перед белыми после своего побега из Красной армии осенью 1918 года. Эти материалы проливают свет на нелегальную работу Носовича в Советской России, где он являлся видным деятелем бело-

го подполья в Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА).

А.Л. Носович был офицером Лейб-гвардии Уланского Его Величества полка и выпускником Императорской Николаевской военной академии. За отличия в годы Первой мировой войны был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. На фронте командовал 466-м пехотным Малмыжским полком, а затем бригадой 11-й пехотной дивизии, был произведен в генерал-майоры. Весной 1918 года, спасаясь от возможного пленения австро-германскими войсками, оккупировавшими Украину, уехал в Москву. Там он установил связь с французской военной миссией в России и антибольшевистским под-

польем – «Союзом защиты Родины и свободы» Б.В. Савинкова. В дальнейшем для ведения работы в пользу белых и союзников поступил на службу в РККА, заняв ответственный пост начальника штаба Северо-Кавказского военного округа в Царицыне. Там он прослужил с конца мая до начала августа 1918 года. Тогда Носович был арестован как возможный контрреволюционер, но вскоре освобожден и даже стал помощником командующего советским Южным фронтом. В октябре 1918 года бежал через линию фронта к донским казакам, однако был встречен там с недоверием, попал под арест и едва уцелел. Затем уехал в район, контролируемый Добровольческой армией, но и там его приняли без энтузиазма.

О Носовиче и его работе в Царицыне и на Южном фронте к настоящему времени известно уже довольно много – выпущено научное издание с его воспоминаниями, документами и публицистикой, увидела свет монография о его жизни и деятельности, а также серия статей [1–5]. Тем не менее некоторые аспекты остаются непроясненными, а часть документов – недоступной для исследователей. Публикуемые ниже материалы проливают свет на безуспешную попытку Носовича поступить в конце 1918 года, уже после своего перехода к белым, на службу в Добровольческую армию, содержат новые данные о белых подпольщиках в РККА и дополняют представления об отношении белых к военспецам, белым разведчикам и перебежчикам из красного лагеря. Кроме того, эти документы служат независимым доказательством достоверности известных свидетельств Носовича о деятельности белого подполья в Советской России.

Рапорт Носовича председателю Особого совещания при главнокомандующем Добровольческой армией генералу от кавалерии А.М. Драгомирову в ряде мест текстуально схож с известным докладом белого подпольщика о своей работе [5, с. 417–428]. В письме (см. документ 1, с. 22) и рапорте Драгомирову (см. документ 2, с. 22–25) угадывается обида Носовича в связи с холодным приемом у белых. По-видимому, такое отношение в дальнейшем

мотивировало белого подпольщика оставить подробные письменные свидетельства о своей напряженной и рискованной работе в Советской России, в т. ч. в позднейших воспоминаниях, написанных уже в эмиграции.

Рапорт Носовича дежурному генералу штаба Добровольческой армии (см. документ 3, с. 26–27) содержал рекомендации в вопросе о политике по отношению к бывшим офицерам, врачам и чиновникам, служившим в Советской России. Насколько можно судить, советы вчерашнего военспеца белое командование не заинтересовали, к тому же они были крайне наивны и содержали неверные прогнозы. Носович, например, считал, что с окончанием Первой мировой войны союзники непременно активизируют борьбу с большевиками. Однако все оказалось наоборот: завершение войны снизило заинтересованность союзников в русском вопросе, а в 1919 году войска интервентов стали покидать Россию.

В связи с окончанием мировой войны Носович подчеркивал важность для белых издания приказа для всех служивших у красных – о завершении службы там. В проекте такого приказа генерал многословно рассуждал о долге офицерства, неком законном правительстве и т. д.

Но подобный документ являлся полнейшей бессмыслицей – никакими приказами осенью 1918 года белые не могли заставить военспецов переходить на свою сторону. Тем не менее проект приказа отражает уровень мышления белого подпольщика. Привыкший к конспирации Носович считал необходимым готовить этот документ в обстановке строгой секретности (хотя ничего секретного в нем не было), а затем максимально широко распространить. Логику белого генерала в такой последовательности действий уловить сложно.

В направленных белому командованию посланиях Носович заключал в кавычки слова «большевики», «большевизм», «большевистский». Видимо, таким образом он пытался дистанцироваться от красных, которым еще недавно служил, на которых возлагал ответственность и за Гражданскую войну. В то же время перед белыми Носович пытался выступать как эксперт по красному лагерю.

Образ мыслей командования белых ярко отражен в рапорте полковника Б.А. Страдецкого (см. документ 4, с. 27–28). Из документа следует, что командование Добровольческой армии уже в августе 1918 года было информировано о наличии такого ценного, высокопоставленного агента в штабе противника, каким был Носович. Однако командующий армией генерал А.И. Деникин отреагировал на это в том же духе, в каком впоследствии писал о белых подпольщиках у красных в своих «Очерках русской смуты», – резко критически. Если верить Страдецкому, для чего есть все основания, Деникин в присутствии начальника штаба армии генерала И.П. Романовского не только отказался установить связь с Носовичем, но и заявил, что тот, как и другие лица, состоящие на службе у красных, будет предан суду. Подобная реакция демонстрирует недалекость и непрактичность белого командования. Еще поразительнее приоритеты Деникина в случае, когда он не стал слушать доклад о белой организации в штабе Северо-Кавказского военного округа, поскольку торопился на панихиду по полковнику М.О. Неженцеву.

С другой стороны, даже если бы белое командование заинтересовалось работой Носовича, с этой информацией мало что можно было сделать. Если бы эти сведения, преодолев разногласия, передали бы на Дон атаману П.Н. Краснову, они могли запоздать относительно операций Донской армии против Царицына. Дело в том, что Деникин узнал о работе Носовича непосредственно в период борьбы донцов за Царицын – не ранее 8 августа 1918 года (по какому стилю, неизвестно). К тому же сам Носович был арестован и вынужденно покинул Царицын. Таким образом, проблема плохой связи и координации была одной из ключевых причин неудачи белого военного подполья и его взаимодействия с белыми армиями. Но еще большими проблемами для белых являлись узость мышления командования и примитивность представлений об окружающей действительности, видевшейся им в черно-белых тонах. В этом смысле взгляды генералов А.И. Деникина и И.П. Рома-

новского, проигнорировавших действующую подпольную ячейку своих сторонников в ближайшем крупном красном штабе, не сильно отличались от представлений самого Носовича с его абсурдным предложением приказать военспецам покинуть ряды РККА.

Автор рапорта, полковник Б.А. Страдецкий, был активным участником московского белого подполья. Именно его показания у белых спасли Носовича от преследований. Публикуемый документ содержит важные свидетельства о работе белых организаций в Москве в первой половине 1918 года и подтверждает контакты Носовича с подпольщиками в то время. Документ ранее уже привлекал внимание исследователей, использовавших отрывки из него в статье для краеведческого альманаха [6], но не публиковался целиком.

Из рапорта следует, что в начале 1918 года генералом Л.Г. Корниловым в Москву для формирования частей были направлены несколько офицеров – полковники А.П. Перхуров (будущий руководитель Ярославского восстания) и Б.А. Страдецкий, капитан В.Ф. Клементьев. В дальнейшем они стали активно работать в московском военном подполье. Эти сведения подтверждаются в воспоминаниях В.Ф. Клементьева [7, с. 17]. Страдецкий отправился в Москву через Царицын. Вместе с ним поехал вольноопределяющийся Д.В. Кошелев. Клементьев ехал через Воронеж, а Перхуров – через Бахмут, где у него жила семья. В Москве Страдецкий высказался резко против подчинения офицеров известному революционному деятелю Б.В. Савинкову [8, с. 326]. Однако в дальнейшем Страдецкий и Перхуров стали сотрудничать с Савинковым в рамках «Союза защиты Родины и свободы». Эти офицеры один за другим занимали должность начальника штаба организации. Весной 1918 года Страдецкий ездил в Добровольческую армию, после чего вернулся в Москву [9, с. 335], где и познакомился с Носовичем (тот жил у Страдецкого на квартире). Полномочия Носовича подтвердили полковники Ф.А. Бриедис (Бредис, Бреде) и А.П. Перхуров, а также сам Б.В. Савинков. Интересно, что на допросе

в 1922 году Перхуров утверждал, что, «будучи в [19]18 году в Москве в должности начальника штаба этой организации встречать ген. Носовича не приходилось. Вообще говоря, Носовича не знаю. Возможно такая встреча и была, но чисто случайная, о которой я вспомнить не могу»¹. В том же протоколе упоминались Страдецкий и соратник Носовича полковник В.П. Чебышев. Едва ли Перхуров не знал Носовича, но либо забыл о нем, либо пытался скрыть от следователя причастность того к подполью. Отметим, что сам Носович сообщал о том, что сотрудничал с Перхуровым, еще в докладе белому командованию, написанном в конце 1918 года [5, с. 94–95], а позднее и в воспоминаниях.

Во втором письме генералу А.М. Драгомирову (см. документ 5, с. 28–29) Носович сетовал на то, что, несмотря на оправдание судом, приходится терпеть оскорбления в свой адрес. Кроме того, Носович подчеркивал, что в дело его реабилитации был вовлечен авторитетный в Добровольческой армии генерал А.П. Кутепов, являвшийся тогда военным губернатором Черноморской губернии. После нескольких месяцев напряженной и опасной работы в РККА Носович буквально мучился от вынужденного бездействия у белых и стремился на службу. Показательна резолюция на этом письме Драгомирова (см. документ 6, с. 29–30), считавшего, что не может быть и речи о зачислении Носовича в Добровольческую армию, пока не успокоится общественное мнение. Ответить в таком духе Драгомиров поручил бывшему однополчанину Носовича по Лейб-гвардии Уланскому Его Величества полку капитану Б.М. Иордану. Последний же в частном письме (см. документ 7, с. 30) посоветовал Носовичу в силу сложившихся среди офицерства настроений уехать из расположения Добровольческой армии и ближайшего тыла.

Носович, однако, продолжил жить в Новороссийске. Его дело рассматривалось судебно-следственной комиссией при штабе главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР) 6 (19) февраля 1919 года. В итоге был издан реабилитирующий приказ главнокомандующего № 490 от 17 (30) марта 1919 года, в котором отмечалось, что в Красную армию на должность начальника штаба Северо-Кавказского военного округа Носович поступил «с намерением принести возможно больше вреда большевикам, состоя в этой должности. С этой целью, прибыв в Царицын в июне 1918 года, генерал-майор Носович завязал сношения с представителями французского командования и представителями офицерской организации, подготовлявшей восстание в Царицыне. С этой же целью генерал-майор Носович отдавал распоряжения по части оперативного, артиллерийского и интендантского снабжений явно саботажного характера, а также старался ссорить между собой различных представителей высшего командования советских войск. Будучи затем назначен помощником главнокомандующего Южным фронтом, генерал-майор Носович 11 октября² бежал от большевиков и добровольно сдался донским казакам»³. В конце было указано, что «ни политические убеждения генерал-майора Носовича, ни его поступки за время состояния на службе у советских властей не возбуждают подозрения в сочувствии большевистским идеям и не дают основания считать его в каком-либо отношении вредным или опасным для Добровольческой армии»⁴. При этом вплоть до осени 1919 года Носович оставался фактически не у дел (он числился в резерве чинов при штабе главнокомандующего ВСЮР). Чтобы заработать на жизнь, генерал писал пропагандистские заметки о Советской России и Красной

¹Арх. Управления ФСБ России по Волгогр. обл. Ф. 6. Д. 2063-оф. Л. 241.

²Дата по старому стилю.

³РГВА (Рос. гос. воен. арх.). Ф. 39540. Оп. 1. Д. 129. Л. 276–276 об.

⁴Там же. Л. 276 об.

Ганин А.В.

«Теперь много таких развелось, и все они будут преданы суду...» Генерал Носович: попытка реабилитации...

армии для белой печати (известны его статьи в журнале «Донская волна» и «Народной газете», выходявших в Ростове-на-Дону). В начале 1920 года Носович получил назначение начальником гарнизона Новороссийска. Позднее, в белом Крыму, стал начальником тылового района по борьбе с партизанским движением, однако славы не снискал и летом 1920 года покинул Россию. Жил во Франции, в Ницце, где и скончался в 1968 году.

Публикуемые документы были обнаружены в деле с разной перепиской второй половины 1918 года в фонде Р-446 «Политическая канцелярия Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России» ГАРФ. Председателем Особого совещания (тогда еще при главнокомандующем Добровольческой армией) как раз и являлся генерал А.М. Драгомиров, которому адресовал свои послания Носович.

Документы публикуются в их логической последовательности (сначала письмо Носовича Драгомирову, затем прилагавшиеся к нему подробные рапорты (хотя и составленные ранее), далее – возникшая переписка), с учетом современных правил орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей. Подчеркивания в документах принадлежат их авторам. Явные ошибки исправлены без оговорок. В комментариях все даты российской истории до февраля 1918 года приведены по старому стилю.

Документ 1

Письмо генерала А.Л. Носовича генералу А.М. Драгомирову. 7 (20) ноября 1918 г.⁵
г. Новороссийск
7/XI 1918 г.⁶

⁵ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 101. Л. 96–96а об. Подлинник. Автограф.

⁶20 ноября 1918 года по новому стилю. На документе штамп: Вход[ящий] № 707. 25 ноября 1918 г. Дело №.

⁷Драгомиров Абрам Михайлович (21.04.1868–09.12.1955) – генерал от кавалерии, проживал в Киеве (1918). С 9(22) августа 1918 года – помощник главнокомандующего в Добровольческой армии. В дальнейшем – один из руководителей Белого движения на Юге России.

⁸ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 101. Л. 97–98 об. Подлинник. Автограф.

⁹19 ноября 1918 года по новому стилю.

¹⁰На документе штамп: Прилож[ение] к Вход[ящий] № 707. 25 ноября 1918 г. Дело №.

Ваше Высокопревосходительство, глубокоуважаемый Абрам Михайлович⁷,

осмеливаюсь обратиться к Вам частным письмом, как к человеку, еще в Киеве знавшему о моих намерениях служить на благо родине, как к русскому офицеру, понимающему, что от возлагаемых задач отказаться нельзя.

За мою беззаветно преданную службу родине я подвергся опасности расстрела без суда Донской армией, коей оказал значительные услуги. Только частная инициатива спасла меня.

В настоящее время я, уполномоченный правомочной организацией Московского отдела Добровольческой армии, подвергся без объяснения причин тоже без суда – смерти политической. Опять только случай задержал меня, а далее передо мной полное небытие.

Все то, что я говорю, есть святая правда. Она должна восторжествовать.

Я очень прошу отдать меня на самый строгий суд, нарядить подробнейшее следствие.

А пока – дайте возможность служить всеми знаниями, всем опытом на самых опаснейших местах.

Вот, Ваше Высокопревосходительство, моя покорнейшая просьба.

Подробности всех моих действий я доложу Вам, если будет угодно их выслушать.

Смею заверить Вас, что, приняв участие в моем деле, Вы не будете им шокированы.

Остаюсь преданный Вам

А. Носович

Документ 2

Рапорт генерала А.Л. Носовича генералу А.М. Драгомирову. 6 (19) ноября 1918 г.⁸

Генерал-майор Носович
6 ноября 1918 г.⁹ г. Новороссийск
генералу от кавалерии Драгомирову¹⁰
Рапорт

В конце февраля 1918 года по занятию немцами города Киева¹¹ я, как Вы, вероятно, помните, явился к Вам узнать, каким образом возможно перебраться и какие существуют организации для отправления в Добровольческую армию. Связь с Вами в то время была потеряна, но Вы одобрили мое решение выехать в Москву для ориентировки. После долгих мытарств, непосредственной опасности расстрела и месячного сидения в Харьковской каторжной тюрьме у задержавших меня большевиков, я прибыл в Москву. Выпуском из тюрьмы я был обязан бывшим офицерам Генштаба при военном руководителе Бонч-Бруевиче¹² и ему, в частности, после доклада о моей истории Троцкому¹³. Отсюда начинается моя связь с высшими лицами «большевизма».

Во время поездки из Харькова в Москву при встрече с одним полковником Л[ейб]-гв[ардии] К[онно]-артиллерийской бриг[ады]¹⁴ мною была установлена возможность войти в связь с московской группой Добровольческой армии, где в то время находились подполк[овник] Бреде¹⁵ и Перхуров¹⁶. Чисел свиданий установить не могу, так как их было три, но все это происходило в конце апреля – начале мая.

Возникли следующие вопросы: а) отправка меня непосредственно в Добр[овольческую] армию, б) назначение меня в один из городов Поволжья на предмет образования центра восстания, в) использование возможности проникнуть в организации

большевиков ввиду делавшихся ими мне предложений, на предмет активного противодействия их замыслам.

А) Посылку мою непосредственно в армию не считали продуктивной ввиду: 1) потерянной в то время связи: было послано около десяти гонцов, из них 6 вернулось, не доехав, а остальные пропали. В видах восстановления связи выехал полковн[ик] Страдец-кий¹⁷, коего и ждали. 2) незначительной сравнительно пользы, которую мог бы принести приезд одного человека в больших чинах.

Б и В) Счастливо сочетались при предложении мне места начальника штаба Сев[еро-]Кавказ[ского] воен[ного] округа от большевистских организаций.

Через подполк[овника] Бреде мне было указано на необходимость взять предлагаемое место такового начальника штаба и, сформировав подходящий штаб, поставить себе задачей вредить большевизму всеми возможными способами; способствовать тем самым и всякими другими средствами Добров[ольческой] армии и с нею совместно работающим армиям, не упуская, конечно, из виду задач государственной важности.

Я, как записавшийся в Добровольческую армию при московском отделе, повиновался такому распорядку от штаба и принял на себя возложенные обязанности.

¹¹Немцы заняли Киев 1 марта 1918 года, или 16 февраля по старому стилю.

¹²Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич (24.02.1870–03.08.1956) – бывший генерал-майор, военный специалист РККА, военный руководитель Высшего военного совета (1918), один из создателей Красной армии.

¹³Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (26.10.1879–21.08.1940) – российский революционер, член РКП(б), народный комиссар по военным и морским делам (с 1918 года), председатель Высшего военного совета (1918).

¹⁴Полк[овник] Чебышев Вл[адимир] Петрович (*примеч. А.Л. Носовича*). Чебышев Владимир Петрович (26.02.1884–1919) – племянник выдающегося математика П.Л. Чебышева, полковник гвардии, военный специалист РККА, начальник артиллерийского управления штаба Северо-Кавказского военного округа (с 5 мая 1918 года), участник антибольшевистского подполья.

¹⁵Здесь и далее правильно – полковник. Бреде (Бриедис) Фридрих Андреевич (23.06.1888–27/28.08.1918) – полковник, член подпольного антибольшевистского «Союза защиты Родины и свободы». Арестован Всероссийской чрезвычайной комиссией 23 июля 1918 года – расстрелян.

¹⁶Перхуров Александр Петрович (01.01.1876–22.07.1922) – полковник (впоследствии – генерал-майор), начальник штаба «Союза защиты Родины и свободы».

¹⁷Страдецкий Борис Алексеевич (20.12.1878–?) – полковник, командирован в январе 1918 года из Ростова-на-Дону в Москву для связи с подпольными антибольшевистскими организациями, один из руководителей антибольшевистского подполья в Москве в начале 1918 года, член «Союза защиты Родины и свободы» в штабе московского отдела Добровольческой армии. В дальнейшем – участник Белого движения на Юге России. Убит.

Мое условие было лишь одно – московский отдел должен был поставить в известность о возложенной на меня задаче штаб Добровольч[еской] армии и штаб Донского войска.

Восстановление таковой же связи было и моей задачей¹⁸.

Особенное внимание при формировании отделов было обращено: а) на штаб округа – ближайшие мои помощники и адъютанты были взяты лично мне или полковн[ику] Чебышеву известные лица и б) артиллерийское управление под начальством полковн[ика] Чебышева – таковой же способ пополнения.

Вот список лиц, самоотверженно служивших общему делу: полковн[ик] Чебышев Владимир Петрович, полк[овник] Лохматов Павел Яковлевич (моряк)¹⁹ – оба знали о задачах и были известны московскому штабу, полковн[ик] Ген[ерального] шт[аба] Ковалевский – бли-

жайший мой помощник, посвящен в подробности в Царицыне, как и мои адъютанты, контрреволюционность коих мне была известна еще в Москве, – Сергей Михайлович Кремков (поручик)²⁰, Лев Сергеевич Садковский (подпоручик)²¹, совершивший побег совместно со мною, и Петр Алексеевич Тарасенков (подпоручик)²² – родственник полковн[ика] Чебышева и рекомендовавший первых двух; в артиллерийском управлении деятельным помощником был полковник Николай Ильич Сухотин²³.

С первых же дней моего прибытия в Москве я вошел в сношение с французской воен[ной] миссией *g[énéral] Lavergne*²⁴, *col[onel] Corbel*²⁵, где тоже получил просьбу связаться с отделом миссии *cap[itaine] Bordes*²⁶ и консулом Царицына *Mr. Charbeaux*²⁷, через них и *col[onel] Jardigne*²⁸ я вошел в некоторое соприкосновение с англичанами в Энзели *lieut[enant] Beugnot*²⁹ миссии *cap[itaine] Bordes* представлялся мне в

---

¹⁸Не удалось выполнить по причине усиленного надзора. С Москвой полк[овником] Страдецким связь была [установлена] при помощи посылки адъютантов (*примеч. А.Л. Носовича*).

¹⁹Лохматов (Лохматов) Павел Яковлевич (19.12.1883–1919) – капитан 2-го ранга, военный специалист РККА, заведующий 4-м отделом (личным составом) административного управления штаба Северо-Кавказского военного округа, участник антибольшевистского подполья (1918), помощник В.П. Чебышева.

²⁰Кремков Сергей Михайлович (1896–08.1935) – поручик, секретарь А.Л. Носовича, военный специалист РККА, участник антибольшевистского подполья (1918).

²¹Садковский Лев Сергеевич (20.02.1896–04.03.1948) – сын протоиерея, подпоручик, военный специалист РККА, адъютант А.Л. Носовича, участник антибольшевистского подполья (1918).

²²Тарасенков Петр Алексеевич – двоюродный племянник В.П. Чебышева, подпоручик, военный специалист РККА, участник антибольшевистского подполья (1918).

²³Сухотин Николай Ильич (02.02.1886–?) – подполковник, служил в 7-м конно-артиллерийском дивизионе, военный специалист РККА, участник антибольшевистского подполья (1918).

²⁴Лавернь Жан-Франсуа-Анри-Мари-Гийом (1869–1951) – генерал, начальник французской военной миссии в России (с мая по октябрь 1918 года, фактически руководил миссией с марта 1918 года – после отъезда генерала А. Нисселя, покинувшего Россию в результате Брестского мира).

²⁵Полковник Корбель (правильно – подполковник). Корбель Эмиль Огюст (28.06.1873–?) – подполковник, глава второго бюро французской военной миссии в России. Позднее – глава французской военной миссии при штабе главнокомандующего ВСЮР в Екатеринодаре.

²⁶Борд Жозеф – капитан, руководитель французской военной миссии в Казани.

²⁷Шарбо Шарль Жюль Эмиль (15.12.1880 – не ранее 1957) – французский вице-консул в Царицыне, сотрудничал с антибольшевистским подпольем. Арестован Всероссийской чрезвычайной комиссией (08.1918–03.1919) – освобожден и уехал во Францию. Директор металлургических и оружейных заводов французского общества «Кнютанж».

²⁸Полковник Жардин. Правильно: Шардиньи Пьер Огюст (09.10.1873–29.06.1951) – полковник (впоследствии – генерал), начальник французской военной миссии при главнокомандующем Кавказским фронтом. При содействии Носовича проехал из Царицына в Астрахань и далее – в Баку.

²⁹Беньо – лейтенант, офицер французской военной миссии. По некоторым данным, был агентом французской контрразведки, которому было поручено уничтожить Черноморский флот, чтобы он не достался немцам [10, с. 427–428]. Выражаю благодарность за консультацию кандидату исторических наук Ю.М. Галкиной.

Царицыне, но, конечно, наши разговоры не могли носить другого характера, как общей идеи сопротивления немецким вожделям вообще.

Получив такое место, я был, как окончивший академию Генерального штаба, зачислен как офицер Ген[ерального] штаба, каковую службу и нес, работая против «большевизма» в самом его сердце. После бегства моего из Козлова я ни одной минуты не претендую на то, что я состою в списках Ген[ерального] штаба. Но получение мною высшего военного образования с причислением, т. е. по 1-му разряду, не подлежит сомнению.

Подробности работы вообще за все время службы полагал бы здесь не приводить. По периодам же они выразятся: а) Царицынский – подготовка Баку для занятия англичанами; защита флота от немцев, подготовка сдачи Царицына казакам; напряжение всех сил для обезвреживания групп Калнина³⁰ и других, работавших против Добров[ольческой] армии. б) Балашовский – срыв наступления на казаков на линию ж[елезной] дор[оги] Поворино – Царицын. г)³¹ период состояния помощником команд[ующего] Южн[ым] фр[онтом] – внутренняя разведка и побег. Период а закончился арестованием всего артиллер[ийского] управления, меня и полк[овника] Ковалевского и ликвидацией всех управлений. Период б закончился обвинением всех нас вторично в контр-революции и бегством от самосуда красноармейцев: народного комиссара Подвойского³² из Балашова, что послужило к окончательному срыву операции. Период в закончился моим побегом, причем я доставил ценнейшие сведения Войску Донскому 14 октября³³. По наведенным справкам означенные сведения, близко касающиеся и Добровольч[еской] армии штабу таковой не пересланы и мною повторены в особом отделении лишь 2-го числа ноября³⁴.

Кроме военных сведений имею много наблюдений и политического характера, которые весьма срочного характера, и каждый день промедления в смысле детального использования имеющихся у меня сведений, смею утверждать, есть нанесение ущерба общему делу.

Полагал бы: справедливым немедленное назначение расследования всех моих действий у «большевиков»; необходимым попутного изучения того материала, который я могу предоставить, как военного, так и политического; означенный материал явится параллельно расследованию моих действий; а также вытребовать мое дело из в[оенно-]полевого новочеркасского суда, которое ясно покажет, что мой побег – есть добровольный приход, а не захват, к инсценировке коего есть глубокие причины – боязнь за оставшихся. Означенное расследование установит несомненную подлинность моего полномочия на такую работу и укажет, что время моего побега, несомненно, предоставленное моему усмотрению, выбрано правильно.

Прошу за всю мою полугодовую трудную и опасную службу не лишиться меня надежды, что таковая будет рассмотрена с моим участием и подачей объяснений, а не в административном порядке.

Единственно ставлю себе в упрек то, что по выпуске из гауптвахты до разрешения моего вопроса в Добровольческой армии позволил себе надеть форму, но я же был оправдан военно-полевым судом.

В заключение разрешите доложить, что я, как всегда, полон желания и энергии принести все свои силы и свою жизнь на благо родины.

Генерал-майор Носович.

Приложение: Рапорт копия; на имя командующего Добровольческой армией³⁵.

³⁰Калнин Карл Иванович (19.11.1884–02.11.1937) – главнокомандующий советской армией Северного Кавказа.

³¹Правильно – в).

³²Подвойский Николай Ильич (04.02.1880–28.07.1948) – революционер, член Российской социал-демократической рабочей партии с 1901 года, председатель Высшей военной инспекции (с 1918 года).

³³27 октября 1918 года по новому стилю. В воспоминаниях Носович отметил, что бежал к белым 24 октября 1918 года [5, с. 138, 335].

³⁴15 ноября 1918 года по новому стилю.

³⁵На самом деле – дежурному генералу штаба армии.

Документ 3

Рапорт генерала А.Л. Носовича дежурному генералу штаба Добровольческой армии. 5 (18) ноября 1918 г.³⁶

Генерал-майор Носович

5 ноября 1918 г.³⁷

№ 11

г. Екатеринодар

Общежитие «Метрополь»

Дежурному генералу штаба Добровольческой армии³⁸

Рапорт

В бытность мою задержанным при штабе Всеволоцкого войска Донского я 21 октября³⁹ из помещения новочеркасской гауптвахты подал рапорт на имя командующего Добровольческой армии за № 6.

Означенный рапорт весьма секретный, полагаю, как недошедший, повторить в его главных чертах.

Содержание рапорта по существу.

Проникнув в большевистские организации и будучи хорошо знаком с современным положением во всех его частях и отношениях, бывших офицеров, в настоящее время состоящих на службе в советских учреждениях и армии: во избежание вполне понятных почти неразрешимых затруднений при выяснении степени виновности служивших у большевиков – раз; второе, что самое главное, в целях внести полную дезорганизацию в их военные учреждения и третье – дать нравственную опору колеблющимся, полагал бы нужным издать следующий приказ:

Всем офицерам, врачам и чиновникам, как состоявшим на действительной службе, так и уволенным в отставку императорским и Временным правительствами, ныне призванным или добровольно поступившим на службу к «большевикам» (дальнейшее содержание намечает лишь главные мысли и имеет быть предметом всестороннего обсуждения).

На западе война кончается. Все державы готовятся к борьбе против разврата большевизма. У каждого честного, помнящего присягу родине офицера последнее оправдание необходимости создавать призрачную армию для отражения нашествия немцев или

других внешних врагов, ибо остаются лишь русская и союзническая армии, цель которых водворить в измученной большевистским насилием великой России покой и порядок.

А потому и на основании этого настоящего правительства приказывает:

Всем вышеупомянутым лицам немедленно прекратить всякую, хотя бы и косвенную работу у «большевиков», именуящих себя правительством.

Таковая работа в настоящий момент преступна и ведет к поддержанию «большевизма» и продолжению братоубийственной войны.

Издавая таковой приказ, настоящее правительство России понимает, какие тяготы оно возлагает на плечи многострадального русского офицерства и чиновничества, но долг, особенно офицера, идти на смерть первым, как в поле, так [и] в штабе и каждым промежуточном учреждении.

Каждый не исполнивший означенный приказ по свержению «большевизма» будет предан полевому суду, как изменник родине.

Таковой приказ каждый обязан распространять всеми имеющимися в его распоряжении способами. Каждый унтер-офицер, каждый солдат соответственно, служивший в старой доблестной армии России, должен принять этот приказ в отношении их, как полноправные граждане, в таком же смысле, и обязаны проводить его в жизнь и распространять всеми способами.

Выполнение приказа вышеуказанного содержания поведет к параличу военной силы «большевиков» и остановит налаживающуюся организацию и снабжение. В настоящее время в «большевистских» штабах и частях войск служит минимальное количество офицеров и чиновников, но все же они находятся, и на их плечах держится армия «большевиков».

Жертвы выполнения приказа будут, но при продолжении Гражданской войны, организованной армией «большевиков», таковых будет значительно больше.

По обстановке в данный момент наиболее важным является Южный фронт и Москва, где и должен быть распространен означенный приказ.

---

³⁶ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 101. Л. 99–100. Подлинник. Автограф.

³⁷18 ноября 1918 года по новому стилю.

³⁸На документе штамп: Прилож[ение] к Вход[ящий] № 707. 25 ноября 1918 г. Дело №.

³⁹3 ноября 1918 года по новому стилю.

Полагал бы, что выход приказа имеет быть весьма секретным, настолько, что до начала его распространения никто не должен знать его содержания. В дальнейшем же надо принять энергичнейшие меры для его одновременного и широкого распространения.

В заключение полагал бы необходимым сказать: вышеизложенная мысль, может быть и старая, но на основании шестимесячного опыта работы в высших организациях «большевизма» – в данный момент необходима.

Генерал-майор Носович

Документ 4

Рапорт полковника Б.А. Страдцецкого генералу А.М. Драгомирову. 28 ноября (11 декабря) 1918 г.⁴⁰

Его Высокопревосходительству генералу Драгомирову⁴¹

Полковника Страдцецкого

Рапорт

Согласно словесного приказа Вашего Высокопревосходительства доношу.

В конце января месяца с[его] г[ода] я был покойным главнокомандующим Добровольческой армией генералом Корниловым⁴² командирован в г. Москва для формирования полка и перехода с полком в Астрахань.

Одновременно были командированы в Москву полковник Перхуров и капитан Клементьев⁴³ для формирования артиллерийского дивизиона.

За время нашего пути Астрахань была занята большевиками, почему распоряжение о формировании частей было изменено, а нам приказано остаться в Москве, связаться с местными организациями, информировать о них армию и «собрать» все, что возможно в Москве. Это приказание было передано и. д. генерала для поручений при генерале Корнилове полковником Голицыным⁴⁴.

При командировании нас в Москву генералом Корниловым нам были даны инструкции связаться в Москве с бывшим в то время членом Юго-Восточного союза Б.В. Савинковым⁴⁵, совместно с которым работать, причем мне было дано на имя Б.В. Савинкова письмо.

Выяснив в Москве те организации, которые работали на Добровольческую армию, мы по соглашению с ними образовали штаб, в состав которого от армии вошли я, полковник Перхуров и капитан Клементьев.

Об этом был составлен доклад генералам Корнилову и Алексееву⁴⁶, но он не был тогда же доставлен, так как посылаемые курьеры возвращались за невозможностью проехать в армию.

22 марта⁴⁷ с этим докладом выехал в армию и возвратился в Москву 8 мая⁴⁸.

За время моего отсутствия работа нашей организации сильно расширилась, удалось связаться с московским политическим центром⁴⁹ и союзными миссиями.

Прибыв в Москву, я встретил генерала Носовича, который сообщил мне, что он бежал из Киева и, прибыв в

⁴⁰ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 101. Л. 94–95 об. Подлинник. Автограф.

⁴¹На документе штамп: Вход[ящий] № 797 30 ноября 1918 г. Дело №. Резолюция: П[олитическая] канц[елярия]. О Носовиче. Куда я направлял его рапорт и письмо? Драгомиров. 29/ХІ.

⁴²Корнилов Лавр Георгиевич (18.08.1870–31.03(13.04).1918) – генерал от инфантерии, командующий Добровольческой армией с 25 декабря 1917 года, участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Убит снарядами при штурме Екатеринодара.

⁴³Клементьев Василий Федорович (03.08.1890 – не ранее 12.1981) – капитан, член подпольного антибольшевистского «Союза защиты Родины и свободы» (1918).

⁴⁴Голицын Владимир Васильевич (09.07.1878–1919) – полковник (впоследствии – генерал-лейтенант), штаб-офицер для поручений при генерале Л.Г. Корнилове.

⁴⁵Савинков Борис Викторович (19.01.1879–07.05.1925) – эсер, террорист, организатор и руководитель подпольного антибольшевистского «Союза защиты Родины и свободы». О начале подпольной работы Савинкова в Москве см.: [11].

⁴⁶Алексеев Михаил Васильевич (03.11.1857–08.10.1918) – генерал от инфантерии, один из основоположников Белого движения на Юге России.

⁴⁷Возможно, по старому стилю. Соответствует 4 апреля 1918 года по новому стилю.

⁴⁸Возможно, по старому стилю. Соответствует 21 мая 1918 года по новому стилю.

⁴⁹Возможно, речь идет о Совете общественных деятелей, действовавшем нелегально в Москве.

Ганин А.В.

«Теперь много таких развелось, и все они будут преданы суду...» Генерал Носович: попытка реабилитации...

Москву, через полковника Бреде (начальник контрразведки нашей организации) связался с организацией⁵⁰, давшей ему полномочия занять должность начальника штаба Северо-Кавказского военного округа с целью вредить работе большевиков и облегчить занятие Д[обровольческой] армией или казаками Царицына. Полковник Бреде и Перхуров это подтвердили. В дальнейшем я узнал от Б.В. Савинкова, что этот план и назначение генерала Носовича были санкционированы московским центром⁵¹. Я лично настаивал, чтобы генерал Носович по прибытии в Царицын послал связь и доклад в Добровольческую армию.

20 июля⁵² я выехал в армию через Царицын, где видел генерала Носовича и от него узнал, что связь с армией ему установить не удалось.

Прибыв 8 августа⁵³ в армию, я на докладе главнокомандующему армией генералу Деникину⁵⁴ в присутствии начальника штаба генерала Романовского⁵⁵ доложил, что генерал Носович занимает должность начальника штаба Северо-Кав[казского] воен[ного] округа, что занял он эту должность с целью работать во вред большевикам и просит установить с ним связь. Генерал Деникин ответил: «Ну нет, никакой связи от нас не будет, теперь много таких развелось, и все они будут преданы суду; если хочет, пусть сам присылает связь». Я доложил, что генерал Носович был на эту должность послан, но более подробно докладывать не мог, так как генерал Деникин торопился ехать на панихиду по полковнике Неженцеве⁵⁶ на вокзал, и я только успел сказать генералу Романовскому, что

прошу в случае явки генерала Носовича в армию обратить внимание на мой доклад.

Полковник Страдецкий
Ноября 28 дня 1918 г.⁵⁷
№ 12
г. Екатеринодар

Документ 5

Письмо генерала А.Л. Носовича генералу А.М. Драгомирову. 3 (16) декабря 1918 г.⁵⁸

Ваше Высокопревосходительство, глубокоуважаемый Абрам Михайлович⁵⁹,

ввиду разговора моего с полковником Страдецким осмеливаюсь вновь обратиться к Вам с частным письмом о моем деле.

Решение мое основано на том чувстве, что Вы являетесь единственным человеком, желающим способствовать восстановлению истины.

Я оправдан по суду. Но, несмотря на это, я выслан без объяснения причин не только казаками, но и Добровольческой армией. Как через генерала Кутепова⁶⁰, так и через полк[овника] Страдецкого, Вы советуете мне терпеть и выжидать. Я подчинился необходимости. Прошло уже более месяца. Но это дипломатическая сторона дела. Есть однако суровая действительность и нравственные переживания, которые не позволяют выжидать. Вокруг моего имени идут разговоры, как положительные, так и весьма нежелательные. Вот яркий

⁵⁰Комментарий А.М. Драгомирова на полях: «С какой организацией?»

⁵¹Комментарий А.М. Драгомирова на полях: «Проверить».

⁵²Видимо, по новому стилю, т. к., по свидетельству Носовича, Страдецкий прибыл в Царицын 25 июля, пробыл двое суток и далее через Ставрополь проехал в Добровольческую армию [9, с. 111, 279–280].

⁵³Видимо, по новому стилю. По старому стилю соответствует 21 августа 1918 года.

⁵⁴Деникин Антон Иванович (04.12.1872–07.08.1947) – генерал-лейтенант, один из лидеров Белого движения на Юге России, командующий Добровольческой армией (1918).

⁵⁵Романовский Иван Павлович (16.04.1877–05.04.1920) – генерал-майор (впоследствии – генерал-лейтенант), участник Белого движения на Юге России, начальник штаба главнокомандующего Добровольческой армией (1918–1919).

⁵⁶Неженцев Митрофан Осипович (15.12.1886–12.04(30.03).1918) – полковник, участник Белого движения на Юге России. Убит под Екатеринодаром.

⁵⁷11 декабря 1918 года по новому стилю.

⁵⁸ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 101. Л. 101–101а. Подлинник. Автограф.

⁵⁹На документе штамп: Вход[ящий] № 917 5 декабря 1918 г. Дело №.

⁶⁰Кутепов Александр Павлович (16.09.1882–26.01.1930) – генерал-майор (впоследствии – генерал от инфантерии), военный губернатор Черноморской губернии.

пример. На днях мой бывший сослуживец полковник Потоцкий⁶¹, ныне в Южн[ой] арм[ии]⁶², до встречи со мной, не зная обстановки моего побега и работы, сам слышал от начальника контрразвед[ывательного] отделения Южной армии полковн[ика] Мокри⁶³ следующую хвастливую, ничем не объяснимую ложь о моем деле: будто бы он поймал меня и, примерно-жестоко телесно наказав шомполами, отправил в Донскую армию.

Могу ли я дольше выжидать? Не грозит ли мне, кроме незаслуженной нравственной пытки, ежесекундное личное оскорбление?

Я совершенно далек от мысли навязывать себя непременно Добровольческой армии, ибо вижу, что положение, к сожалению для меня, свыше шести месяцев работавшего в самой тяжелой обстановке и считавшего себя на службе в Добровольческой армии, складывается весьма неблагоприятно. Но как в Киеве я не мог ожидать и совершенно в этом не раскаиваюсь, так и здесь я чувствую, что работать необходимо, и всякое выжидание мне не под силу. Прозывать я не хочу и не должен.

Реабилитируют и возьмут – у меня есть опыт и политический, и военный.

Реабилитируют и не захотят – приложу свои силы на общую пользу в другом месте.

Но в армии с правовым порядком решить мое дело моей политической смертью в административном порядке – вещь невозможная. Выжидать же дольше – нет сил. Смею вновь доложить Вам: «Ваше Высокопревосходительство, Вы за меня не покраснеете».

Люди, находящиеся здесь, по обрывкам разведки, совершенно не могут судить о моей деятельности: ибо

то, что кажется криминалом для офицера и ярким доказательством приверженства и продажности большевизму на деле и в известном масштабе времени давало часто громадные положительные результаты в нашу пользу. А потому только всестороннее расследование может осветить вопрос.

Полчаса Вашей личной беседы со мной, полагаю, даст Вам твердую уверенность в моей не только правоте, но и в той пользе, которую я принес.

Думаю, что при знании тамошней обстановки я при моем желании и энергии к работе могу принести посильную пользу.

Кроме того, мною предпринимаются шаги, дабы разыскать начальника московской французской миссии генерала Лавернь, полковника Корбель и полковника Жардиньи, которым достаточно хорошо известно, что я ни на одну секунду не забывал своего долга и нашего общего дела, и которые, я уверен, поддержат Ваше участие в моем деле со стороны союзников. Прошу извинить меня, Ваше Высокопревосходительство, за постоянное беспокойство, но обстановка жестока и незаслуженна.

Искренно преданный Вам А. Носович

3 дек[абря] 1918 г.⁶⁴

Адрес[:] Новороссийск, штаб военного губернатора, генерал-майору Носовичу.

Документ 6

Резолюция генерала А.М. Драгомирова на письме генерала А.Л. Носовича. 4 (17) декабря 1918 г.⁶⁵

Полк[овнику] Чайковскому⁶⁶.

⁶¹Потоцкий Николай Павлович (03.09.1880–?) – полковник, в годы Первой мировой войны – офицер Лейб-гвардии Гродненского гусарского и Чеченского конного полков.

⁶²Южная армия – прогерманское монархическое вооруженное формирование – первоначально создавалась на германские деньги на Украине при гетмане П.П. Скоропадском. С октября 1918 года формировалась в южной части Воронежской губернии под командованием генерала Н.И. Иванова – включена в состав Донской армии как Воронежский корпус. Впоследствии вошла в состав ВСЮР.

⁶³Правильно – Макри Иван Георгиевич (10.07.1884–19.03.1927) – ротмистр Отдельного корпуса жандармов (на 1917 год), состоял в резерве чинов Московского военного округа с переименованием в капитаны (1917). С 1918 года – в Южной армии, подполковник. Уехал в Грецию. В 1919–1920 годах – в антибольшевистских формированиях Востока России, полковник, позднее – генерал-майор.

⁶⁴16 декабря 1918 года по новому стилю.

⁶⁵ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 101. Л. 101а об. Подлинник. Автограф.

⁶⁶Чайковский Дмитрий Леонтьевич (25.11.1882–09.02.1954) – полковник, начальник политической канцелярии Особого совещания при главнокомандующем Добровольческой армией (1918).

Ганин А.В.

«Теперь много таких развелось, и все они будут преданы суду...» Генерал Носович: попытка реабилитации...

Прошу капитана Иордан⁶⁷ как бывшего однополчанина ответить, что в настоящее время не м[ожет] б[ыть] и речи о какой-либо службе в Доб[ровольческой] армии. Никакая офиц[иальная] реабилитация не может развеять то предубеждение, которое связывается рядовым офицерством с именем ген[ерала] Носовича. Служба в рядах Д[обровольческой] ар[мии] не может оградить его от оскорблений, вроде приводимого в письме. Только время и продолжительное в состоянии помочь в этом деле.

Драгомиров

4/ХП⁶⁸

Документ 7

Письмо капитана Б.М. Иордана генералу А.Л. Носовичу. 12 (25) декабря 1918 г.⁶⁹

Копия

Екатеринодар 12/ХП 1918 г.⁷⁰

Многоуважаемый Анатолий Леонидович!

3 декабря⁷¹ ты обратился с письмом к генералу А.М. Драгомирову, в котором просишь личного свидания для выяснения твоего дела.

Генерал поручил мне, как твоему бывшему однополчанину, написать его мнение по существу затронутых

тобою вопросов. Дело в следующем: среди рядового офицерства Добров[ольческой] армии с твоим именем связано такое предубеждение, что в настоящее время даже официальная реабилитация по суду с всесторонним рассмотрением твоего дела не оградит тебя от личных оскорблений и выпадов по твоему адресу. В силу этого вопрос и о твоей службе в ней теперь – совершенно отпадает. Только время и притом продолжительное может тебе помочь. Свидетельство генерала де Лавернь или кого-либо из членов его миссии может, конечно, явиться важным документом в твою пользу.

Лично же я думаю, что, считаясь с мнением генерала, тебе было бы лучше уехать из района военных действий и ближайшего тыла Добров[ольческой] армии (т. е. в Предкавказье), где упоминание о твоем деле всегда будет теперь особенно остро восприниматься. На какой же срок – конечно, сказать трудно, это уже время покажет. Когда острота пройдет, тогда можно возбудить ходатайство о рассмотрении дела на суде.

С[о] своей стороны я искренне желаю, чтобы правдивое рассмотрение дела сняло бы с тебя тяжкое обвинение.

Всего хорошего Б. Иордан

Список литературы

1. Ганин А.В. «Носович и Ковалевский – люди политически ненадежные»: воспоминания С.С. Иоффе о работе высшей военной инспекции на Юге России в 1918 году // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 1. С. 5–13. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V235>
2. Ганин А.В. Белый агент при Сталине. Жизнь и борьба генерала Носовича. М.: Кучково поле Музеон, 2022. 560 с.
3. Ганин А.В. Новые материалы о заговоре инженера Н.П. Алексеева в Царицыне в августе 1918 г. // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., приуроч. к 80-летию начала контрнаступления совет. войск под Сталинградом. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2022. С. 515–519.

---

⁶⁷Иордан Борис Михайлович (09.01.1888–20.07.1956) – капитан (впоследствии – полковник), однополчанин А.Л. Носовича по Лейб-гвардии Уланскому Его Величества полку, помощник начальника политической канцелярии Особого совещания при главнокомандующем Добровольческой армией (1918).

⁶⁸17 декабря 1918 года по новому стилю.

⁶⁹ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 101. Л. 102–102 об. Рукописная копия.

⁷⁰25 декабря 1918 года по новому стилю.

⁷¹16 декабря 1918 года по новому стилю.

4. Ганин А.В. Дело полковника В.П. Чебышева. К истории белого подполья в красном Царицыне. 1918 г. // Ист. арх. 2023. № 4. С. 160–179.
5. Носович А.Л. Белый агент в Красной армии: воспоминания, документы, статьи / под ред. А.В. Ганина. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. 576 с.
6. Федюк В.П., Данилов А.Ю. Полковник А.П. Перхуров до и после Ярославля // Век нынешний, век минувший...: ист. альм. Ярославль, 2003. Вып. 3. С. 128–136.
7. Клементьев В.Ф. В большевицкой Москве (1918–1920). М.: Рус. путь, 1998. 443 с.
8. Борис Савинков на Лубянке. Документы. М.: РОССПЭН, 2001. 576 с.
9. Деникин А.И. Очерки русской смуты: в 3 кн. М.: Можайск. полигр. комбинат, 2003. Кн. 2. 733 с.
10. Граф Г.К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб.: Гангут, 1997. 488 с.
11. Ганин А.В. «Я начал формирование боевых единиц как в Москве, так и в провинции». Письма Б.В. Савинкова на белый Юг о деятельности антибольшевистского подполья. 1918 г. // Ист. арх. 2018. № 5. С. 17–28.

References

1. Ganin A.V. “Nosovich and Kovalevsky Are Politically Unreliable People”: S.S. Ioffe’s Memoir About the Work of the Supreme Military Inspectorate in the South of Russia in 1918. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 5–13. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V235>
2. Ganin A.V. *Belyy agent pri Staline. Zhizn’ i bor’ba generala Nosovicha* [White Guard Agent Under Stalin. The Life and Struggle of General Nosovich]. Moscow, 2022. 560 p.
3. Ganin A.V. Novye materialy o zagovore inzhenera N.P. Alekseeva v Tsaritsyne v avguste 1918 g. [New Materials on the Conspiracy of Engineer N.P. Alekseev in Tsaritsyn in August 1918]. *Voенно-istoricheskie aspekty zhizni Yuga Rossii XVII–XXI vv.: voprosy izucheniya i muzeefkatsii* [Military Historical Aspects of the Life in South Russia in the 17th – 21st Centuries: Research and Museumization Issues]. Volgograd, 2022, pp. 515–519.
4. Ganin A.V. Delo polkovnika V.P. Chebysheva. K istorii belogo podpol’ya v krasnom Tsaritsyne. 1918 g. [The Case of Colonel V.P. Chebyshev. On the History of the White Underground in the Red Tsaritsyn in 1918]. *Istoricheskiy arkhiv*, 2023, no. 4, pp. 160–179.
5. Nosovich A.L. *Belyy agent v Krasnoy armii: vospominaniya, dokumenty, stat’i* [White Guard Agent in the Red Army: Memoirs, Documents, Articles]. Moscow, 2021. 576 p.
6. Fedjuk V.P., Danilov A.Yu. Polkovnik A.P. Perkhurov do i posle Yaroslavlya [Colonel A.P. Perkhurov Before and After Yaroslavl]. *Vek nyneshniy, vek minuvshiy...* [The Present and the Bygone Age...]. Yaroslavl, 2003. Iss. 3, pp. 128–136.
7. Klement’ev V.F. *V bol’shevitskoy Moskve (1918–1920)* [In Bolshevik Moscow (1918–1920)]. Moscow, 1998. 443 p.
8. Boris Savinkov na Lubyanke. *Dokumenty* [Boris Savinkov in the Lubyanka. Documents]. Moscow, 2001. 576 p.
9. Denikin A.I. *Ocherki russkoy smuty* [Essays on the Russian Turmoil]. Moscow, 2003. Book 2. 733 p.
10. Graf G.K. Na “Novike”. *Baltiyskiy flot v voynu i revolyutsiyu* [Aboard Novik. The Baltic Fleet During War and Revolution]. St. Petersburg, 1997. 488 p.
11. Ganin A.V. “Ya nachal formirovanie boevykh edinitz kak v Moskve, tak i v provintsii”. Pis’ma B.V. Savinkova na belyy Yug o deyatel’nosti antibol’shevistskogo podpol’ya. 1918 g. [“I Started Forming Combat Units Both in Moscow and in the Provinces”. B.V. Savinkov’s Letters to the White South About the Activities of the Anti-Bolshevik Underground. 1918]. *Istoricheskiy arkhiv*, 2018, no. 5, pp. 17–28.

Информация об авторе

А.В. Ганин – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (адрес: 119334, Москва, Ленинский просп., д. 32а).

Information about the author

Andrey V. Ganin, Dr. Sci. (Hist.), Leading Researcher at the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (address: Leninskiy prosp. 32a, Moscow, 119334, Russia).

Поступила в редакцию 04.03.2024
Одобрена после рецензирования 10.06.2024
Принята к публикации 13.06.2024

Submitted 4 March 2024
Approved after reviewing 10 June 2024
Accepted for publication 13 June 2024

Голдин В.И.

От Северо-Восточного прохода к Северному морскому пути: осмысление сквозь тысячелетие

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 4. С. 32–40.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 4, pp. 32–40.

Научная статья

УДК 94(47):910.4(26)

DOI: 10.37482/2687-1505-V359

От Северо-Восточного прохода к Северному морскому пути: осмысление сквозь тысячелетие

Владислав Иванович Голдин

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия,
e-mail: v.i.goldin@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-6267>

Аннотация. Статья посвящена истории освоения и развития Северо-Восточного прохода / Северного морского пути на протяжении тысячелетия (по начало XX века) и отражению этого процесса в отечественной и зарубежной научной литературе. В работе характеризуются вехи развития навигации в Арктике, в частности возникшая в начале XVI века идея о возможности прохода между Европой и Азией из Атлантического в Тихий океан вдоль евразийского северного побережья России, который получил наименование Северо-Восточного прохода. Сопоставляются результаты исследовательской деятельности и поисков сквозного прохода из Европы в Азию русскими мореходами и иностранными экспедициями, рассматривается освоение его различных частей и организация навигации. Отмечается, что экспедиции А.Э. Норденшельда и Б.А. Вилькицкого доказали возможность сквозного прохода из Европы в Азию, из Атлантического в Тихий океан через Российскую Арктику, что способствовало трансформации Северо-Восточного прохода в Северный морской путь и стимулировало его коммерческое освоение, потребность обустройства и развития необходимой инфраструктуры, но обострило геополитическое соперничество в Арктическом регионе. Подчеркивается, что развернувшееся коммерческое использование этой морской магистрали в конце XIX века, а также ее возросшее военное и стратегическое значение в начале XX века привели к введению в оборот термина «Северный морской путь» вместо «Северо-Восточный проход». Рассматриваются развитие европейского сектора, инфраструктуры и охраны Северного морского пути, быстрый рост объема грузоперевозок в годы Первой мировой войны. Характеризуется также международный научный мегапроект, завершившийся изданием в 2022 году коллективной монографии об истории этой морской коммуникации.

Ключевые слова: Северо-Восточный проход, Северный морской путь, экспедиция в Арктику, навигация в Арктике, освоение Арктики, исторический опыт

Для цитирования: Голдин, В. И. От Северо-Восточного прохода к Северному морскому пути: осмысление сквозь тысячелетие / В. И. Голдин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 4. – С. 32-40. – DOI 10.37482/2687-1505-V359.

Original article

From Northeast Passage to Northern Sea Route: Reflecting Through the Millennium

Vladislav I. Goldin

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia,

e-mail: v.i.goldin@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-6267>

Abstract. The article dwells on the history of the Northeast Passage/Northern Sea Route exploration and development throughout the millennium (up to the early 20th century) as well as on the study of this process in Russian and foreign literature. The author characterizes the historical milestones in Arctic navigation, in particular the idea that emerged in the early 16th century of a possible passage between Europe and Asia, from the Atlantic to the Pacific Ocean along Russia's northern Eurasian coast, which was later called the Northeast Passage. The paper compares the results of scientific investigations and pursuits to find a through passage from Europe to Asia by Russian sailors and foreign expeditions, as well as studies the exploration of its various parts and how the navigation was organized. It is indicated that A.E. Nordenskiöld's and B.A. Vilkitsky's expeditions proved the possibility of a through passage from Europe to Asia, from the Atlantic to the Pacific Ocean through the Russian Arctic. This contributed to the transformation of the Northeast Passage into the Northern Sea Route and stimulated its commercial use, management and development of the necessary infrastructure, but exacerbated the geopolitical rivalry in the Arctic. It is emphasized that the commercial use of this maritime route in the late 19th century, as well as its increased military and strategic importance in the early 20th century, led to the replacement of the term *Northeast Passage* with *Northern Sea Route*. Further, the paper studies the development of the European sector, infrastructure and protection of the Northern Sea Route and the rapid growth in cargo volume during World War I. In addition, the article describes the international research megaproject on the route's history, which resulted in the publication of a collective monograph in 2022.

Keywords: *Northeast Passage, Northern Sea Route, Arctic expedition, Arctic navigation, Arctic exploration, historical experience*

For citation: Goldin V.I. From Northeast Passage to Northern Sea Route: Reflecting Through the Millennium. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 4, pp. 32–40. DOI: 10.37482/2687-1505-V359

Введение. Начало XXI века характеризуется растущим интересом человечества к Арктике и ее главной морской магистрали – Северному морскому пути (СМП). Увеличиваются объемы перевозок, совершенствуется инфраструктура, действует план развития СМП до 2035 года, утвержденный правительством РФ. Это актуализирует потребность изучения уроков освоения и развития данной морской магистрали в большом историческом времени. Целью статьи являются осмысление опыта развития мореплавания в арк-

тических условиях с момента его возникновения до появления идеи прохода морским путем из Европы в Азию вдоль северного евразийского побережья, названного Северо-Восточным проходом (СВП), освоения этой морской магистрали на протяжении веков с доказательством возможности сквозного прохода и последующей трансформацией (в конце XIX – начале XX века) СВП в СМП, а также анализ того, как исследовалась история развития названного морского маршрута в научной литературе.

Материалы и методы. Материалами для статьи послужили обширная отечественная и зарубежная литература и разнообразные источники по указанной тематике, публиковавшиеся на протяжении нескольких веков. В основе методологии исследования лежат системный и междисциплинарный подходы. Работа базируется на принципах историзма, объективности, научности, системности, в ней использован широкий спектр методов исторических и других социальных наук. Задействование компаративного подхода способствовало изучению освоения и развития СВП/СМП в российской и зарубежной историографии. Анализ исторических уроков и опыта значим для современного развития СМП и формирования исторической памяти о сложнейшей многовековой эпохе его освоения.

Обзор литературы. В период раннего Нового времени возникают первые сборники документов, описывающие попытки англичан обнаружить и исследовать СВП [1, 2]. В начале XVII века неопубликованные рукописи английского священнослужителя Р. Хаклита, составителя этих сборников, издал С. Перчас [3]. В них содержались свидетельства англичан (С. Барроу, Р. Джонсона, В. Гордона и др.) об активном использовании северных морских маршрутов русскими мореходами.

В начале второй половины XVIII века появляются предположения, работы, документы и инструкции М.В. Ломоносова, касающиеся возможного прохода (Северным) Сибирским океаном в Восточную Индию [4, с. 417–506, 519–535].

Книга английского историка У. Кокса, изданная в 1780 году, повествует о русских и иностранных мореплавателях, исследовавших западную и восточную части СВП. Но автор полагал, что если сквозное плавание вдоль евразийского арктического побережья и возможно, то трудности, с которыми сталкиваются мореплаватели, усложнят коммерческое использование этого маршрута [5].

Уже в XIX веке появляются многочисленные описания путешественников, отчеты об экспедициях, связанных с освоением СВП. Среди

них следует особо выделить труд шведского мореплавателя А.Э. Норденшельда с отчетом о путешествии 1878–1880 годов на пароходе «Вега» вокруг Европы и Азии. Он первым в мире прошел СВП с запада на восток – из Атлантического океана через Северный Ледовитый океан в Тихий – за две навигации (с зимовкой в пути), доказав тем самым проходимость этой морской арктической трассы вдоль берегов Евразии [6].

В 1883 году выходит в свет книга Ф.Д. Студитского, посвященная истории открытия русскими и иностранными экспедициями морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива, начиная с Великой Северной экспедиции (1733–1743 годы) и кончая путешествиями А.Э. Норденшельда [7].

Осуществление коммерческих экспедиций как примера практического судоходства в последние десятилетия XIX века и все более активное плавание по СВП в начале XX столетия приводят к тому, что в повседневном обиходе и литературе на смену термину «Северо-Восточный проход» приходит «Северный морской путь» [8].

В XX и начале XXI века история СМП исследовалась чрезвычайно активно, что воплотилось в многочисленные книги, в т. ч. 4-томное издание «История открытия и освоения Северного морского пути», опубликованное в СССР в 1956–1969 годах. Два его первых тома были посвящены периоду с древности по эпоху капитализма [9, 10]. Также отметим 2-томный фундаментальный труд В.Ю. Визе об изучении морей Российской Арктики, изданный в 2016 году [11].

В 1990-е годы родилась идея создания фундаментального, обобщающего исследования об истории СВП/СМП. В 2014 году был создан международный научный коллектив, в который вошли представители Великобритании, Нидерландов, Норвегии и России. В 2022 году вышла в свет англоязычная коллективная монография «От Северо-Восточного прохода к Северному морскому пути. История водного пути к северу от Евразии». В ней обобщена история более чем тысячелетнего освоения и развития

названной арктической морской магистрали, рассмотрены ее современное состояние, перспективы эксплуатации и представлены результаты исследований по данной тематике в России и за рубежом на протяжении нескольких веков. Библиография этого издания включает в себя около 1000 работ, опубликованных на нескольких языках [12, с. 465–491].

Результаты. Истоки рассматриваемой темы относятся к заре человеческой истории, когда древние люди в эпоху арктического палеолита и позднее начинали заниматься примитивным рыболовством, а затем и мореплаванием вдоль узкой прибрежной полосы. Но качественно новый этап начался в эпоху Средних веков, особенно в IX–X и последующих столетиях, когда человек двинулся в Арктику и стал осваивать здесь мореплавание и судостроение с качественно новыми знаниями, техникой и технологиями.

Особое значение имеют ранние плавания вокруг Северной Скандинавии и Кольского полуострова, а предметом многолетней дискуссии специалистов являются, например, поход викинга Отара в Биармию около 870–880 или 890-х годов и место, которого он смог достичь в ходе путешествия в Беломорье [9, с. 30; 11, т. 1, с. 14–15; 12, с. 15–16]. С этого времени начинается отсчет освоения западной части СВП/СМП.

Важными вехами раннего арктического мореплавания и освоения западной части СВП становятся морские походы новгородцев и поморов от устья Северной Двины в район Карских Ворот с XI века, освоение районов Печоры, Северного Урала и Нижней Оби. Значимым событием освоения арктической морской магистрали и одновременно предметом многолетней дискуссии является открытие архипелага Новая Земля: кто стал его первооткрывателем и когда это произошло.

Особое место в истории освоения СВП русскими мореходами и землепроходцами занимает история «златокипящей» Мангазеи, первого русского заполярного города начала XVII века и пункта Мангазейского морского хода, запрещенного к плаванию в 1619 году. Стоит отметить, что существуют различные причины этого запрета.

Качественно новым этапом в освоении русских арктических вод становится период с XVI века, когда вследствие соглашений между Испанией и Португалией были захвачены и поделены океанские пути в Индию и Китай. Тогда и возникает предположение о возможности прохода к этим территориям из Европы северным путем, вдоль арктических берегов Евразии. В это время появляется и сам термин «Северо-Восточный проход». Вероятность такого прохода связывают прежде всего с сообщением русского посланника в Риме Дм. Герасимова в начале XVI века, записанным итальянским ученым Паолом Иовием Новокомским, опубликованным в 1825 году сочинение «Книга о посольстве Василия к Клименту VII» [13, с. 9–10].

Царь Петр I первым в России осознал государственное значение научного изучения и освоения Арктики и основания здесь постоянной морской коммуникации. Его занимали мысли об Аннинском проходе, который на картах XVI–XVII столетий находился там, где позже был открыт пролив, названный Беринговым [13, с. 10].

23 декабря 1774 года Петр I издал указ об организации Сибирской экспедиции для поисков пролива между Азией и Америкой. 6 января 1775 года он собственноручно написал краткую инструкцию начальнику экспедиции, вошедшей в историю как Первая Камчатская экспедиция (1725–1730 годы). Начальником был назначен опытный моряк В. Беринг, которого русский император хорошо знал и который возглавил позднее Вторую Камчатскую экспедицию (1733–1741 годы). Эти экспедиции носили комплексный характер с главной задачей отыскания и описания новых морских путей и внесли выдающийся вклад в освоение СВП/СМП.

В осуществлении научных исследований Арктики и СВП/СМП нужно отдать должное заслугам М.В. Ломоносова. Он считал освоение этого морского маршрута исторической миссией России: «...Северный океан, есть странное поле, где... усугубиться может российская слава, соединенная с беспримерною пользою чрез изобретение восточно-северного мореплавания в Индию и Америку» [4, с. 420].

Ломоносов-ученый справедливо полагал, что открытие СМП будет способствовать подъему российской экономики и развитию удаленных восточных регионов Российской империи. Как геополитик он указывал на значение прилегающих к данному пути территорий Сибири, Арктики, Тихого океана для укрепления международных позиций империи. Ломоносов-дипломат подчеркивал, что открытие и освоение морской магистрали вдоль северных берегов Евразии облегчат «сообщение с Ориентом», укрепят торгово-экономические и культурные связи со странами и народами Востока.

Выдающийся прогресс, достигнутый русскими исследователями и мореходами в изучении, гидрографическом обследовании и освоении фактически всей протяженности СВП от Архангельска до Камчатки в первой и начале второй половины XVIII века, трудно переоценить, и это нашло отражение в многочисленных российских и зарубежных публикациях.

Период с середины XVIII до середины XIX века в коллективной монографии 2022 года назван «негероическим освоением евразийской морской Арктики» [12]. В ходе презентации этого издания на Арктических чтениях в Москве в начале 2024 года прозвучал вопрос, с чем связано такое определение. Автор текста, историк из Нидерландов Э. Окхейзен, объяснял это тем, что освоение на указанном этапе носило довольно эволюционный, прогрессивный характер в сравнении с результатами Камчатских экспедиций в предшествующий период, но мореплавание А.Э. Норденшельда, случившееся в дальнейшем, было беспрецедентным, поскольку он прошел СВП целиком. В западной исторической литературе результаты данного периода рассматриваются как менее впечатляющие или даже как неудачи – и более русские, нежели западные.

Но сам Окхейзен подчеркивал, что менее впечатляющими и негероическими эти итоги кажутся только на первый взгляд, а в действительности с середины XVIII до середины XIX века происходили важные и масштабные мероприятия, хотя имели место и вызывающие

недоумение события. В это время складываются и напряженные геополитические отношения России с западными странами на крайней восточной оконечности осваиваемого СВП. Но, несомненно, отмеченная часть издания 2022 года восполнила большой пробел в историографии СМП [4, с. 83].

Время с середины XIX века до 1917 года, завершающее российский имперский период, было весьма противоречивым в освоении и эксплуатации морского арктического маршрута к северу от Евразии вдоль российского побережья. Плавание А.Э. Норденшельда в 1878–1879 годах доказало возможность сквозного прохода из Атлантического в Тихий океан через Российскую Арктику и, казалось бы, открывало беспрецедентные перспективы для превращения СВП в постоянно действующую морскую магистраль между Европой и Азией и трансформации прохода в путь. Вместе с тем сам Норденшельд считал, что судоходство между Европой и устьем Енисея на западе и между Тихим океаном и устьем Лены на востоке имеет большее значение, чем сквозное плавание, которое в силу сурового ледового режима СВП вряд ли станет значимым для торговли [7].

Советское видение развития СВП/СМП в эпоху капитализма наиболее полно воплотилось во втором томе 4-томного издания об истории открытия и освоения СМП [10]. В последующие 60 лет проблематика изучения этого периода существенно расширилась. Тем не менее зарубежные авторы особое внимание уделяли роли иностранных мореплавателей и коммерсантов в исследовании и эксплуатации Российской Арктики.

История коммерческих экспедиций по СМП в 1870–1890-е годы, главным образом иностранных (в основном британских), стала предметом диссертационного исследования А.Е. Гончарова [14]. Автор подчеркивает, что этот период был единственным в истории, когда преобладающая роль в процессе освоения СМП принадлежала частному, прежде всего иностранному, капиталу. Отсутствие эффективной государственной поддержки не позволяло рос-

сийским торгово-промышленным кругам адекватно конкурировать с английскими коммерсантами, и в итоге российское правительство пошло на отмену режима порто-франко для защиты национальных интересов. Однако Гончаров констатирует, что в начале XX века, несмотря на усилия ряда частных иностранных компаний, инициатива в освоении и обустройстве СМП окончательно перешла в руки государства [14].

Стремление британцев наладить регулярное сообщение по СМП диктовалось прежде всего геополитическими интересами Великобритании, пытавшейся получить доступ к ресурсной базе Сибири, открыть гигантский рынок сбыта для своих промышленных товаров, обрести кратчайший путь к Китаю, находившемуся в полукOLONIALной зависимости от западных стран, а также использовать алгоритм Ост-Индской компании, вытребовав для себя максимальные торговые привилегии в России. В условиях роста активности европейских держав в Арктике и грядущего геополитического противостояния здесь перед властями Российской империи встал вопрос о необходимости выстроить продуманную арктическую политику или уступить свои северные владения другим странам [15, с. 8; 16].

В международной коллективной монографии 2022 года была предпринята попытка представить новое и более широкое видение проблем освоения, развития и эксплуатации СМП во второй половине XIX – начале XX века [12, с. 181–270]. В ней рассмотрены следующие проблемы: раннее освоение и навигации к устьям Оби и Енисея; российско-норвежские отношения от Крымской войны до Российской революции 1917 года; мореплавание по СВП; охрана СМП до 1905 года; Русско-японская война и потенциальная военная и стратегическая важность СМП; СМП накануне Российской революции 1917 года.

Гораздо полнее в сравнении с предшествующими изданиями освещена разносторонняя деятельность иностранных предпринимателей. Впервые столь подробно исследованы помор-

ская торговля и российско-норвежские отношения на разных уровнях и с упором на сотрудничество.

К сожалению, вне поля зрения данного издания оказалась такая важная и масштабная проблема, как потребность освоения Мурмана, активно обсуждавшаяся на высшем уровне в России еще в 1890-е годы, но отложенная на время. Программа намеченного ранее развития этого стратегически важного региона вынужденно и форсированно реализовывалась уже в годы Первой мировой войны: строительство гражданского и военного порта с учреждением г. Романова-на-Мурмане (с 1917 года – Мурманск), а также железнодорожной магистрали, связавшей Мурман с Петрозаводском и центром страны.

Архангельская губерния, ее порты и инфраструктура пережили в годы Первой мировой войны ускоренную модернизацию в связи с необходимостью принимать огромные потоки грузов по арктической морской магистрали из Западной Европы и нарастить масштабы экспорта. С 1915 года апробируется тактика конвойной проводки судов, учреждается система обороны русских северных вод посредством создания в 1916 году флотилии Северного Ледовитого океана и действий Северно-русской, или Арктической, эскадры Антанты [17, с. 102–157].

Важной и интересной для изучения проблемой является деятельность Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана 1910–1915 годов. В ходе ее состоялись последние открытия островов в Арктике, а также впервые был совершен сквозной поход гидрографической экспедиции Б.А. Вилькицкого в 1914–1915 годах с востока на запад по СМП, доказавший возможность его эксплуатации [18].

Добавим, что вслед за этой экспедицией последовала циркулярная нота МИД России от 20 сентября 1916 года о включении в состав Российской империи открытых земель в азиатской части Арктики с указанием, что правительство не сочло нужным заносить в эту нотификацию острова близ европейского побережья империи

(Новая Земля, Колгуев, Вайгач и др.) «ввиду того, что их принадлежность к территории империи является общепризнанной в течение столетий»¹.

К сожалению, процесс освоения СМП в начале XX века сопровождался не только свершениями и достижениями, но и трагедиями. Так, в 1912–1914 годах потерпели неудачу три экспедиции, завершившись гибелью их руководителей (В.А. Русанова, Г.Л. Брусилова и Г.Я. Седова).

Оценка результатов освоения, развития и состояния СМП к финалу имперского периода носит весьма противоречивый характер в российской и иностранной исторической литературе. С одной стороны, налицо были несомненные достижения. Главным из них стала трансформация СВП в СМП, который превратился в маршрут коммерческих экспедиций, гидрографического и экономического освоения. С другой стороны, на повестке дня стоял сложный комплекс проблем: обустройство СМП, его дальнейшая коммерциализация, обеспечение безопасной навигации, налаживание оптимальных взаимоотношений государства и частных предпринимателей, юридическое закрепление этой морской магистрали за Россией. Исторический опыт доказывает, что СМП наиболее эффективно развивается в условиях сильной государственности и продуманной и долгосрочной политики в Арктике. Данная арктическая морская трасса подтвердила свою исключительную важность для России в условиях военных испытаний.

Русско-японская война показала потенциальную военную и стратегическую необходимость и значимость срочного развития СМП и организации движения судов из Белого моря в Тихий океан, гидрографического обследования этой трассы, что вылилось в принятие ряда государственных документов и работу Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана в 1910–1915 годах [12, с. 240–243]. Первая мировая война привела к стремительному ро-

сту морских перевозок из Западной Европы по арктической трассе (европейский сектор СМП) в северные русские порты. В 1914–1917 годах было ввезено около 5,5 млн т импортных грузов, а вывезено около 4,5 млн т грузов, что было значительно больше объема перевозок по ленд-лизу по этой морской коммуникации в годы Второй мировой войны. Для охраны и обеспечения безопасности арктической трассы была создана уже упомянутая флотилия Северного Ледовитого океана [17, с. 102–157].

Забегая вперед, заметим, что эксплуатация СМП продолжалась в годы Гражданской войны в Сибири и Северной области [12, с. 279–285]. Организация регулярного сквозного мореплавания по СМП была налажена в советский период.

Заключение. Тысячелетний период освоения и развития СВП/СМП характеризовался суровыми испытаниями, свершениями, героизмом его покорителей, драмами и трагедиями. Накопленный исторический опыт многогранен и колоссален, он являлся и является предметом пристального внимания, вдумчивого осмысления и изучения российскими и зарубежными исследователями. Исторические уроки этой эпохи и историческая память о ней вдохновляют на новые свершения при дальнейшем освоении и эксплуатации СМП и в то же время требуют максимальной продуманности данного процесса и реализуемой политики.

Что касается проблемы преемственности или отсутствия таковой в развитии СМП в имперский и советский период, на этот счет существуют разные суждения. В советское время лейтмотивом являлось то, что именно советское государство осуществило всестороннюю и эффективную эксплуатацию СМП в противовес неэффективным действиям царского правительства. В постсоветской российской и зарубежной литературе ряд авторов высказывает мнение, что усилия по освоению СМП в дореволюционный период не следует недооценивать, что основные принципы арктической поли-

---

¹Арктический регион: проблемы международного сотрудничества: хрест.: в 3 т. / под общ. ред. И.С. Иванова. Т. 3. Применимые правовые источники. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 140.

тики и мореплавания были выработаны уже в 1897–1917 годах и эта магистраль была открыта для последующего широкомасштабного освоения. Другие исследователи полагают, что именно в советский период произошло кардинальное переосмысление арктической полити-

ки, была выстроена долговременная стратегия развития СМП и создана оптимальная модель управления им, а централизованная плановая экономика способствовала ускоренному развитию и эксплуатации морской магистрали. Эта тема до сих пор остается предметом дискуссий.

Список литературы

1. *Hakluyt R. The Principal Navigations, Voyages and Discoveries of the English Nation: in 2 vols.* London, 1598.
2. *Hakluyt R. The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation: in 3 vols.* London, 1598–1600.
3. *Purchas S. Hakluytus Posthumus, or Pырchas His Pilgrimes, Contayning a History of the World, in Sea Voyages, and Lande Travells, by Englishmen and Others.* London, 1625.
4. *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. в 11 т. Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 689 с.
5. *Coxe W.* Account of the Russian Discoveries Between Asia and America. London, 1780. 410 p.
6. *Норденшельд А.Э.* Путешествие А.Э. Норденшельда вокруг Европы и Азии на пароходе «Вега» в 1878–1880 гг. / пер. со швед. С.И. Барановского, засл. проф. Имп. Александр. ун-та, при содействии Э.В. Кориандера, горн. инж. СПб.: И.И. Валлениус, 1881. Ч. 1. 516 с.
7. *Студитский Ф.Д.* История открытия морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива: в 2 ч. СПб.: Тип. Д.И. Шеметкина, 1883. Ч. 1. 318 с.; Ч. 2. 288 с.
8. *Руднев Д., Кулик Н.* Материалы к изучению Северного морского пути из Европы в Обь и Енисей. Петроград: Тип. А.Э. Коллинс, 1915. 127 с.
9. *Белов М.И.* Путь через Ледовитый океан: очерки из истории открытия и освоения Северного морского пути. М.: Мор. трансп., 1963. 237 с.
10. *Пинхенсон Д.М.* Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма. Л.: Мор. трансп., 1962. 766 с. (История открытия и освоения Северного морского пути; Т. 2).
11. *Визе В.Ю.* Моря Российской Арктики. Очерки по истории исследования: в 2 т. М.: Paulsen, 2016. Т. I. 344 с.; Т. II. 256 с.
12. *From Northeast Passage to Northern Sea Route: A History of the Waterway North of Eurasia / ed. by J.P. Nielsen, E. Okhuizen.* Leiden: Brill, 2022. 499 p.
13. *Булатов В.Н.* Русский Север: в 5 кн. Кн. 4. Свет Полярной звезды. Архангельск: Изд-во ПГУ, 2002. 272 с.
14. *Гончаров А.Е.* История коммерческих экспедиций Северного морского пути: 1870-е – 1890-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2013. 261 с.
15. *Ананьев Д.А.* История освоения Северного морского пути в освещении англо- и немецкоязычных исследователей // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 3. С. 5–14. <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2018.3.5>
16. *Поткина И.В.* Зарождение Северного морского пути: пролог грядущего геополитического противостояния в Арктике // Ист. курьер. 2023. № 6(32). С. 139–153. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2023-6-10>
17. *Голдин В.И.* Арктическая жемчужина империи. Русский Север в эпоху реформ, революций и Первой мировой войны. М.: Вече, 2022. 464 с.
18. *Б.А. Вилькицкий и Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана в 1914–1915 гг.: сб. док. / науч. ред. В.Г. Смирнов, отв. сост. Р.Г. Гагкуев; сост. Н.А. Кузнецов, С.В. Решетников, В.Г. Смирнов.* М.: Кучково поле Музеон, 2022. 656 с.

References

1. *Hakluyt R. The Principal Navigations, Voyages and Discoveries of the English Nation.* London, 1598.
2. *Hakluyt R. The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation.* London, 1598–1600.

3. Purchas S. *Hakluytus Posthumus, or Pyrchas His Pilgrimes, Contayning a History of the World, in Sea Voyages, and Lande Travells, by Englishmen and Others*. London, 1625.

4. Lomonosov M.V. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 6. Trudy po russkoy istorii, obshchestvenno-ekonomicheskim voprosam i geografii. 1747–1765 gg.* [Complete Works. Vol. 6. Works on Russian History, Socio-Economic Issues and Geography. 1747–1765]. Moscow, 1952. 689 p.

5. Coxe W. *Account of the Russian Discoveries Between Asia and America*. London, 1780. 410 p.

6. Nordenskiöld A.E. *Puteshestvie A.E. Nordenshel'da vokrug Evropy i Azii na parokhode "Vega" v 1878–1880 gg.* [A.E. Nordenskiöld's 1877–1880 Voyage Around Europe and Asia Aboard the *Vega* Steamship]. St. Petersburg, 1881. Pt. 1. 516 p.

7. Studitskiy F.D. *Istoriya otkrytiya morskogo puti iz Evropy v sibirskie reki i do Beringova proliva* [The History of the Discovery of the Sea Route from Europe to the Siberian Rivers and to the Bering Strait]. St. Petersburg, 1883. Pt. 1. 318 p.; Pt. 2. 288 p.

8. Rudnev D., Kulik N. *Materialy k izucheniyu Severnogo morskogo puti iz Evropy v Ob' i Enisey* [Materials for the Study of the Northern Sea Route from Europe to the Ob and Yenisei]. Petrograd, 1915. 127 p.

9. Belov M.I. *Put' cherez Ledovityy okean: ocherki iz istorii otkrytiya i osvoeniya Severnogo morskogo puti* [The Route Through the Arctic Ocean: Essays on the History of the Discovery and Exploration of the Northern Sea Route]. Moscow, 1963. 237 p.

10. Pinkhenson D.M. *Problema Severnogo morskogo puti v epokhu kapitalizma* [The Problem of the Northern Sea Route in the Capitalist Era]. Leningrad, 1962. Vol. 2. 766 p.

11. Wiese V.Ju. *Morya Rossiyskoy Arktiki. Ocherki po istorii issledovaniya* [The Seas of the Russian Arctic. Essays on the History of Exploration]. Moscow, 2016. Vol. 1. 344 p.; Vol. 2. 256 p.

12. Nielsen J.P., Okhuizen E. (eds.). *From Northeast Passage to Northern Sea Route: A History of the Waterway North of Eurasia*. Leiden, 2022. 499 p.

13. Bulatov V.N. *Russkiy Sever. Kniga chetvertaya: Svet Polyarnoy zvezdy* [The Russian North. Book Four: The Light of the Pole Star]. Arkhangelsk, 2002. 272 p.

14. Goncharov A.E. *Istoriya kommercheskikh ekspeditsiy Severnogo morskogo puti: 1870-e – 1890-e gg.* [History of Commercial Expeditions by the Northern Sea Route: 1870s – 1890s: Diss.]. Kemerovo, 2013. 261 p.

15. Anan'ev D.A. The History of the Development of the Northern Sea Route as Presented in English- and German-Language Historiography. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 3, pp. 5–14. <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2018.3.5>

16. Potkina I.V. The Origin of the Northern Sea Route: A Prologue to the Forthcoming Geopolitical Confrontation in the Arctic. *Istoricheskiy kur'er*, 2023, no. 6, pp. 139–153 (in Russ.). <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2023-6-10>

17. Goldin V.I. *Arkticheskaya zhemchuzhina imperii. Russkiy Sever v epokhu reform, revolyutsiy i Pervoy mirovoy voyny* [The Arctic Pearl of the Empire. Russian North in the Era of Reforms, Revolutions and World War I]. Moscow, 2022. 464 p.

18. Smirnov V.G. (ed.). *B.A. Vil'kitskiy i Gidrograficheskaya ekspeditsiya Severnogo Ledovitogo okeana v 1914–1915 gg.* [B.A. Vilkitsky and the 1914–1915 Arctic Ocean Hydrographic Expedition]. Moscow, 2022. 656 p.

Информация об авторе

В.И. Голдин – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2).

Information about the author

Vladislav I. Goldin, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Prof. at the Department of Regional Studies, International Relations and Political Sciences, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: prosp. Lomonosova 2, Arkhangelsk, 163002, Russia).

Поступила в редакцию 19.03.2024

Одобрена после рецензирования 20.05.2024

Принята к публикации 22.05.2024

Submitted 19 March 2024

Approved after reviewing 20 May 2024

Accepted for publication 22 May 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 4. С. 41–51.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 4, pp. 41–51.

Научная статья

УДК 94(470)«1920/1930»:327.8(410+520)«1920/1930»

DOI: 10.37482/2687-1505-V360

Белая эмиграция в планах Англии и Японии по уничтожению единого советского государства в 1920–1930-е годы

Василий Петрович Пашин

Курский государственный университет, Курск, Россия,

e-mail: pashinvp@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0357-8970>

Аннотация. В работе анализируются малоизвестные страницы политики английского и японского правительств по отношению к СССР в 1920–1930-е годы, которая была направлена на его уничтожение через расчленение на небольшие в территориальном плане государства. Цель статьи – раскрыть позиции белой эмиграции касательно антисоветской, антирусской политики Англии и Японии. Научная значимость исследования заключается в выявлении неизменной подрывной политики этих стран против СССР-РФ. Такие выводы автора основываются на изучении документов Центрального архива Службы внешней разведки Российской Федерации. Их анализ проводился на базе общецивилизационного подхода, акцентирующего внимание на социально-культурных явлениях и субъективных факторах. Общецивилизационный подход дополнялся формационным, позволившим автору сориентироваться в большом потоке исторических событий и отдельных явлений. В работе приводятся факты попыток создания единого антисоветского фронта из европейских государств, прежде всего Франции, Польши, Латвии, Литвы, Эстонии. В орбиту подобной политики вовлекались и другие государства, в частности Румыния, Болгария, Сербия. Показано, что Англия и Япония в роли тарана стремились использовать белогвардейских эмигрантов. Финансирование антисоветских мероприятий нередко происходило за счет средств, вложенных в английские и японские банки бывшим царским правительством и правительствами Белого движения в период Гражданской войны на территории России. Современная враждебная политика стран «цивилизованного Запада» аналогична политике исследуемого периода как по целям, так и по методам. Дальнейшего осмысления требует вывод о том, что рядовая белая эмиграция, настроенная в основном враждебно по отношению к советской власти, не желала уничтожения единого российского государства и ослабления его экономического потенциала. Креатурами враждебных замыслов стран Запада являлись немногочисленные руководители Белого движения за рубежом.

Ключевые слова: Советская Россия, Белое движение, белая эмиграция, антисоветская политика, Англия, Япония, 1920–1930-е годы

Для цитирования: Пашин, В. П. Белая эмиграция в планах Англии и Японии по уничтожению единого советского государства в 1920–1930-е годы / В. П. Пашин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 4. – С. 41-51. – DOI 10.37482/2687-1505-V360.

Original article

White Émigrés in the Plans of Britain and Japan to Destroy the Unified Soviet State in the 1920s – 1930s

Vasiliy P. Pashin

Kursk State University, Kursk, Russia,

e-mail: pashinvp@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0357-8970>

Abstract. The paper analyses little-known facts of the British and Japanese policies on the Soviet Union in the 1920s – 1930s, which were aimed to destroy the country by breaking it up into smaller states. The purpose of this article is to identify the opinions of white émigrés on Britain’s and Japan’s anti-Soviet, anti-Russian policies. The scientific and practical significance of the study lies in identifying the persistent subversive activities of these countries against the USSR and the Russian Federation. The author’s conclusions are based on documents from the Central Archives of the Foreign Intelligence Service of the Russian Federation. They were analysed on the basis of the general civilizational approach focusing on sociocultural phenomena and subjective factors, complemented by the formational approach, which allowed the author to navigate the large flow of historical events and individual phenomena. The paper points out the attempts to create a united anti-Soviet front in European states, primarily France, Poland, Latvia, Lithuania and Estonia. Other countries were also drawn into the orbit of such policies, Romania, Bulgaria and Serbia in particular. It is demonstrated that Britain and Japan sought to use White Guard émigrés as a battering ram. Anti-Soviet activities were often financed using funds invested in British and Japanese banks by the former tsarist government and the governments of the White movement during the Civil War in Russia. The current antagonistic policy of the “civilized West” is similar to that of the period under study, both in terms of goals and methods. The conclusion that ordinary white émigrés, most of whom were hostile towards Soviet power, did not want to destroy the unified Russian state or weaken its economic potential requires further reflection. The creatures of the Western countries with their belligerent plans were the few leaders of the White movement abroad.

Keywords: *Soviet Russia, White movement, white émigrés, anti-Soviet policy, England, Japan, 1920s – 1930s*

For citation: Pashin V.P. White Émigrés in the Plans of Britain and Japan to Destroy the Unified Soviet State in the 1920s – 1930s. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 4, pp. 41–51. DOI: 10.37482/2687-1505-V360

Введение. Выявленные документы Службы внешней разведки РФ показывают, что в 1920–1930-е годы коалиция стран Запада стремилась расчленив СССР через создание единого общеевропейского фронта, а в качестве тарана – использовать белоэмигрантское движение. Меняются средства, но цель остается неизменной: уничтожить крупное государство, разбить его на мелкие, легкоуправляемые. Если в 1920–1930-е годы страны Запада пытались

употребить в роли тарана пятую колонну из белоэмигрантов, то в современных условиях ставка делается в т. ч. на пятую колонну из российских граждан, поспешно уехавших за рубеж. Но если у белой эмиграции, в большинстве своем вынужденно выехавшей из страны, еще сохранялись понятия чести и достоинства, патриотическая память о Родине, то современные представители пятой колонны (добровольно покинувшие РФ) ведут себя неприлично

по отношению к Отчизне. Преобладающая часть белогвардейцев желала свергнуть советскую власть, но отстаивала единую и неделимую Россию. Анализ позиции белой эмиграции к враждебной политике в отношении СССР является чрезвычайно важным для понимания современных действий «цивилизованного Запада», касающихся не только РФ, но и нравственной составляющей эмиграции XXI века.

В статье анализируются действия Англии и Японии, направленные на провокации против СССР с целью втягивания его в военный конфликт посредством использования белой эмиграции с последующим ослаблением и расчленением на небольшие государства.

Обзор литературы. В отечественной историографии белогвардейского зарубежья можно выделить несколько периодов. К первому из них¹ подвел «Краткий курс истории ВКП(б)»: в его рамках 2 млн российских граждан, находящихся в эмиграции, были названы «белогвардейскими пигмеями, силу которых можно приравнять лишь силе ничтожной козявки»². После такой оценки белая эмиграция фактически выпала из поля зрения советских ученых-обществоведов.

Второй период ведет свой отсчет с 1960-х годов. Белая эмиграция, оказавшаяся в силу ряда причин практически не исследованной, становится предметом научного анализа [1–4]. Но традиционная для советской исторической науки методология не позволяла авторам увидеть палитру оттенков в белоэмигрантских настроениях и взглядах.

Второй половиной 1980-х годов в отечественной историографии открывается третий период. Прерываются постепенные накопление и осмысление исторических явлений. Без предисловий, научных комментариев массовыми

тиражами начинает издаваться белоэмигрантская литература, где нередко на основе отдельно взятого факта делаются обобщающие выводы³. В сознание российских граждан прочно вошло понятие «красный террор»: практически весь советский период истории очерняется и перелицовывается. В настоящее время этот процесс особенно усилился в западноевропейской идеологии. Активно разрабатывается концепция жертвы государств Польши, Литвы, Эстонии, Латвии и др. Идет неприкрытый ревизионизм истории уже не только советской, но и всей российской, потому как поставлена задача уничтожения цивилизации России.

В рамках четвертого периода отечественной историографии, охватывающего первые десятилетия XXI века, исследуются самые различные направления жизни, быта и деятельности белой эмиграции [5–9]. Анализируемые факты обретают человеческое лицо, обнаруживают эмоции и переживания [10–13]. В истории начинают рассматривать конкретных людей, а не абстрактных «белогвардейцев» или «красноармейцев». Весомую роль в таких изменениях сыграли опубликованные документы коллектива сотрудников Института военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ, Федеральной службы безопасности и Службы внешней разведки РФ, которые осветили жизнь и деятельность белой эмиграции без купюр и выборочных оценок [14, 15].

Материалы и методы. Содержательно работа построена на архивных документах Центрального архива Службы внешней разведки Российской Федерации (ЦА СВР РФ), которые представляют собой агентурные сообщения Иностранного отдела Объединенного государственного политического управления (ИНО ОГПУ) из различных стран Европы и Азии,

¹Белов В. Белое похмелье. Русская эмиграция на распутье. М.; Петроград: Госиздат, 1923. 155 с.; Рыклин Г.Е. Кровавый атаман. М.: Крестьян. газ., 1927. 337 с.

²История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б); одобр. ЦК ВКП(б) в 1938 г. М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1945. С. 216.

³Мельгунов С.В. Красный террор в России. М.: СП «РУСКО»: «P.S.» («Постскриптум»), 1990. 208 с.; Семенов Г. Атаман Семенов. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. М.: АСТ, 2002. 70 с.

личные и официальные письма лидеров бело-гвардейской эмиграции, обобщающие справки, выражающие позицию белой эмиграции в связи с проводимой Англией и Японией политикой в отношении советского государства, как перехваченные советской контрразведкой, так и составленные сотрудниками ГПУ-ОГПУ.

Анализ указанных документов проводился на основе общецивилизационных методов, позволяющих раскрыть социально-культурные явления в истории развития человеческой цивилизации и субъективные факторы. Так, антропологический подход более чувствителен при интерпретации исторического опыта. Не утратил своего значения и формационный подход, делающий основной акцент на социально-экономических факторах и экономической основе в развитии исторического процесса. Он позволяет сориентироваться в огромном количестве явлений и фактов, подняться над ними и увидеть проблему в целом, а не отдельные ее части, не уйти полностью в субъективное восприятие истории. Только сочетание этих подходов дает возможность максимально объективно оценить предмет исследования. В полемике двух подходов и развивается современное историческое познание, когда участники событий являются не только объектами, но и субъектами истории. Кантовский метод критического отношения к наличному знанию помог избежать догматизма и метафизических взглядов на мир.

Результаты. В ноябре 1925 года закордонной частью ИНО ГПУ в Москву был отправлен достаточно пространственный аналитический документ о приложении Англией максимума усилий по отделению Китая от Советской России путем организации бело-эмигрантского восстания в Забайкалье. Таким образом Китай был бы отрезан от России⁴. В основу аналитической справки были положены секретные сведения о переговорах представителя дальневосточной белой эмиграции Н.А. Лохвицкого с высокопоставленными чи-

новниками из Министерства иностранных дел Великобритании, состоявшихся в конце 1925 года в Лондоне. В рамках переговоров Н.А. Лохвицким были озвучены планы и перспективы организации восстания на Дальнем Востоке, для чего требовалась финансовая поддержка. Поддержка была обещана в том случае, если белая эмиграция поднимет восстание самостоятельно. В этой формулировке достаточно ясно просматривается лицемерие официальных лиц правительства Великобритании. Оно не желало быть замеченным в откровенной поддержке террористической деятельности в отношении суверенного государства. А вот оказание «гуманитарной помощи» восставшим выглядело бы очень благопристойно.

Продолжились переговоры Н.А. Лохвицкого об организации антисоветского восстания на Дальнем Востоке и в 1926 году. Они велись непосредственно с членом палаты общин, председателем парламентской комиссии по иностранным делам Великобритании Локар-Лемпсон⁵. Но это была не совсем самостоятельная фигура. Через него информация доходила до высших лиц руководства Великобритании, так же как и их мнение доводилось до Н.А. Лохвицкого. Локар-Лемпсон заявил о благожелательном отношении к проекту со стороны У. Черчилля и лорда Биркенхеда. Однако от непосредственной встречи последние отказывались, т. к. огласка могла навредить их политическому авторитету.

В непосредственной финансовой помощи Белому движению вновь было отказано, т. к. по существующему в Англии закону «великобританское правительство не имеет права предпринимать какие-то бы ни было враждебные шаги против другого правительства, с которым оно состоит в дружеских сношениях». Под «дружескими сношениями» имелись в виду дипломатические отношения. Но переговорщики со стороны Англии тут же предложили выход из создавшейся ситуации. Они рекомендовали устано-

---

⁴ЦА СВР РФ. Арх. № 217. Т. 1. Л. 66–74 об.

⁵Там же. Арх. № 275. Т. 2. Л. 239–244.

вить контакты с частными финансово-предпринимательскими кругами Англии, причем лично У. Черчилль обещал дать рекомендации для знакомства с крупными финансистами Сити.

Основная задача английского правительства в этот период заключалась в объединении разрозненных антисоветски настроенных русских белогвардейских отрядов на Дальнем Востоке (и не только) в единое целое. В целях вовлечения как можно большего количества белогвардейцев, находящихся в Европе, Англия оказывала давление на французское правительство, чтобы оно, в свою очередь, помогло сорганизоваться белогвардейцам на территории Франции, где проживала крупнейшая их диаспора.

На обострение политической ситуации вокруг СССР в 1927 году Англия отреагировала незамедлительно. Повсеместно в европейских странах сотрудники английских посольств стали проводить вербовку солдат-добровольцев в Китай⁶. Так, находящихся на европейском континенте белоэмигрантских офицеров усиленно вовлекали в английские волонтерские части, намереваясь отправить их в Китай через Болгарию и Сербию. В целях прикрытия антисоветской деятельности разрабатывалась версия об отправке белых офицеров якобы на лесные работы в Корею. Предполагалось вовлечь СССР в войну, которая могла «оказаться для них, как прошлая война для царского правительства»⁷. При этом войну предполагалось вести под любыми лозунгами – «Власть царю, земля народу», «Долой буржуев всякого рода» и т. д.

Во Франции на средства английского правительства планировалось сформировать отряд из русских белых эмигрантов численностью до 8 тыс. чел. К английской вербовке активно подключились польские власти. Здесь агитация проводилась через вербовочное бюро, а освидетельствование здоровья добровольцев про-

ходило в государственном военном госпитале. В Финляндии за вербовочную кампанию отвечал военный атташе английского посольства в Гельсингфорсе. В Румынии вербовку вела леди Гамбури, приехавшая в Кишинев с большой суммой денег по поручению английского правительства. В Болгарии вербовкой занимались английские агенты, действуя с молчаливого согласия болгарских властей. В Литве, Латвии, Эстонии вербовка проходила при участии специально прибывших английских офицеров. В Германии к делу вербовки был причастен представитель Врангеля в Берлине полковник А.А. фон Лампе.

Анализируя подобную вербовочную активность в Европе, председатель Союза бывших военнослужащих Российской армии и флота в Шанхае Е.А. Небольсин писал: «Англия и Япония решили-таки иначе выгнать большевиков из Маньчжурии и Сибири и уже отпустили неограниченные средства на создание сильного русского корпуса...»⁸

Вербовочная кампания продолжалась и в последующие годы. В начале 1929 года в сообщении парижской резидентуры ИНО ОГПУ говорилось о вербовке русских офицеров во Франции для отправки на Дальний Восток⁹. Каждый завербованный офицер получал по 2 тыс. франков, их бесплатно перевозили в Харбин, где им также должны были выдаваться деньги в течение 4 месяцев со дня прибытия к месту назначения. Заранее оговаривалось, что, если их услуги не понадобятся («не произойдут события, требующие участия офицеров в армии»), их вновь бесплатно отправят во Францию. Средства для вербовки выдавала Англия, но не правительство, а крупные английские фирмы.

Однако подобная кампания по отправке офицеров из Европы в Азию фактически про-

⁶ЦА СВР РФ. Арх. № 619. Т. 1. Л. 65.

⁷Там же. Арх. № 617. Л. 1–4.

⁸Там же. Арх. № 619. Т. 2. Л. 14–18.

⁹Там же. Арх. № 997. Т. 1. Л. 231–232.

валилась. К концу 1929 года во Франции было завербовано всего около 80 чел., несмотря на большую агитационную активность английских и французских спецслужб и значительные материальные обещания. Каждому отъезжающему выдавалось на руки 200 долл., обеспечивались бесплатный проезд к месту назначения и гарантированное жалование по приезду на Дальний Восток¹⁰.

В 1930 году Англия опробует новую тактику по созданию коалиции государств против СССР под предлогом поддержки сепаратистских стремлений окраин: начинает вести активные переговоры с Японией, Турцией, Румынией, Болгарией, Сербией, Венгрией, Польшей и Италией и каждому из перечисленных государств обещает определенную выгоду. Планировалось отторгнуть от СССР окраинные земли на Дальнем Востоке, в Европе и на Кавказе и образовать Дальневосточную, Украинскую и Кавказскую республики соответственно. Далее предполагалось поставить ультиматум руководству советского государства с предложением уйти в отставку, уступив место П.Н. Милюкову–А.Ф. Керенскому.

Таким образом, в изучаемые хронологические рамки английская политика имела явно выраженный враждебный характер по отношению к советскому государству, что подтверждается постоянными переговорами с лидерами Белого движения, провокационными действиями по отправке белоэмигрантов из Европы в Китай, вовлечением в антисоветскую орбиту других государств. Однако солидарность трудящихся мира с СССР была достаточно высокой, и правительства других стран не могли открыто выступать против первой страны социализма, потому как это могло спровоцировать внутривосточные конфликты.

Центром антисоветской деятельности на Дальнем Востоке являлась Япония. В сообщении от 11 декабря 1924 года ИНО ОГПУ о Во-

енно-Азиатской экспедиции говорилось об осуществлении японским правительством партизанских действий в Забайкалье и на Амуре. Присланные в район Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) японские эмиссары-разведчики, хорошо говорившие по-русски, поощряли белых эмигрантов занимать места на КВЖД, организовывали слежку за советскими подданными, распространяли провокационные слухи. Перед ними стояла задача выявить реальные силы белогвардейцев, находившихся в этом регионе¹¹. Но японское правительство, как и английское, предполагало осуществлять финансирование и снабжение оружием белогвардейских частей в порядке частной инициативы – и только тогда, когда развернется партизанское движение.

Определенная выжидательная позиция объяснялась явно громкими обещаниями части руководителей белой эмиграции организовать мощное партизанское движение на всем Дальнем Востоке. Но таким заявлениям японцы не верили. Примером может служить следующий факт. В феврале 1927 года на одной из конспиративных встреч переговорщики от белой эмиграции уверяли представителя Японии Нагасава, что, как только они поднимут восстание, «90 % Красной Армии будет на нашей стороне», все население будет поддерживать восставших продуктами питания, а вслед за выступлением на Дальнем Востоке «поднимется все население Сибири и России»¹².

В докладной записке в японскую секретную службу Нагасава сообщал, что группа белогвардейцев-переговорщиков скорее похожа на авантюристов «с неосуществимыми фантазиями больных людей», плохо знающих реальное положение в России. Подобные выводы постоянно появлялись в секретных сводках японской разведки. «Общим злом агентов-эмигрантов является... подача недостоверных сведений», а с другой стороны, «советское

¹⁰ЦА СВР РФ. Арх. № 722. Л. 124.

¹¹Там же. Арх. № 148. Л. 20–21; № 16799. Л. 282–283.

¹²Там же. Арх. № 722. Т. 3. Л. 49–51.

консульство в Харбине имеет широкую сеть осведомителей в белоэмигрантской среде, которые подают секретную информацию точную и своевременную»¹³.

Япония до определенного времени индифферентно относилась к белой эмиграции в собственной стране. Только с конца 1920-х годов на ее территории начинает активно проводиться работа по объединению белоэмигрантов. Так, в г. Кобе возникает организация «Общество русских эмигрантов в Японии» под председательством бывшего мирового судьи А.А. Ломаева. Мусульмане консолидировались в «Дальневосточный мусульманский отдел русского зарубежного объединения» во главе с бывшим главным военным муллой при армии адмирала А.В. Колчака Салим Гареевым. Цель подобных процессов заключалась в сплочении русской военной эмиграции и втягивании ее в деятельность против СССР. В различных вариантах развития событий перед военной эмиграцией стояла следующая задача – захватить на Дальнем Востоке небольшой участок советской земли, а английское и японское правительства «всемерно» обеспечить тыл под видом оказания «гуманитарной помощи»¹⁴.

Правительство Японии преследовало цель объединить белую эмиграцию не только внутри страны, но и на всем Дальнем Востоке, где проживало до 90 тыс. эмигрантов, в одну организацию.

Созданное под эгидой Японии объединительное бюро по делам российской эмиграции включало 27 различных организаций с общим количеством до 13 тыс. чел. Здесь был открыт специальный разведывательный отдел, выполнявший задания японской разведки, формировались отряды для ведения партизанских действий на территории СССР. Однако для

подобной деятельности руководство бюро с трудом находило «подходящих людей». Так, в Харбине под управлением Японии был разработан план объединения всех существующих белоэмигрантских движений под началом атамана Г.М. Семенова, которого активно поддержала лишь незначительная часть высшего белого руководства – И.Ф. Шильников, В.Д. Косьмин, Ф.Л. Глебов и Е.Г. Сычев. В аналитической справке подчеркивалось, что вышеназванные лица вряд ли могли «объединить необъединимое». Например, в отношении В.Д. Косьмина сообщалось следующее: «У него слишком много врагов среди русского генералитета». Сказывались здесь не только политические разногласия, но и личная неприязнь. Отмечалось, что большинство организаций занимало выжидательную позицию, а «группы эсеров, эсдеков и бывших политзаключенных» заняли «определенно оппозиционную позицию к Японии» и вышеназванным лицам¹⁵.

Е.Г. Сычев, избранный атаманом Амурского казачьего войска, большим авторитетом в среде казаков не пользовался. На собрании части амурцев (сычевцев) была принята резолюция не вступать в охранные отряды, создаваемые под руководством Японии, т. к. их цели и задачи еще не были четко обозначены. А генерал И.Ф. Шильников после его холодного приема со стороны японцев в конце весны 1932 года повсеместно стал говорить, что Япония никогда не победит СССР¹⁶.

На заседании Общества офицеров Генерального штаба по поводу событий на Дальнем Востоке 6 марта 1932 года с участием А.М. Драгомирова, С.В. Востротина, Б.И. Хорошхина и др. не рекомендовалось каким-либо белогвардейским организациям входить в контакт с японским командованием¹⁷.

¹³ЦА СВР РФ. Арх. № 16578. Л. 288.

¹⁴Там же. Арх. № 722. Т. 6. Л. 175–176.

¹⁵Там же. Арх. № 1562. Л. 690.

¹⁶Там же. Арх. № 1546. Т. 1. Л. 189.

¹⁷Там же. Арх. № 1579. Л. 13.

Антироссийски настроенные лидеры не смогли сформировать даже отряд бандитов в несколько сотен человек для отправки с заданиями в СССР. В лучшем случае создавались группы в количестве 3–5 чел. из наиболее деградировавших элементов, которые уже не раз участвовали в бандитских налетах на приграничные советские территории.

В сообщении ИНО Главного управления государственной безопасности НКВД СССР от 3 января 1936 года с изложением докладной записки русского агента японской жандармерии о положении белой эмиграции в Харбине подчеркивалось: «В Харбине среди эмигрантов откровенно говорили, что почти нет никого, кто относился бы к японцам дружелюбно на 100 %... японцы недобросовестны, их обещаниям верить нельзя»¹⁸.

Подобные антипатии сохранялись на протяжении всех 1930-х годов. Практически в любом документе, характеризующем отношение белой эмиграции на Дальнем Востоке к Японии, отмечались негативные настроения: в случае войны Японии против СССР «эмигранты с Россией воевать не будут. Эмигранты пойдут на войну только против коммунистов за неделимую Россию с трехцветным флагом»¹⁹.

В специальном сообщении ИНО Управления НКВД из Иркутска о настроениях среди эмигрантов в 1936 году говорилось, что «80 % эмиграции ненавидит японцев... в случае возникновения войны между СССР и Японией добровольно мало кто пойдет с Японией... почти поголовно эмигранты против Японии»²⁰.

Япония, имея информацию о подобных настроениях белой эмиграции, не надеялась на офицеров, находившихся непосредственно на Дальнем Востоке, прежде всего на территории Китая. Русские эмигранты ненавидели Япо-

нию – слишком близки были события Русско-японской войны. Поэтому в 1930-е годы Япония вела активную вербовку белоэмигрантов, находящихся в Европе, прежде всего во Франции, для отправки на Дальний Восток, оплачивала им и проезд, и 6-месячное жалование вперед. Остающимся во Франции семьям выдавали по 85 долл., а в случае смерти белоэмигрантов обещали 1 тыс. долл. вдове и 360 долл. на каждого ребенка. Предполагалось переселить в Маньчжурию несколько тысяч воинских чинов с «целью устройства их на землю» под флагом Лиги наций²¹. Но и здесь значительная часть офицеров, находившаяся в эмиграции во Франции, заявляла: «Лучше идти с красными против японцев, чем с японцами против красных»²².

Любые провокационные попытки японской военщины против Советской России не встречали широкой поддержки белой эмиграции. Парадокс заключался в том, что белоэмигранты на Дальнем Востоке, мечтавшие свергнуть советскую власть, не желали победы японцев. Японская контрразведка, следившая за настроениями белой эмиграции, была поражена подобной ситуацией.

Документы обобщающего характера о настроениях белой эмиграции за рубежом опровергают присущий советской историографии стереотип о враждебности всей белой военной эмиграции, который сохраняется еще и в современной историографии [16]. Враждебность могла проявляться в части высшего руководства и небольшого числа откровенно деградировавших белоэмигрантов.

В западноевропейских политических кругах уже не особо верили в успех Белого движения на Дальнем Востоке. Смысл организационных

---

¹⁸ЦА СВР РФ. Арх. № 16592. Т. 2. Л. 31–54.

¹⁹Там же. Арх. № 1578. Л. 397.

²⁰Там же. Арх. № 16544. Т. 4. Л. 72.

²¹Там же. Арх. № 2355. Л. 33–37.

²²Там же. Арх. № 1277. Л. 320.

мероприятий на Дальнем Востоке раскрыл один из высокопоставленных чиновников Польши. По его словам, правительства Англии, Франции и Японии толкали Польшу на войну с СССР. Цель всех проводимых действий на Дальнем Востоке состояла в том, чтобы Советский Союз в случае возникновения европейского конфликта не смог перебросить крупные военные силы с востока на запад²³.

Анализируемые документы в конечном итоге показывают, что Япония при поддержке Белого движения тратила не собственные средства, а деньги русских правительств, которые хранились в японских и английских банках и общая сумма которых насчитывала до 65 млн р. золотом²⁴. В выявленных документах цифры весьма различаются. Так, по данным полковника Генерального штаба В.П. Колесникова, в банках Токио лежали деньги, сданные атаманом Г.М. Семеновым в сумме 1 млн 200 тыс. р. золотом и приблизительно 55 млн р. золотом российского правительства²⁵. Согласно докладу генерала А.Н. Андогского на парижском совещании под председательством генерала А.С. Лукомского по вопросам Белого движения на Дальнем Востоке в феврале 1928 года, после колчаковской и семеновской эпопей на депозитах в японских банках находилось от 10 до 15 млн иен²⁶. Предполагалось, что эти деньги будут использоваться для поддержки не только Белого движения за границей, но и организаций, находящихся на территории СССР, – под видом культурно-просветительских нужд.

Заключение. Рассматриваемые документы однозначно показывают стремление английско-японского правительств подтолкнуть белоэмигрантские силы к выступлению против СССР с целью расчленения последнего на небольшие государства, лишения его постоянно возрастающего авторитета и влияния на мировой арене. В политических отношениях нет постоянных друзей и постоянных врагов. Единственное исключение из этого философского постулата – англосаксы, являющиеся врагами России на протяжении всей отечественной истории начиная с Московского государства. Ненависть к нашему Отечеству является у них фактически патологией и неизлечимой болезнью. Современная политика санкций в отношении РФ выступает продолжением политики 1920–1930-х годов как по целям и методам, так и попыткам нахождения источников финансирования (российские замороженные активы).

Документы ЦА СВР РФ воссоздают мозаичную картину настроений в среде белой эмиграции 1920–1930-х годов, которая требует современного осмысления. Эмигранты в своем большинстве сохраняли патриотические чувства и настроения в отношении Российского государства. Уже прошло достаточное время для примирения двух противоборствующих сторон времен Гражданской войны, но не с лицами, совершившими преступления против собственного народа. Современные испытания как никогда требуют единства общества и духовной мобилизации.

Список литературы

1. Шалагинов В. Крах атамана Анненкова // Неотвратимое возмездие: по материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок / под ред. Н.Ф. Чистякова, М.Е. Карышева. М.: Воениздат, 1974. С. 90–109.
2. Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М.: Наука, 1977. 320 с.

²³ЦА СВР РФ. Арх. № 2700. Т. 1а. Л. 328–329.

²⁴Там же. Арх. № 954. Т. 2. Л. 138.

²⁵ГАРФ (Гос. арх. Рос. Федерации). Ф. 5826. Оп. 1. Д. 161. Л. 83.

²⁶ЦА СВР РФ. Арх. № 953. Т. 1. Л. 184.

Пашин В.П.

Белая эмиграция в планах Англии и Японии по уничтожению единого советского государства...

---

3. Барихновский Г.В. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921–1924 гг.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 160 с.
4. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Мысль, 1986. 270 с.
5. Малышенко Г.И. Общественно-политическая жизнь российского казачества в дальневосточной эмиграции (1920–1945 гг.): моногр. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2006. 436 с.
6. Балмасов С.С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. М.: Центрполиграф, 2007. 559 с.
7. Голдин В.И. Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века: моногр. СПб.: Полторацк; Архангельск: СОЛТИ, 2010. 576 с.
8. Кротова М.В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.). СПб.: Астерион, 2014. 377 с.
9. Гончаренко О.Г. Изгнанная армия. Полвека вынужденной эмиграции. 1920–1970 гг. М.: Вече, 2018. 400 с.
10. Ганин А.В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М.: Рус. путь, 2004. 240 с.
11. Ганин А.В. Белый генерал и красный военспец Яков Слащев-Крымский. М.: Фонд «Рус. Витязи», 2021. 256 с. <https://doi.org/10.31168/907245-53-2>
12. Пашин В.П. Новые документы о деятельности атамана Г.М. Семенова на Дальнем Востоке в период с 1923 по 1928 г. // Россия и АТР. 2018. № 2(100). С. 155–177. <https://doi.org/10.24411/1026-8804-2018-00025>
13. Смирнов С.В. Русская военная эмиграция в Тяньцзине (1920-е – начало 1940-х гг.) // Клио. 2018. № 4(136). С. 127–134.
14. Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: Документы и материалы: в 10 т. Т. 2. Несбывшиеся надежды... 1923 г. М.: Триада-Х, 2001. 483 с.
15. Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: Документы и материалы: в 10 т. Т. 3. Возвращение... 1921–1924 гг. М.: Триада-ф, 2002. 555 с.
16. Семенов К.К. «Моей ненависти к большевикам я не изменю»: Алексей фон Лампе как зеркало военной эмиграции // Вестн. С.-Петербур. ун-та. История. 2016. Вып. 1. С. 76–91.

References

1. Shalaginov V. Krakh atamana Annenkova [The Failure of Ataman Annenkov]. Chistyakov N.F., Karyshev M.E. (eds.). *Neotvratimoe vozmezhdie: po materialam sudebnykh protsessov nad izmennikami Rodiny, fashistskimi palachami i agentami imperialisticheskikh razvedok* [Imminent Retaliation: Based on the Materials of Trials of Traitors, Fascist Butchers and Imperial Intelligence Agents]. Moscow, 1974, pp. 90–109.
2. Ioffe G.Z. *Krakh rossiyskoy monarkhicheskoy kontrrevolyutsii* [The Failure of the Russian Monarchist Counter-Revolution]. Moscow, 1977. 320 p.
3. Barikhnovskiy G.V. *Ideyno-politicheskiy krakh beloemigratsii i razгром vnutrenney kontrrevolyutsii (1921–1924 gg.)* [The Ideological and Political Collapse of White Émigrés and the Defeat of the Internal Counter-Revolution (1921–1924)]. Leningrad, 1978. 160 p.
4. Shkarenkov L.K. *Agoniya beloy emigratsii* [The Agony of White Émigrés]. Moscow, 1986. 270 p.
5. Malysenko G.I. *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' rossiyskogo kazachestva v dal'nevostochnoy emigratsii (1920–1945 gg.)* [Social and Political Life of Russian Cossacks in Exile in the Far East (1920–1945)]. Omsk, 2006. 436 p.
6. Balmasov S.S. *Beloemigranty na voennoy sluzhbe v Kitae* [White Émigrés in Chinese Military Service]. Moscow, 2007. 559 p.
7. Goldin V.I. *Rossiyskaya voennaya emigratsiya i sovetskie spetssluzhby v 20-e gody XX veka* [Russian Military Émigrés and Soviet Intelligence Agencies in the 1920s]. St. Petersburg, 2010. 576 p.
8. Krotova M.V. *SSSR i rossiyskaya emigratsiya v Man'chzhurii (1920–1930-e gg.)* [Soviet Union and Russian Émigrés in Manchuria (1920–1930s)]. St. Petersburg, 2014. 377 p.
9. Goncharenko O. *Izgnannaya armiya. Polveka voennoy emigratsii. 1920–1970 gg.* [The Exiled Army. Half a Century of Military Emigration. 1920–1970]. Moscow, 2018. 400 p.
10. Ganin A.V. *Chernogorets na russkoy sluzhbe: general Bakich* [A Montenegrin in Russian Service: General Bakich]. Moscow, 2004. 240 p.
11. Ganin A.V. *Belyy general i krasnyy voenspets Yakov Slashchev-Krymskiy* [White General and Red Military Expert Yakov Slashchev-Krymskiy]. Moscow, 2021. 256 p. <https://doi.org/10.31168/907245-53-2>

12. Pashin V.P. Novye dokumenty o deyatel'nosti atamana G.M. Semenova na Dal'nem Vostoke v period s 1923 po 1928 g. [New Documents on the Activities of Ataman G.M. Semyonov in the Far East During the Period from 1923 to 1928]. *Rossiia i ATR*, 2018, no. 2, pp. 155–177. <https://doi.org/10.24411/1026-8804-2018-00025>

13. Smirnov S.V. Russkaya voennaya emigratsiya v Tyan'tzine (1920-e – nachalo 1940-kh gg.) [Russian Military Émigrés in Tianjing (1920s – Early 1940s)]. *Klio*, 2018, no. 4, pp. 127–134.

14. *Russkaya voennaya emigratsiya 20–40-kh godov XX veka: Dokumenty i materialy. T. 2. Nesbyvshiesya nadezhdy... 1923 g.* [Russian Military Émigrés in the 1920s – 1940s: Documents and Materials. Vol. 2. The Unfulfilled Hopes... Year 1923]. Moscow, 2001. 483 p.

15. *Russkaya voennaya emigratsiya 20–40-kh godov XX veka: Dokumenty i materialy. T. 3. Vozvrashchenie... 1921–1924 gg.* [Russian Military Émigrés in the 1920s – 1940s: Documents and Materials. Vol. 3. The Return... 1921–1924]. Moscow, 2002. 555 p.

16. Semenov K.K. “Moeu nenavisti k bol'shevikam ya ne izmenyu”: Aleksey fon Lampe kak zerkalo voennoy emigratsii [“I Will Not Change My Hate to the Bolsheviks”: Alexey von Lampe as Mirror of White Russian Military Emigration]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija*, 2016, no. 1, pp. 76–91.

Информация об авторе

В.П. Пашин – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Курского государственного университета (адрес: 305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 29).

Information about the author

Vasiliy P. Pashin, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Prof. at the Department of Theory and History of State and Law, Kursk State University (address: ul. Radishcheva 29, Kursk, 305000, Russia).

Поступила в редакцию 11.03.2024

Одобрена после рецензирования 11.06.2024

Принята к публикации 13.06.2024

Submitted 11 March 2024

Approved after reviewing 11 June 2024

Accepted for publication 13 June 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 4. С. 52–63.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 4, pp. 52–63.

Научная статья

УДК 81.27

DOI: 10.37482/2687-1505-V361

Классификация субстандартной лексики англоязычного и русскоязычного семантического поля «Medicine»/«Медицина» в сравнительно-сопоставительном аспекте

Ирина Аркадьевна Гроховская

Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева, Астрахань, Россия,
e-mail: irinagroh83@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5216-0992>

Аннотация. В современном лингвокультурном пространстве тематическая область «Медицина» занимает ведущие позиции. В последнее время появляется значительное количество исследований, посвященных рассмотрению одноименного семантического поля в различных аспектах. Несмотря на повышенный интерес, пласт субстандартных лексических единиц, относящихся к предметной области «Medicine»/«Медицина», остается недостаточно изученным. В настоящей статье представлена классификация субстандартных лексических единиц семантического поля «Medicine»/«Медицина» в английском и русском языках. Данная классификация является авторской, т. к. составлена по результатам распределения субстандартных лексических единиц по лексико-семантическим группам на первом уровне и семантическим подгруппам – на втором. Следует отметить, что тематическая принадлежность субстандартных лексических единиц определена на основе стандартизированных номенклатурных групп медицинской терминосистемы и соответствует предметной области «Medicine»/«Медицина». Сбор материала осуществлялся методом сплошной выборки лексических единиц из наиболее авторитетных англоязычных и русскоязычных словарей субстандартной лексики. Отобранные субстандартные лексические единицы были ранжированы согласно базовым семантическим характеристикам, заложенным в основу номинации той или иной субстандартной лексической единицы. Посредством лексико-семантического анализа подобный подход позволяет выделить лексико-семантические группы, семантика которых соотносится с тематической областью «Medicine»/«Медицина». Таким образом, было актуализировано 12 лексико-семантических групп в английском языке и 11 лексико-семантических групп в русском. Впоследствии внутри данных групп были определены семантические подгруппы, основу которых составляют дополнительные семантические характеристики. По результатам исследования проведен анализ количественного (числового) и качественного (наличие/отсутствие семантических характеристик) состава субстандартных лексических единиц англоязычного и русскоязычного семантического поля «Medicine»/«Медицина», выявлены их сходства и различия.

Ключевые слова: субстандартная лексика, субстандартная лексическая единица, лексико-семантическая группа, семантическое поле «Medicine»/«Медицина», лексико-семантический анализ

Для цитирования: Гроховская, И. А. Классификация субстандартной лексики англоязычного и русскоязычного семантического поля «Medicine»/«Медицина» в сравнительно-сопоставительном аспекте / И. А. Гроховская // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 4. – С. 52-63. – DOI 10.37482/2687-1505-V361.

Original article

Classification of Substandard Vocabulary of the English- and Russian-Language Semantic Field of Medicine in a Comparative Aspect

Irina A. Grokhovskaya

V.N. Tatishchev Astrakhan State University, Astrakhan, Russia,

e-mail: irinagroh83@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5216-0992>

Abstract. The semantic field of medicine occupies a leading position in the modern linguocultural space. A significant number of studies considering this topic in various aspects have been done recently. Despite the increased interest in this issue, the layer of substandard lexical units relating to the semantic field of medicine remains insufficiently explored. This article presents the author's classification of substandard lexical units of the semantic field of medicine in English and Russian. The classification was developed according to the results of the distribution of substandard lexical units by lexico-semantic groups at the first level and semantic subgroups at the second level. To determine whether the substandard lexical units belong to the subject area "Medicine", the author turned to the standardized nomenclature groups of the medical terminological system. The material was obtained using continuous sampling of lexical units from the most authoritative English-language and Russian-language dictionaries of substandard vocabulary. The selected lexical units were ranked according to the basic semantic characteristics underlying the naming of a particular substandard lexical unit. With the help of the lexico-semantic analysis, this approach allows us to identify lexico-semantic groups whose meanings fit into the semantic field of medicine. As a result, 12 English and 11 Russian lexico-semantic groups were updated. Then, within these lexico-semantic groups, semantic subgroups were determined, whose basis is additional semantic characteristics. Using the results obtained, a quantitative (numerical) and qualitative (presence/absence of semantic characteristics) composition of substandard lexical units within the English- and Russian-language semantic field of medicine was analysed, their similarities and differences were identified.

Keywords: *substandard vocabulary, substandard lexical unit, lexico-semantic group, semantic field of medicine, lexico-semantic analysis*

For citation: Grokhovskaya I.A. Classification of Substandard Vocabulary of the English- and Russian-Language Semantic Field of Medicine in a Comparative Aspect. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 4, pp. 52–63. DOI: 10.37482/2687-1505-V361

Специфическая эпидемиологическая ситуация последних лет, затронувшая все мировое сообщество, способствовала появлению так называемой ковидной лексики, которая знакома и понятна каждому жителю планеты независимо от гендерных, возрастных, социальных, профессиональных и иных характеристик. Справедливо утверждать, что любое значимое для общества событие находит отражение в языковой системе, прежде всего в рамках неформальной коммуникации, а также коммуникации на уровне нелитературного языкового слоя.

Исследователи лексики сниженного регистра, в частности М.А. Грачев, А.Д. Швейцер, отмечают, что словопроизводство в субстандарте гораздо шире, чем в литературном языке [1, 2]. Существует большое количество работ, изучающих не тематическую принадлежность субстандартных лексических единиц (СЛЕ), а разнообразные общие характеристики данного лексического пласта (Л.Р. Сакаева, С.С. Тихтарова, М.А. Каюмова, О.А. Зяблова [3–5] и др.). Однако необходимо подчеркнуть, что словообразовательные характеристики СЛЕ также нашли свое отражение в широком спектре публикаций таких авторов, как С.И. Маджаева, Т.А. Кудинова, Е.А. Федина, Е.П. Матвеева [6–9] и др. В связи с происходящими в мире геополитическими событиями, а также с ковидными ограничениями в последнее время появляется большое количество научных работ, посвященных изучению лексического пласта экспрессивных эквивалентов нейтральных медицинских терминов, образованных с намеренным нарушением социально-ситуативной нормы для создания определенного эмоционального эффекта. Например, британский исследователь Дж. Дирк отмечает, что для номинации очень сильной боли врачи используют выражение *chandelier sign*, означающее, что пациенты готовы буквально «залезть на люстру» от нестерпимой боли [10]. Данный пример является показательным для отражения тенденции современного общества не говорить прямо о феномене смерти, тяжелых болезнях, неприятных и неловких ситуа-

циях (М.А. Грачев, А.Д. Швейцер, Д.С. Лихачев, А.Т. Липатов [1, 2, 11, 12]).

Классификация медицинской лексики, и в частности медицинской терминологии, представлена в отечественной и зарубежной научной среде с позиции прежде всего морфолого-синтаксической структуры и способа словообразования. Однако для настоящего исследования наиболее актуальна классификация медицинской лексики субстандартного языкового пласта с точки зрения ее тематической принадлежности. Классификации подобного рода не находят широкого отражения в научных трудах отечественных и зарубежных ученых, при этом их работы затрагивают стандартную языковую часть либо специфических отраслей медицины (К. Эдвардс, Д.К. Кондратьев, Е.Д. Макаренко, О.М. Новикова), либо определенных регионов (В.А. МакКьюсик, Е.Е. Котцова).

С целью визуализации обозначенных выше подходов к классификации лексики семантического поля «Medicine»/«Медицина» проведем обзор ряда классификаций, предложенных российскими и зарубежными исследователями.

Е.Е. Котцова, характеризуя речь медицинских работников Архангельской области «в номинативно-деривационном и тематическом аспекте» [13, с. 114], в рамках профессиональной коммуникации медицинских работников выделяет термины (официальные названия явлений в медицинской сфере знания) и профессионализмы (полуофициальные названия соответствующих явлений, экспрессивные синонимы терминов). Вслед за Е.Н. Сердобинцевой автор рассматривает профессиональную лексику медицинской сферы как совокупность номинативных профессионализмов (видовая номинация термина) и экспрессивных профессионализмов (неофициальные синонимы терминов) [14, с. 398–399]. Следует отметить, что в объем профессиональной лексики медицинской сферы помимо стандартных лексических единиц входят лексемы переходной зоны и СЛЕ.

В.А. МакКьюсик, проводя исследование клинико-генетических терминов на материале стандартных и субстандартных лексических единиц,

подчеркивает, что терминологию медицинской направленности необходимо классифицировать с учетом территориальных, гендерных, возрастных и социальных характеристик. Вследствие этого автор приходит к выводу о том, что существуют определенные различия в терминологиях медицинской отрасли в зависимости от указанных факторов [15].

Н.Н. Маслова, рассматривая терминологический элемент стандартной языковой системы как основу классификации медицинских терминов, приводит описание таких медицинских отраслей, как кардиология и пульмонология, и терминосистем, присущих данным направлениям исследований. Автор отмечает, что структурные характеристики термина являются базовыми при построении любой терминосистемы, в частности в области пульмонологии и кардиологии. Она обращает внимание на тот факт, что морфема выступает основным элементом лексических единиц любой медицинской терминосистемы, а приведенная ею классификация строится исключительно на структурном подходе и характеризует только языковые элементы, входящие в состав исследуемых терминов медицинской направленности [16, с. 193].

Е.Д. Макаренко характеризует хирургический терминологический корпус русского языка с точки зрения парадигматических связей, присущих данному лексическому пласту, и классифицирует отобранные терминологические единицы стандартного языкового пласта с позиции наличия синонимов, антонимов и нескольких значений [17, с. 127].

Д.К. Кондратьев обращает внимание на значительное количество терминов (в состав которых входят имена собственные) стандартного языкового пласта в разноструктурных языках. В своей работе он приводит классификацию исследуемой терминосистемы, построенной на принципе использования эпонимов как номинаций лиц определенной территориальной зоны (Архангельской области) [18, с. 129].

Приведенные выше классификации дают понять, что стандартные и субстандартные лексические единицы изучались в отечественной и зарубежной лингвистической науке исходя из следующих характеристик: структура, синонимичность/антонимичность, полисемичность, географическая локация, гендер, социальная среда и возраст пациентов.

Анализ научных работ данной направленности показал, что СЛЕ семантического поля «Medicine»/«Медицина» рассматривались в соответствии с различными характеристиками. Однако классификаций по семантическому принципу выявлено не было. В настоящей статье использовался именно семантический принцип отбора материала, что подразумевает, что отнесение СЛЕ семантического поля «Medicine»/«Медицина» к определенной семантической группе производилось согласно одной из базовых характеристик стандартной лексической единицы, являющейся номинантом субстандартной. В качестве примера приведем СЛЕ *чердак*. На уровне толковых словарей литературного русского языка лексическая единица *чердак* интерпретируется как *крытое пространство, помещение между потолком и кровлей дома*¹. Исходя из представленного определения, основной семантической характеристикой обозначенной СЛЕ выступает указание на место расположения (верхняя часть). Если рассматривать слово-номинант (*голова*), то данная характеристика является одной из базовых. В современных лингвистических исследованиях отсутствует классификация субстандартных референтов стандартных лексических единиц, входящих в семантическое поле «Medicine»/«Медицина», с позиции их отнесения к различным лексико-семантическим группам и семантическим подгруппам. Потому видится необходимым расширить и дополнить предложенные классификации с учетом объекта нашего исследования. Классификация, представленная в настоящей статье,

¹Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингвист. исслед.; сост., гл. ред. канд. филол. наук С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.

является авторской и построена на семантическом принципе в соответствии с тематической принадлежностью СЛЕ семантического поля «Medicine»/«Медицина».

Исследование СЛЕ семантического поля «Medicine»/«Медицина» проводилось поэтапно и включало определенные уровни анализа. Методом сплошной выборки из субстандартных англоязычных² и русскоязычных³ лексикографических источников было отобрано 2596 англоязычных и 1518 русскоязычных СЛЕ, семантика которых позволяет отнести их к субстандартному семантическому полю «Medicine»/«Медицина». Субстандартный лексикографический фонд русского языка, содержащий лексемы семантического поля «Медицина», включает гораздо меньше лексических единиц, чем соответствующий материал англоязычного языкового пласта (37 % русскоязычных и 63 % англоязычных СЛЕ от общего количества отобранных СЛЕ). Данный феномен объясняется рядом причин. Во-первых, исследование субстандарта как части языковой системы в отечественной лингвистической науке началось позднее, чем в западной традиции. Во-вторых, российские ученые, занимающиеся проблематикой медицинской субстандартной лексики, являются преимущественно филологами, в то время как английский субстандарт пополняется и изучается помимо филологов практикующими докторами, которые в силу профессии постоянно взаимодействуют с объектом исследования. Материалы,

представленные в отечественной медицинской научной среде, лишены филологической составляющей.

С помощью метода лексико-семантического анализа СЛЕ семантического поля «Medicine»/«Медицина» были выявлены ключевые характеристики, составляющие основу номинации отобранных лексических единиц на уровне стандартного и субстандартного слоев английского и русского языков. Метод табличного отображения полученных данных позволил наглядно представить результаты работы.

В рамках настоящей статьи целесообразно определить границы семантического поля «Medicine»/«Медицина» для более точного ограничения материала исследования. Так, семантическое поле «Medicine»/«Медицина» является собой совокупность слов и выражений, образующих тематический ряд и покрывающих область значений медицинской сферы. Семантическое поле «Medicine»/«Медицина» – довольно обширное понятие, оно находит отражение как на стандартном, так и на субстандартном языковых уровнях. В работе под СЛЕ семантического поля «Medicine»/«Медицина» понимаются субстандартные референты стандартных медицинских терминов. Рассматриваемые лексические единицы являются лишь частью семантического поля «Medicine»/«Медицина», представленного на уровне стандарта. Согласно цели и задачам настоящей работы, видится целесообразным исключить из поля зрения пейоративы и вульгаризмы, т. к., по мнению ряда

---

²Partridge E. Slang To-Day and Yesterday. London: Routledge and Kegan Paul LTD, 1954. 496 p. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.58766> (дата обращения: 11.07.2023); Hotten J.C. A Dictionary of Modern Slang, Cant and Vulgar Words. London, 1860. 324 p. URL: <https://publicdomainreview.org/collection/dictionary-of-modern-slang/> (дата обращения: 15.07.2023); Spears R.A. Dictionary of American Slang. М.: Рус. яз., 1991. 528 с.; The Online Slang Dictionary. URL: <http://onlineslangdictionary.com/> (дата обращения: 10.07.2023); Thorne T. Dictionary of Contemporary Slang. London: A&C Black, 2007. 513 p.; Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 16.07.2023).

³Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона / под общ. рук. Р.И. Розиной. М.: Азбуковник, 1999. 320 с.; Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000. 716 с.; Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 762 с.; Юганов И.Ф., Юганова Ф.С. Словарь русского сленга: сленговые слова 60–90-х годов. М., 1997. 301 с.; Грачев М.А. Словарь тысячелетнего русского арго. М.: Рипол-Классик, 2003. 1119 с.

исследователей субстандартного лексического фонда (М.А. Грачева, А.Т. Липатова, М.Г. Чепорухиной [1, 12, 19] и др.), данные категории выводятся из состава сленга и жаргона, поскольку представляют собой отдельную подгруппу обценной (табуированной) лексики.

При составлении классификации субстандартных номинаций терминов семантического поля «Medicine»/«Медицина» за основу принимаются закрепленные в научной картине мира принципы деления стандартизированной медицинской терминосистемы на номенклатурные группы. Вслед за М.Н. Чернявским обозначим три базовые группы, представленные в отечественной и зарубежной медицинских номенклатурах: анатомо-гистологическая, клиническая, химико-фармацевтическая⁴. В рамках анатомо-гистологической группы зафиксированы термины, обозначающие названия органов, частей тела, структуру тканей. В состав клинической номенклатурной группы входят термины, номинирующие болезни, признаки заболеваний, методы лабораторных исследований и лечения заболеваний, а также соответствующих специалистов. К химико-фармацевтической терминосистеме относятся названия лекарственных препаратов и растений, химических элементов и рецептурная лексика.

Приняв во внимание вышеобозначенные номенклатурные группы стандартизированной медицинской терминосистемы и проанализировав многочисленные лексикографические источники субстандартной лексики на предмет фиксации в них субстандартных номинаций соответствующих стандартных терминов, представим классификацию СЛЕ, входящих в границы семантического поля «Medicine»/«Медицина».

В таблице (см. с. 58–59) отражены лексико-семантические группы, составляющие основу классификации, а также англоязычные и русскоязычные примеры СЛЕ, входящих в состав той или иной лексико-семантической группы.

Согласно анализу приведенных данных, следует констатировать, что количественный состав СЛЕ, отобранных из словарей субстандартной лексики, неоднороден. В ходе исследования фактического материала отмечено, что на этимологическую наполняемость СЛЕ англоязычного семантического поля «Medicine» непосредственное влияние оказывает социальная группа (пациент – пациент), в дискурсе которой данные СЛЕ были зафиксированы. Так, самыми многочисленными группами, составляющими более половины всего объема отобранного англоязычного лексикографического материала, являются *Human organs* (678 СЛЕ, или 26 % от общего числа отобранных англоязычных СЛЕ), *Patient condition and diseases* (660 СЛЕ, или 25 % от общего числа) и *Body parts* (412 СЛЕ, или 15 % от общего числа), в составе которых наибольшее количество лексем так или иначе связано с темой употребления алкоголя и наркотических средств, состояний, которые они вызывают, а также с номинациями определенных частей тела и органов человека.

Более половины отобранных русскоязычных СЛЕ принадлежит лексико-семантическим группам *Части тела* (392 СЛЕ, или 26 % от общего числа отобранных русскоязычных СЛЕ) и *Органы человека* (331 СЛЕ, или 22 % от общего числа). Соответствующие исторические реалии, обозначенные выше, обусловили стилистически сниженную окраску большинства анализируемых лексических единиц и преобладание тех или иных лексико-семантических групп и подгрупп в границах субстандартного семантического поля «Медицина».

Отметим, что наибольшее количество лексических единиц в рамках лексико-семантических групп *Human organs*/Органы человека как в английском, так и в русском языке принадлежит подгруппам *Genitals*/Половые органы (488 СЛЕ в английском языке и 281 СЛЕ в русском языке, или 72 и 65 % соответственно от общего числа лексем указанных лексико-се-

⁴Энциклопедический словарь медицинских терминов / под ред. М.Н. Чернявского. М.: Сов. энцикл., 1982–1984. С. 16.

Лексико-семантические группы СЛЕ семантического поля «Medicine»/«Медицина»

Lexico-semantic groups of substandard lexical units of the semantic field of medicine

Лексико-семантическая группа (англоязычная/русскоязычная)	Англоязычные СЛЕ	Русскоязычные СЛЕ
Patient condition and diseases / Состояние пациента и заболевания	<i>baby-bound</i> («беременная женщина»), <i>alcotanker</i> («алкоголик»), <i>amped</i> («наркоман»), <i>dementoid</i> («пациент с психическим расстройством»), <i>blue devils</i> («депрессия»), <i>red barren</i> («менструация»), <i>ladies' fever</i> («венерическое заболевание») и др.	<i>брюхатая</i> (беременная женщина), <i>лягушка</i> (беременная женщина), <i>овоц</i> (парализованный больной), <i>хитл</i> (парализованный больной), <i>валежник</i> (парализованный больной), <i>бацилла</i> (больной туберкулезом), <i>гвоздика</i> (менструация), <i>отруб</i> (потеря сознания), <i>чесотка</i> (зуд), <i>ляжуха</i> (понос), <i>полвторого</i> (импотенция) и др.
Physiological processes / Физиологические процессы	<i>belch</i> («выделение газов»), <i>call for Hughie</i> («мочеиспускание»), <i>drain the lizard</i> («мочеиспускание»), <i>ca-ca</i> («дефекация»), <i>fart</i> («выделение газов»), <i>crap</i> («дефекация»), <i>piss-proud</i> («эрекция») и др.	<i>гарнир</i> (дефекация), <i>глина</i> (дефекация), <i>стояк</i> (эрекция), <i>блевота</i> (рвота), <i>бомбежка</i> (дефекация), <i>выворот</i> (рвота) и др.
Body parts / Части тела	<i>bod</i> («тело»), <i>carcass</i> («тело»), <i>apple cart</i> («тело»), <i>soul-case</i> («тело»), <i>capsule</i> («тело»), <i>headbone</i> («голова»), <i>fod</i> («лоб»), <i>nub</i> («шея»), <i>blinkers</i> («глаза»), <i>beak</i> («нос»), <i>trunk</i> («нос»), <i>attic</i> («голова»), <i>think-box</i> («голова») и др.	<i>фактура</i> (тело), <i>кентель</i> (голова), <i>чердак</i> (голова), <i>башня</i> (голова), <i>хава</i> (нос), <i>душа</i> (грудная клетка), <i>брылья</i> (щеки), <i>жало</i> (лицо), <i>ряха</i> (лицо), <i>форсунка</i> (нос) и др.
Human organs / Органы человека	<i>dinner-basket</i> («желудок»), <i>cast</i> («желудок»), <i>rud</i> («язык»), <i>tape</i> («язык»), <i>engine</i> («сердце»), <i>swallow</i> («горло»), <i>gully</i> («горло»), <i>voice box</i> («гортань») и др.	<i>лопата</i> (язык), <i>болтало</i> (язык), <i>хляболо</i> (сердце), <i>движок</i> (сердце), <i>дыхалка</i> (легкие), <i>извилины</i> (головной мозг), <i>орех</i> (головной мозг), <i>гнилухи</i> (головной мозг) и др.
Medicines / Лекарственные средства	<i>amps</i> , <i>coke</i> , <i>dope</i> , <i>dank</i> , <i>deal</i> – наркотические средства, <i>bicarb</i> («рвотное средство»), <i>zandy bars</i> («снотворное»), <i>happy pills</i> , <i>eve</i> , <i>x</i> , <i>adam</i> – психотропные средства, <i>T and C</i> («обезболивающее») и др.	<i>колеса</i> (таблетки), <i>аптека</i> (таблетка), <i>беленькая</i> (таблетка), <i>желтая</i> (обезболивающее), <i>кашлевая</i> (таблетка от кашля), <i>герасим</i> (наркотическое средство), <i>герой</i> (наркотическое средство), <i>дима</i> (снотворное), <i>дыня</i> (снотворное), <i>желудь</i> (лекарство от боли в желудке), <i>антабус</i> (препараты для лечения алкогольной зависимости) и др.

Окончание таблицы

Лексико-семантическая группа (англоязычная/русскоязычная)	Англоязычные СЛЕ	Русскоязычные СЛЕ
Types of medical care and medical actions / Виды медицинской помощи и медицинского вмешательства	<i>nose job</i> («пластическая операция»), <i>drip</i> («внутривенная инфузия»), <i>face-update</i> («пластическая операция»), <i>pick a lock</i> («аборт»), <i>bang</i> («инъекция»), <i>dope</i> («анестезия») и др.	<i>пластика</i> (пластическая операция), <i>ангрейд</i> (пластическая операция), <i>чистка</i> (аборт), <i>физио</i> (физиопроцедуры), <i>откачка</i> (меры по реанимации больного без сознания), <i>ток</i> (электростимуляция сердца) и др.
Types of pain / Виды боли	<i>big head</i> («головная боль»), <i>bellyache</i> («боль в животе»), <i>head</i> («головная боль»), <i>Collywobbles</i> («боль в животе») и др.	Не зафиксированы в словарях субстандартной лексики
Medical institutions / Медицинские заведения	<i>mixum</i> («аптека»), <i>bone factory</i> («больница»), <i>funny farm</i> («психиатрическая лечебница»), <i>nuttery</i> («психиатрическая лечебница»), <i>butcher house</i> («хирургическое отделение»), <i>bug hutch</i> («психиатрическая лечебница»), <i>nut factory</i> («психиатрическая лечебница») и др.	<i>склиф</i> (НИИСП имени Н.В. Склифосовского), <i>убойный отдел</i> (хирургия), <i>чистильная</i> (отделение для проведения абортов), <i>хронология</i> (наркологический диспансер), <i>наркушка</i> (наркологический диспансер), <i>химчистка</i> (кожно-венерологический диспансер), <i>жмурница</i> (морг), <i>калечка</i> (аптека) и др.
Medical designs and related equipment / Медицинские конструкции и сопутствующий инвентарь	<i>harpoon</i> («шприц»), <i>duck</i> («подкладное судно»), <i>railroad tracks</i> («брекеты»), <i>blade</i> («скальпель»), <i>saps</i> («костыли»), <i>clippers</i> («костыли»), <i>chase doll</i> («манекен для обучения студентов») и др.	<i>ходули</i> (костыли), <i>ухо</i> (фонендоскоп), <i>заноза</i> (шприц), <i>дурмашина</i> (шприц), <i>гармоника</i> (шприц), <i>аппарат</i> (шприц), <i>железки</i> (брекеты) и др.
Professions and medical support staff Профессии и вспомогательный медицинский персонал	<i>medico</i> («доктор»), <i>zit doctor</i> («дерматолог»), <i>med</i> («студент медицинского заведения»), <i>brain</i> («студент медицинского заведения»), <i>couch-doctor</i> («психотерапевт»), <i>pill-pusher</i> («терапевт»), <i>sawbones</i> («хирург»), <i>fat doctor</i> («эндокринолог»), <i>gunie</i> («гинеколог»), <i>butcher</i> («хирург») и др.	<i>ушник</i> (отоларинголог), <i>узистка</i> (врач ультразвуковой диагностики), <i>халат</i> (доктор), <i>санлегила</i> (доктор), <i>врачица</i> (доктор женского пола), <i>всадница</i> (медсестра), <i>сестричка</i> (медсестра), <i>коновал</i> (доктор), <i>мясник</i> (хирург) и др.
Medical transport / Медицинский транспорт	<i>meat wagon</i> , <i>blues and twos</i> («автомобиль скорой помощи»)	<i>буханка</i> , <i>труповозка</i> , <i>СП</i> , <i>бебик</i> , <i>санитарка</i> , <i>неотлога</i> (автомобиль скорой помощи)
Other / Иное	<i>claret</i> («кровь»), <i>tunnel</i> («вена»)	<i>влага</i> (кровь), <i>ботва</i> (волосы), <i>шкура</i> (кожа)

мантических групп). В составе лексико-семантических групп *Body parts/Части тела* значительное число лексем описывает женскую грудь (67 и 110 СЛЕ в английском и русском языках соответственно, т. е. 16 и 28 % от общего числа лексем рассматриваемых лексико-семантических групп) и ягоды (81 и 109 СЛЕ в английском и русском языках соответственно, или 19,5 и 28 % от общего числа лексем).

В границах лексико-семантических групп *Patient condition and diseases/Состояние пациента и заболевания* наиболее обширные подгруппы как в английском, так и в русском языке описывают состояние алкогольного и наркотического опьянения. Так, семантические подгруппы *Alcohol dependence and alcohol intoxication/Алкогольная зависимость и состояние алкогольной интоксикации* представлены в рамках рассматриваемой лексико-семантической группы 145 СЛЕ в английском языке и 116 СЛЕ в русском языке, что составляет 22 и 41,8 % соответственно от общего числа лексем названных лексико-семантических групп.

Неравнозначное количество лексем зафиксировано в англоязычных и русскоязычных лексико-семантических группах *Medicines/Лекарственные средства* (326 СЛЕ в английском языке и 125 СЛЕ в русском языке, или 12,8 и 8 % соответственно от общего числа отобранных лексических единиц) и *Physiological processes/Физиологические процессы* (209 англоязычных и 111 русскоязычных СЛЕ, составляющих 8 и 7,5 % соответственно от общего объема). При этом группы *Medicines/Лекарственные средства* наполнены преимущественно субстандартными номинациями наркотических средств и лекарственных препаратов, применяющихся при лечении алкогольной и наркотической интоксикации. В составе лексико-семантических групп *Physiological processes/Физиологические процессы*, в свою очередь, преобладают лексем, номинирующие происходящие в организме процессы, вызванные приемом алкоголя и наркотических средств.

Наиболее малочисленными в английской субстандартной лексикографии являются лексико-семантические группы *Medical transport* (2 СЛЕ) и *Other* (2 СЛЕ), имеющие по 0,1 % в общем количестве отобранных лексических единиц. В рамках русскоязычного семантического поля «Медицина» наиболее малочисленной оказалась группа *Медицинский транспорт* (16 СЛЕ), отношение которой к общему числу анализируемых субстандартных лексических единиц составляет 1 %. Это свидетельствует о том, что СЛЕ наиболее малочисленных лексико-семантических групп не являются значимыми для носителей английского и русского языков. Необходимо отметить, что анализ материалов, используемых при составлении авторской классификации, проводился по данным ограниченного числа лексикографических источников. Выбор был обусловлен количеством обращений пользователей к перечисленным лексикографическим источникам согласно информации о поисковых запросах в сети Интернет. Стоит подчеркнуть, что при изменении параметров и характеристик поисковых запросов и расширении списка лексикографических источников результаты исследования могут незначительно отличаться от описанных выше при сохранении общей тенденции.

Итак, в настоящей работе представлена авторская классификация СЛЕ семантического поля «Medicine»/«Медицина» по семантическим группам, построенная в соответствии с их значением (лингвистическая семантика) с точки зрения тематической принадлежности СЛЕ.

СЛЕ, относящиеся к семантическому полю «Medicine»/«Медицина», входят в состав 12 лексико-семантических групп в английском языке и 11 лексико-семантических групп в русском языке. Данный факт является свидетельством широкой распространенности и актуальности анализируемых лексических единиц в исследуемом языковом поле. На уровне англоязычного субстандарта представлены следующие лексико-семантические группы: *Medical institutions, Professions and medical support staff, Medical transport, Types of medical care and medical*

actions, Medical designs and related equipment, Patient condition and diseases, Medicines, Physiological processes, Types of pain, Body parts, Human organs, Other. На уровне субстандартного слоя русского языка актуализированы такие лексико-семантические группы, как: *Медицинские заведения, Профессии и вспомогательный медицинский персонал, Медицинский транспорт, Виды медицинской помощи и медицинского вмешательства, Медицинские конструкции и сопутствующий инвентарь,*

Состояние пациента и заболевания, Лекарственные средства, Физиологические процессы, Части тела, Органы человека, Иное.

В ходе исследования в русскоязычном субстандартном лексикографическом фонде не обнаружено лексем, принадлежащих к лексико-семантической группе *Виды боли*, зафиксированной в субстандартном фонде английского языка.

Настоящая работа является одним из примеров анализа СЛЕ семантического поля «Medicine»/«Медицина».

Список литературы

1. Грачев М.А. Русское арго: моногр. Н. Новгород: Нижегород. гос. лингвист. ун-т, 1997. 246 с.
2. Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США. М.: Наука, 1983. 216 с.
3. Сакаева Л.Р., Тахтарова С.С., Базарова Л.В., Яхин М.А. Логико-понятийная классификация терминологии сферы «медицина» в английском, русском и турецком языках // Казан. лингвист. журн. 2022. Т. 5, № 3. С. 360–368. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.360-368>
4. Каутова М.А. Theoretical Aspects of Medical Terminology in Language // Int. Res. J. 2022. Vol. 8. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.122.47>
5. Зяблова О.А. Особенности формирования термина как результата когнитивной деятельности специалистов // Russ. Linguist. Bull. 2023. № 4(40). Ст. № 36. <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.24>
6. Маджаева С.И., Кислякова Е.Ю. Языковая картина мира в коммуникативном пространстве здоровых и больных // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 1. С. 80–89. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V157>
7. Кудинова Т.А. Стандарт и субстандарт в языке: к обоснованию понятий // Науч. мысль Кавказа. 2010. № 3(63). С. 136–140.
8. Федина Е.А. К проблеме синонимии в медицинской терминологии // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. 2017. Вып. 6(183). С. 85–90. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2017-6-85-90>
9. Матвеева Е.П. Основные лексико-семантические группы медицинских терминов // Бюл. мед. Интернет-конф. 2013. Т. 3, № 11. С. 1247. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-leksiko-semanticheskie-gruppy-meditsinskih-terminov> (дата обращения: 28.07.2023).
10. Dirckx J.H. Urines Are Cooking: Perspectives on Medical Slang and Jargon // e-PERSPECTIVES. 2004. P. 16–19.
11. Лихачев Д.С. Арготические слова профессиональной речи // Развитие грамматики и лексики современного русского языка / под ред. И.П. Мучника, М.В. Панова. М.: Наука, 1964. С. 311–359.
12. Липатов А.Т. Сленг как проблема социолектики: моногр. М.: Элпис, 2010. 318 с.
13. Котцова Е.Е. Профессиональная лексика медицинских работников г. Архангельска в номинативно-тематическом аспекте // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6-2. С. 114–117.
14. Сердобинцева Е.Н. Профессионализмы в системе специальной лексики и системе национального языка // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 396–401.
15. McKusick V.A. Mendelian Inheritance in Man: Catalogues of Autosomal Dominant, Autosomal Recessive, and X-linked Phenotypes. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1992. Vol. 1. 363 p.
16. Маслова Н.Н. Терминоэлемент как основа классификации медицинских терминов // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. Вып. 2, ч. II. С. 193–195.
17. Макаренко Е.Д. Вербальные механизмы русской хирургической терминологии // Культур. жизнь Юга России. 2008. № 4(29). С. 127–128.

18. Кондратьев Д.К. Современная медицинская эпонимическая терминология // Журн. Гродн. гос. мед. ун-та. 2008. № 3(23). С. 129–131.

19. Чепорухина М.Г. К разграничению терминов «дисфемизм», «сленг», «вульгаризм» и «инвектива» // Вестн. Самар. ун-та. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25, № 4. С. 116–126. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-116-126>

References

1. Grachev M.A. *Russkoe argo* [Russian Argot]. Nizhny Novgorod, 1997. 246 p.
2. Shveytser A.D. *Sotsial'naya differentsiatsiya angliyskogo yazyka v SShA* [Social Differentiation of the English Language in the USA]. Moscow, 1983. 216 p.
3. Sakaeva L.R., Takhtarova S.S., Bazarova L.V., Yahin M.A. Logical and Conceptual Classification of English, Russian and Turkish Medical Terminology. *Kazan Linguist. J.*, 2022, vol. 5, no. 3, pp. 360–368 (in Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.360-368>
4. Kayumova M.A. Theoretical Aspects of Medical Terminology in Language. *Int. Res. J.*, 2022, no. 8. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.122.47>
5. Zyablova O.A. Osobennosti formirovaniya termina kak rezul'tata kognitivnoy deyatel'nosti spetsialistov [Features of the Formation of the Term as a Result of Cognitive Activity of Specialists]. *Russ. Linguist. Bull.*, 2023, no. 4. Art. no. 36. <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.24>
6. Madzhaeva S.I., Kislyakova E.Yu. Linguistic Worldview in the Communicative Space of the Healthy and the Sick. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 1, pp. 80–89. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V157>
7. Kudinova T.A. Standart i substandart v yazyke: k obosnovaniyu ponyatiy [Standard and Substandard in the Language: on Substantiation of Notions]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 2010, no. 3, pp. 136–140.
8. Fedina E.A. K probleme sinonimii v meditsinskoy terminologii [To the Problem of Synonymy (Based on Medical Terms)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2017, no. 6, pp. 85–90. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2017-6-85-90>
9. Matveeva E.P. Osnovnye leksiko-semanticheskie gruppy meditsinskikh terminov [Main Lexical-Semantic Groups of Medical Terms]. *Byulleten' meditsinskikh Internet-konferentsiy*, 2013, vol. 3, no. 11, p. 1247. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-leksiko-semanticheskie-gruppy-meditsinskikh-terminov> (accessed: 28 July 2023).
10. Dirckx J.H. Urines Are Cooking: Perspectives on Medical Slang and Jargon. *e-PERSPECTIVES*, 2004, pp. 16–19.
11. Likhachev D.S. Argoticheskie slova professional'noy rechi [Professional Argot]. Muchnik I.P., Panov M.V. (eds.). *Razvitie grammatiki i leksiki sovremennogo russkogo yazyka* [Development of Grammar and Vocabulary of the Modern Russian Language]. Moscow, 1964, pp. 311–359.
12. Lipatov A.T. *Sleng kak problema sotsiolektiki* [Slang as a Problem of Sociolectics]. Moscow, 2010. 318 p.
13. Kottsova E.E. Professional'naya leksika meditsinskikh rabotnikov g. Arkhangel'ska v nominativno-tematicheskoy aspekto [Professional Vocabulary of Arkhangelsk Medical Workers in Nominative Thematic Aspect]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2013, no. 6-2, pp. 114–117.
14. Serdobintseva E.N. Professional Vocabulary in the System of Special Vocabulary and in the National Language System. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo*, 2012, no. 27, pp. 396–401 (in Russ.).
15. McKusick V.A. *Mendelian Inheritance in Man: Catalogues of Autosomal Dominant, Autosomal Recessive, and X-linked Phenotypes*. Baltimore, 1992. Vol. 1.
16. Maslova N.N. Terminoelement kak osnova klassifikatsii meditsinskikh terminov [Term-Element as an Instrument for the Classification of Medical Terms]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9: Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*, 2007, no. 2, pt. 2, pp. 193–195.
17. Makarenko E.D. Verbal'nye mekhanizmy russkoy khirurgicheskoy terminologii [Verbal Mechanisms of Russian Surgical Terminology]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, 2008, no. 4, pp. 127–128.
18. Kondrat'ev D.K. Sovremennaya meditsinskaya eponimicheskaya terminologiya [Modern Medical Eponymous Terminology]. *Zhurnal Grodnenskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta*, 2008, no. 3, pp. 129–131.

19. Cheporukhina M.G. K razgranicheniyu terminov “disfemizm”, “sleng”, “vul’garizm” i “invectiva” [On the Distinction Between the Terms “Dysphemism”, “Slang”, “Vulgarism” and “Invective”]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*, 2019, vol. 25, no. 4, pp. 116–126. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-116-126>

Информация об авторе

И.А. Гроховская – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и профессиональных коммуникаций Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева (адрес: 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20а).

Information about the author

Irina A. Grokhovskaya, Cand Sci. (Philol.), Assoc. Prof. at the Department of English Language and Professional Communication, V.N. Tatishchev Astrakhan State University (address: ul. Tatishcheva 20a, Astrakhan, 414056, Russia).

Поступила в редакцию 04.08.2023

Одобрена после рецензирования 03.05.2024

Принята к публикации 06.05.2024

Submitted 4 August 2023

Approved after reviewing 3 May 2024

Accepted for publication 6 May 2024

Дутова Н.В.

Становление социально-семиотического подхода к анализу мультимодального дискурса...

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 4. С. 64–73.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 4, pp. 64–73.

Обзорная статья

УДК 81'22+811.1/.8

DOI: 10.37482/2687-1505-V362

Становление социально-семиотического подхода к анализу мультимодального дискурса: обзор зарубежного опыта

Наталья Валерьевна Дутова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия,

e-mail: dutova_natalya@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-4809-6865>

Аннотация. В статье представлен краткий обзор зарубежного становления социально-семиотического подхода к анализу мультимодального дискурса. С помощью методов диахронического анализа, междисциплинарного синтеза, абстрагирования и аналогии рассматривается формирование и развитие комплексных социально-коммуникативных технологий изучения коммуникации в совокупности с социально сконструированными культурными ресурсами. Основное внимание направлено на становление мультимодальных исследований в социальной семиотике. Характеризуется идея метафункциональности в отношении языка и социальной жизни человека М. Хэллдея, положившая начало изучению совместного функционирования семиотических ресурсов в различных дискурсах для достижения коммуникативных целей. Описана теория Р. Ходжа и Г. Кресса, закрепившая семиотический статус за всем, что связано с человеком и человеческой деятельностью. Кроме того, представлены контекстуальный подход к изучению мультимодальности Г. Кресса и Т. ван Левена и визуальная грамматика М. О'Тула как универсальные технологии исследования семиотических ресурсов. Обозначены особенности контекстуального и грамматического подходов в рамках системно-функционального мультимодального дискурсивного анализа. Особое место отведено мультимодальному интерактивному анализу Р. Сколлона, С. Вонг Сколлон и С. Норрис. Подчеркнута значимость концепции Р. Сколлона о дискурсе как динамичной социальной практике и языке как инструменте совершения действий. Изложена попытка установления С. Норрис универсальной единицы мультимодального анализа в качестве наименьшей единицы прагматического анализа в коммуникации с участием любой модальности. Рассмотрена визуальная транскрипция как эффективный метод анализа коммуникации, опосредованной современными цифровыми технологиями.

Ключевые слова: мультимодальность, мультимодальный дискурс, социальная семиотика, социально-семиотический подход, мультимодальный интерактивный анализ

Для цитирования: Дутова, Н. В. Становление социально-семиотического подхода к анализу мультимодального дискурса: обзор зарубежного опыта / Н. В. Дутова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 4. – С. 64-73. – DOI 10.37482/2687-1505-V362.

Review article

The Formation of the Socio-Semiotic Approach to Multimodal Discourse Analysis: Foreign Experience Review

Natalya V. Dutova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia,

e-mail: dutova_natalya@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-4809-6865>

Abstract. The article provides a brief overview of the origination of the foreign socio-semiotic approach to multimodal discourse analysis. Using the methods of diachronic analysis, interdisciplinary synthesis, abstraction and analogy, the author describes the formation and development of complex socio-communicative research technologies in combination with socially constructed cultural resources. Primary attention is paid to the development of multimodal research in social semiotics. The article characterizes M. Halliday's idea of metafunctionality in relation to language and human social life, which paved the way for the study of the joint functioning of semiotic resources in various discourses to achieve communicative goals. The theory of R. Hodge and G. Kress, which accorded a semiotic status to everything related to humans and their activity, is described. In addition, G. Kress and T. van Leeuwen's contextual approach to investigating multimodality and M. O'Toole's visual grammar are presented as universal technologies for the study of semiotic resources. Some features of contextual and grammatical approaches within the framework of systemic functional multimodal discourse analysis are outlined. Particular emphasis is given to the description of R. Scollon's, S. Wong Scollon's and S. Norris' multimodal interactive analysis. The importance of R. Scollon's idea about discourse as a dynamic social practice and language as a tool for performing actions is highlighted. S. Norris' attempt to establish a universal unit of multimodal analysis as the smallest unit of pragmatic analysis in communication involving any modality is presented. Visual transcription is described as an effective method of analysing communication mediated by modern digital technologies.

Keywords: *multimodality, multimodal discourse, social semiotics, socio-semiotic approach, multimodal interactive analysis*

For citation: Dutova N.V. The Formation of the Socio-Semiotic Approach to Multimodal Discourse Analysis: Foreign Experience Review. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 4, pp. 64–73. DOI: 10.37482/2687-1505-V362

Интерес к изучению мультимодального дискурса резко возрос за последние два десятилетия в силу того, что представители различных гуманитарных и социальных научных направлений отметили значимость совокупных смыслов, выражаемых разными семиотическими ресурсами, включающими интонационные и вокальные характеристики речи, телесные ресурсы (жесты), мимику, живо-

пись, письмо, архитектуру, запись изображений и звука, интерактивные вычислительные ресурсы.

В ситуации тотальной медиализации в цифровом формате, которую можно наблюдать во всех видах социального взаимодействия, особое значение приобретает социально-семиотический подход к анализу мультимодального дискурса, исследующий взаимоотношения зна-

ковых систем в различных сферах социальной практики и коммуникации в междисциплинарной перспективе.

Цель настоящей работы заключается в представлении краткого обзора становления зарубежного социально-семиотического подхода к анализу мультимодального дискурса в диахронической перспективе.

Несмотря на повышенный интерес лингвистов к мультимодальному анализу дискурса [1–4], наблюдается вольность в отношении терминологии. Ссылаясь на Т. ван Левена, О.К. Ирисханова указывает, что в социо-семиотических исследованиях модальность «приближена к логическому пониманию и означает способ кодирования информации в знаке и использования семиотических ресурсов для выражения достоверности или истинности своего представления о мире» [4, с. 18].

В научном обороте К. О'Хэллоран отмечает наличие двух терминов (мультимодальные, мультисемиотические) для обозначения понятия ресурсов (видео, веб-сайты, повседневные события, письменные тексты), участвующих в создании смыслов. Различия наблюдаются и в наименовании самих ресурсов: ресурсы, модусы, модальности. Мультимодальный дискурс-анализ часто называют мультимодальным анализом, мультимодальной семиотикой [5, с. 253]. М. Хэллидей предлагает использовать термин «семиотический ресурс» для описания языка, изображения, жеста и прочих феноменов, которые интегрируются в различные сенсорные модальности (визуальные, аудиальные, тактильные, кинестетические, обонятельные, вкусовые) в мультимодальных текстах, дискурсах и событиях. Совокупность сенсорных модальностей обозначается мультимодальными явлениями [6, с. 123].

Социально-семиотический подход к анализу мультимодального дискурса получил свое начало в исследовании М. Хэллидея (1978), послужившем базой для моделирования смыслового потенциала слов, звуков, изображений как интегрированных структур и систем, спо-

собствующих расширению предметного охвата и выходу за пределы изучения только вербального языка [6].

В основе предложенного подхода лежит принцип метафункциональности. М. Хэллидей выделил три метафункции языка и всей осмысленной жизни человека: мыслительную (репрезентация мира), межличностную (участие и действие) и текстовую (производство контекстуально обусловленных сообщений). Фундаментом метафункционального подхода служат аналитические типы коммуникативных ситуаций и их отличия друг от друга. Дифференциация ситуаций происходит по трем критериям: что происходит, кто принимает участие, какую роль играет язык. Совокупность трех принципов определяет регистр (область значений и средств выражения, детерминированных ситуацией). Каждый тип коммуникативной ситуации задается тремя параметрами: поле (*field*) – предметная область общения, включающая тематику и социальную деятельность коммуникантов; тональность (*tenor*) – отношения между коммуникантами и степень их формализованности (старшинство, иерархия, степень знакомства и т. д.); модус (*mode*) – канал общения. Данные измерения коррелируют с тремя метафункциями. Такая дифференциация дает возможность интегрировать речевую практику в социальную сферу [6, с. 145].

Следовательно, благодаря признанию взаимозависимости структур языка и структур общества, которые постулировал М. Хэллидей, сегодня представляется возможным считать социальные структуры содержательными и осмысленными, а лингвистические структуры – социально эффективными. Принцип метафункциональности, лежащий в основе этого подхода, играет роль своеобразной платформы для анализа использования семиотических ресурсов и того, каким образом данные ресурсы взаимодействуют в дискурсах для достижения коммуникативных целей.

Идеи М. Хэллидея о междисциплинарных связях продолжили Р. Ходж и Г. Кресс в работах, посвященных критическому анализу дискур-

са в рамках социальной семиотики [7]. Именно они сделали попытку связать лингвистику и политологию, психологию и социологию, системные и когнитивные исследования. Основной целью ученые ставили унификацию методологических принципов. Они развили идею о том, что помимо языка все, что связано с человеком и человеческой деятельностью, является семиотическим. Р. Ходж и Г. Кресс предложили рассматривать социальные взаимодействия во всем их многообразии в качестве семиотических ресурсов. Объединение различных ресурсов социальной коммуникации, на наш взгляд, – существенный вклад в становление и развитие мультимодального подхода.

Дальнейшее развитие идеи М. Хэллидея получили в трудах Г. Кресса и Т. ван Левена в виде разработки контекстуального подхода, направленного на изучение образа и визуального дизайна через анализ текста [8]. Отличительная особенность подхода – иной взгляд на понятие знака, что, по нашему мнению, является важным теоретическим вкладом в развитие социальной семиотики. Ученые объясняют отношения между означаемым и означающим мотивированным и конвенциональным характером, когда знак не выступает заранее предопределенной комбинацией формы и значения в готовом к использованию виде любым человеком в любых контекстах. На первое место выдвигается процесс создания знаков, в котором означающее (*forms*) и означаемое (*meanings*) относительно независимы друг от друга до тех пор, пока человек не интегрирует их в единое целое в виде семиотического знака. Отсюда следует, что мотивация связана с актом создания знака, а не обусловлена внутренними отношениями означаемого и означающего. Создавая знак с помощью любого доступного семиотического модуса (рисунок, живопись, речь), человек стремится сформировать представление об объекте или явлении на основе личного интереса и социального опыта. Вместе с тем знак репрезентирует не объект целиком, а ту его часть, которая связана с наиболее значимым в момент создания знака социальным опытом и личным интересом человека [8, с. 9].

М. О’Тул является основоположником грамматического подхода, предполагающего анализ семиотических ресурсов, сопровождающийся подробной аннотацией в форме описания. Цель его исследования состоит в адаптации устоявшейся теоретической базы и дальнейшего описательного обобщения, которое ведет к изменению теории. Грамматический подход к семиотическому анализу искусства позволяет рассматривать скульптуру и архитектуру в качестве «текстов», обнаруживать закономерности и распространять установленные принципы на изучение других семиотических ресурсов и дискурсов, что можно считать несомненной методологической ценностью. М. О’Тул соотносит основные функции коммуникации с функциями семиотического кода искусства, подчеркивая их взаимную релевантность и возможность их использования для привлечения и удержания внимания, передачи информации о реальной действительности, преобразования полученной информации в связный текст. Благодаря тесной взаимосвязи функций создается богатый диалог композиционной структуры произведения с репрезентируемой информацией и тем, как сообщение передается получателю [9, с. 23].

Необходимо отметить, что описываемые подходы объединяет мысль о том, что язык не выступает исключительным способом создания смыслов. Исследователи показали, что искусство является средством коммуникации и может брать на себя задачи, связанные с языком, иногда вытесняя язык. Контекстуальный и грамматический подходы стирают границы между визуальными и языковыми способами репрезентации, подчеркивая природную способность человека к мультимодальному смыслообразованию. Кроме того, большое значение для развития социальной семиотики, на наш взгляд, имеют изыскания аналитиков о социальных и культурных дискурсивных практиках, участвующих в создании знаков.

Распространение грамматического подхода в математике [10], гипермедиа [11] и ряде других мультимодальных текстов [12, 13] способствова-

ло формированию системно-функционального подхода к анализу мультимодального дискурса.

В основе подхода лежат три принципа. Во-первых, низкоуровневые элементы текста (изображение, звук) связаны с семантикой более высокого порядка через лексикограмматические системы, социальные контексты и культуру. Во-вторых, семиотические ресурсы выполняют три функции (мыслительную, межличностную, текстовую) в процессе смыслообразования. В-третьих, создание моделей имитирует фактический выбор системных вариантов в тексте. При этом промежуточные варианты есть паттерны выбора в различных текстах (повседневный разговор, дебаты, научная статья) [11, 12, 14, 15].

Таким образом, системно-функциональный подход подразумевает способность человека интерпретировать текст с учетом контекста, в котором он был создан. Причем контекст определяется тремя параметрами коммуникативной ситуации, по М. Хэллидею: полем, направленностью и способом дискурса. Целостность текста достигается интеграцией указанных параметров в процесс реализации информационной функции [6].

Описанный подход зарекомендовал себя как надежный инструмент анализа математических и научных изображений, искусства и выступает основой для других видов визуального анализа, несмотря на ограничения иерархических категориальных систем языка. Так, по словам М. Хэллидея, лексические единицы языка функционируют на иерархическом уровне, грамматические – связывают слова со значением семантически. Уровень выражения включает единицы графологии, типографики и фонологии [6]. Однако, как отмечают исследователи [10, 14, 16], большинство семиотических ресурсов проявляет фундаментальные отличия от языка. Например, изображения отличаются тем, что отдельные единицы воспринимаются как части целого, организованного согласно общим законам. Аналитические подходы к лингвистическим моделям анализа материала были поставлены под сомнение, поскольку, как говорит Дж. Хупс, интерпретируя идеи Ч. Пирса, язык –

это система знаков, обладающая символизмом, но не связанная с тем, что репрезентируется. В то же время изображения имеют иконические свойства на базе сходства с тем, что они обозначают [17, с. 87].

Тем не менее преимуществом системно-функционального подхода считается теоретизация отличных от традиционной лингвистики способов описания функционирования визуальных, языковых и интерактивных семиотических ресурсов для конструирования реальности [5].

Помимо системно-функционального подхода широкое распространение получил мультимодальный интерактивный анализ как полезный инструмент для изучения мультимодальных отношений в прагматике социального взаимодействия. Авторами этого подхода выступают С. Норрис, Р. Сколлон и С. Вонг Сколлон [3, 18].

Подход базируется на теории опосредованного действия Дж. Вертча. Понятие опосредованного действия выделяется в качестве центрального для обозначения единственной, наиболее подходящей единицы анализа. Основанием для выбора данной единицы послужили ее свойства: дискретность, обусловленность действием, способность сохранять социокультурную, историческую и институциональную специфику с максимальной точностью. Дж. Вертч предлагал признать все действия опосредованными и социальными по своей сути, поскольку социокультурные, исторические и институциональные аспекты всегда присутствуют во всех формах опосредованного действия [19].

Р. Сколлон распространил предложенную Дж. Вертчем теорию опосредованного действия на социолингвистические изыскания и опосредованный анализ дискурса [18]. Он закрепил идею о том, что дискурс нужно рассматривать как социальное действие, опосредованное социокультурными, историческими и институциональными факторами. Кроме того, Р. Сколлон доказал, что язык, жесты, высота тона, жанры, технические инструменты и различные предметы выступают физическими и символическими

объектами культуры и истории, а также инструментами, с помощью которых люди совершают действия [18, 20, 21]. Однако признание применимости опосредованного действия в качестве единицы анализа невербальных форм коммуникации в трудах Р. Сколлона вызывает сомнение по причине многочисленных затруднений на практике.

С. Норрис удалось разрешить указанные затруднения с помощью дифференциации опосредованных действий низкого и высокого уровней, где наименьшей единицей прагматического значения выступают опосредованные действия низкого уровня [3]. Данное положение помогает разграничить материальную и структурную организацию разных семиотических ресурсов и установить единицу анализа. Главная проблема мультимодальных аналитических подходов заключается в определении универсальной единицы анализа. На первый взгляд, такой единицей может являться высказывание. Однако Дж. Джинен справедливо замечает, что ряд характеристик высказывания отсутствует в других коммуникативных ресурсах. Например, материальные и структурные свойства жеста значительно отличаются от одноименных характеристик языка, поэтому трудно определить высказывание в жесте. Тем не менее в настоящее время достаточно успешно аргументировано и эмпирически доказано, что наименьшей прагматически значимой единицей жеста выступает полный жест в фазе пика (*stroke*) [22]. Признание действия низкого уровня в качестве наименьшей прагматически значимой единицы анализа предполагает учет различий материальных и структурных свойств ресурсов, а также допустимость их временной simultанности при сохранении единой унифицированной единицы анализа. Такая единица аналитически оптимальна для всех коммуникативных ресурсов и не вызывает двусмысленности и затруднений в последовательном анализе благодаря теоретическому признанию всех действий опосредованными [23, с. 3]. Неоспоримые преимущества данной единицы – легкая адаптируемость и простота эмпирического анализа, например

посредством визуальной транскрипции, разработанной С. Норрис.

Визуальная транскрипция – это метод анализа, основанный на последовательном исследовании опосредованных действий низкого уровня каждого отдельно взятого модуля, сопровождающийся последующим изучением всех модулей в совокупности. При этом модуль определяется как система опосредованных действий [24, с. 156], которая усваивается в процессе социального взаимодействия людей не как отдельных личностей, но как социальных субъектов [25, с. 201]. С. Норрис выделяет 9 модулей: взаимодействие людей с предметами и окружающей обстановкой (*layout*), проксемику (*proxemics*), позы (*posture*), жесты (*gesture*), взгляд (*gaze*), движения головой (*head movement*), действия с предметами (*object handling*), выражение лица (*facial expression*), речь (*spoken language*). Протоколы визуальной транскрипции представляют собой серию скриншотов видеоклипов с отметками о времени и условными обозначениями для демонстрации невербальных и вербальных действий и просодических характеристик. Отдельные протоколы по каждому модулю подвергаются анализу и объединяются в общий, отображающий процесс совершения опосредованного действия высокого уровня путем цепочек опосредованных действий низкого уровня различных модулей. В совокупности все модули образуют единую систему коммуникации, приближенную к реальным условиям. Опосредованное действие низкого уровня как единица анализа обеспечивает надежную воспроизводимость результатов анализа [25].

Метод визуальной транскрипции успешно используется для исследования различных форм социального взаимодействия, опосредованных широким спектром цифровых медиаплатформ и сложных технологических инструментов [26–29].

Ученые приходят к выводу, что вербальный модуль не всегда играет главную коммуникативную роль. Более того, он может отставать в своей реализации от невербальных модулей [26, с. 23–48]. Тем не менее данному модулю отво-

дится важное место, т. к. благодаря вербальным средствам социальные взаимодействия обретают мультимодальную форму [20, с. 151–171], а поток визуальных событий преобразуется в понятную последовательность действий, обеспечивая привлекательность цифрового контента и доступность его просмотра [28, с. 131–151]. Кроме того, эмпирически было доказано, что целостность виртуального социального взаимодействия достигается за счет согласованности движения камеры с вербальными комментариями участников видеочата. Взаимопонимание и общая точка зрения формируются в процессе демонстрации и совместной вербальной оценки различных предметов, где наведение камеры выступает мощным интерактивным ресурсом для управления вниманием, чего невозможно достичь в процессе взаимодействия лицом к лицу [29, с. 151–171]. Таким образом, цифровая коммуникация способствует тому, что пользователи постоянно визуальнo создают себя и свой опыт и раскрывают смыслы визуальных представлений опыта других людей. При этом наиболее важным коммуникативным ресурсом является не то, что видно (*visible*), а воплощенный опыт человека видеть (*embodied experiences of seeing*) то, что демонстрируется [27, с. 19–45].

Следовательно, можно заключить, что социально-семиотический подход к анализу мультимодального дискурса – активно развивающееся направление, находящееся на стадии своего становления. На начальном этапе развития подхода язык как система знаковых единиц получил статус социального явления. Далее унификация методологических принципов позволила распространить идею о семиотическом

с языка на человеческую деятельность и объявить социальные взаимодействия семиотическими ресурсами, после чего язык утратил свою исключительность в вопросах создания смыслов, разделив данную функцию с визуальными и позднее – с другими семиотическими ресурсами. Создание знаков стало рассматриваться как результат социальных и культурных дискурсивных практик. Стирание границ между языковой и визуальной репрезентацией смыслов подчеркнуло мультимодальный характер человеческой коммуникации, что способствовало расширению подхода и развитию теорий и методов описания вербальных, невербальных и интерактивных ресурсов. Благодаря системно-функциональному анализу появилась возможность описывать семиотические ресурсы отличными от традиционной лингвистики способами. Мультимодальный интерактивный анализ утвердил дискурс как социальное действие, опосредованное социокультурными, историческими и институциональными факторами. Универсальная единица анализа (действие низкого уровня) была разработана в рамках визуальной транскрипции, зарекомендовавшей себя эффективным методом анализа различных форм социального взаимодействия, опосредованных цифровыми технологиями.

В целом можно сделать вывод о том, что социально-семиотический подход – перспективное, прогрессирующее исследовательское направление, которое дает новые возможности и бросает современные вызовы, направленные на создание комплексных социально-коммуникативных технологий изучения мультимодальной коммуникации в совокупности с социально сконструированными культурными ресурсами.

Список литературы

1. Kress G., Bezemer J. Multimodal Discourse Analysis // The Routledge Handbook of Discourse Analysis / ed. by M. Handford, J.P. Gee. London: Routledge, 2023. P. 139–155. <https://doi.org/10.4324/9781003035244-12>
2. O'Halloran K.L., Tan S. Discourse Analysis and Semiotics // Bloomsbury Semiotics. Vol. 4. Semiotic Movements / ed. by J. Pelkey, P. Cogley. London: Bloomsbury Acad., 2023. P. 231–252. <https://doi.org/10.5040/9781350139435.ch-11>

3. Norris S. *Multimodal Theory and Methodology: For the Analysis of (Inter)action and Identity*. London: Routledge, 2020. 120 p.
4. Полимодальные измерения дискурса / сост. М.И. Киосе; отв. ред. О.К. Иришханова. 2-е изд. М.: Изд. дом ЯСК, 2022. 448 с.
5. O'Halloran K.L. *Multimodal Discourse Analysis // The Bloomsbury Handbook of Discourse Analysis / ed. by K. Hyland, B. Paltridge, L.L.C. Wong*. London: Bloomsbury Publ., 2021. P. 249–267.
6. Halliday M.A.K. *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*. London: Edward Arnold, 1978. 256 p.
7. Hodge R., Kress G. *Social Semiotics*. Cambridge: Polity Press, 1988. 285 p.
8. Kress G., van Leeuwen T. *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. Abingdon: Routledge, 2021. 288 p.
9. O'Toole M. *The Language of Displayed Art*. Rutherford: Fairleigh Dickinson Univ. Press, 1994. 295 p.
10. O'Halloran K.L., Beezer R.A., Farmer D.W. A New Generation of Mathematics Textbook Research and Development // *ZDM Math. Educ.* 2018. Vol. 50. P. 863–879. <https://doi.org/10.1007/s11858-018-0959-8>
11. Djonov E., Tseng C.-I. Harnessing the Potential of Transmedia Narratives for Critical Multimodal Literacy // *Crit. Discourse Stud.* 2021. Vol. 18, № 3. P. 349–367. <https://doi.org/10.1080/17405904.2020.1804954>
12. Caple H., Huan C., Bednarek M. *Multimodal News Analysis Across Cultures*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2020. <https://doi.org/10.1017/9781108886048>
13. Unsworth L. High School Science Infographics: Multimodal Meaning Complexes in Composite Image-Language Ensembles // *Pensam. Educ.* 2021. Vol. 58, № 2. <https://doi.org/10.7764/PEL.58.2.2021.9>
14. Lemke J.L. *Multiplying Meaning: Visual and Verbal Semiotics in Scientific Text / ed. by J.R. Martin, R. Veel // Reading Science: Critical and Functional Perspectives on Discourses of Science*. London: Routledge, 1998. P. 87–113.
15. Jewitt C. Multimodality and Literacy in School Classrooms // *Rev. Res. Educ.* 2008. Vol. 32, № 1. P. 241–267. <https://doi.org/10.3102/0091732x07310586>
16. Wang Y. On Visual Semantic Algebra (VSA): A Denotational Mathematical Structure for Modeling and Manipulating Visual Objects and Patterns. *IJSSCI*, 2009, vol. 1, no. 4, pp. 1–16. <https://doi.org/10.4018/jssci.200906>
17. Peirce C.S. *Peirce on Signs: Writings on Semiotic by Charles Sanders Peirce*. Chapel Hill: UNC Press Books, 1991. 294 p.
18. Scollon R., Wong Scollon S. *Discourses in Place: Language in the Material World*. London: Routledge, 2003. 258 p.
19. Wertsch J.V. *Voices of the Mind: Sociocultural Approach to Mediated Action*. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1991. 182 p.
20. Scollon R. *Mediated Discourse: The Nexus of Practice*. London: Routledge, 2001. 182 p.
21. Wong Scollon S., de Saint-Georges I. *Mediated Discourse Analysis // The Routledge Handbook of Discourse Analysis / ed. by M. Handford, J.P. Gee*. London: Routledge, 2011. URL: https://www.researchgate.net/publication/307575422_Mediated_Discourse_Analysis (дата обращения: 14.04.2024).
22. McNeill D. *Hand and Mind: What Gestures Reveal About Thought*. Chicago: Univ. Chicago Press, 1992. 416 p.
23. Geenen J. Introduction: Multimodal (Inter)action Analysis // *Multimodal Commun.* 2023. Vol. 12, № 1. P. 1–6. <https://doi.org/10.1515/mc-2023-0010>
24. Norris S. What Is a Mode? Smell, Olfactory Perception, and the Notion of Mode in Multimodal Mediated Theory // *Multimodal Commun.* 2013. Vol. 2, № 2. P. 155–170. <https://doi.org/10.1515/mc-2013-0008>
25. Norris S. *Systematically Working with Multimodal Data: Research Methods in Multimodal Discourse Analysis*. Hoboken: John Wiley & Sons, 2019. 301 p.
26. Geenen J., Matelau-Doherty T., Norris S. Visual Transcription. A Method to Analyze the Visual and Visualize the Audible in Interaction // *Rev. fr. méthodes visuelles*. 2021. Vol. 5. P. 1–55.
27. Jones R.H. Towards an Embodied Visual Semiotics: Negotiating the Right to Look // *Visualizing Digital Discourse: Interactional, Institutional and Ideological Perspectives / ed. by C. Thurlow, C. Dürscheid, F. Diémoz*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2020. P. 19–45.
28. Schmidt A., Marx K. Making Let's Plays Watchable: An Interactional Approach to Gaming Visualizations // *Visualizing Digital Discourse: Interactional, Institutional and Ideological Perspectives / ed. by C. Thurlow, C. Dürscheid, F. Diémoz*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2020. P. 131–151.

29. Cserző D. Intimacy at a Distance: Multimodal Meaning Making in Video Chat Tours // *Visualizing Digital Discourse: Interactional, Institutional and Ideological Perspectives* / ed. by C. Thurlow, C. Dürscheid, F. Diémoz. Berlin: De Gruyter Mouton, 2020. P. 151–171.

References

1. Kress G., Bezemer J. Multimodal Discourse Analysis. Handford M., Gee J.P. (eds.). *The Routledge Handbook of Discourse Analysis*. London, 2023, pp. 139–155. <https://doi.org/10.4324/9781003035244-12>
2. O'Halloran K.L., Tan S. Discourse Analysis and Semiotics. Pelkey J., Cobley P. (eds.). *Bloomsbury Semiotics. Vol. 4: Semiotic Movements*. London, 2023, pp. 231–252. <https://doi.org/10.5040/9781350139435.ch-11>
3. Norris S. *Multimodal Theory and Methodology: For the Analysis of (Inter)action and Identity*. London, 2020. 120 p.
4. Kiose M.I. (comp.). *Polimodal'nye izmereniya diskursa* [Multimodal Dimensions of Discourse]. Moscow, 2022. 448 p.
5. O'Halloran K.L. Multimodal Discourse Analysis. Hyland K., Paltridge B., Wong L.L.C. (eds.). *The Bloomsbury Handbook of Discourse Analysis*. London, 2021, pp. 249–267.
6. Halliday M.A.K. *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*. London, 1978. 256 p.
7. Hodge R., Kress G. *Social Semiotics*. Cambridge, 1988. 285 p.
8. Kress G., van Leeuwen T. *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. Abingdon, 2021. 288 p.
9. O'Toole M. *The Language of Displayed Art*. Rutherford, 1994. 295 p.
10. O'Halloran K.L., Beezer R.A., Farmer D.W. A New Generation of Mathematics Textbook Research and Development. *ZDM Math. Educ.*, 2018, vol. 50, pp. 863–879. <https://doi.org/10.1007/s11858-018-0959-8>
11. Djonov E., Tseng C.-I. Harnessing the Potential of Transmedia Narratives for Critical Multimodal Literacy. *Crit. Discourse Stud.*, 2021, vol. 18, no. 3, pp. 349–367. <https://doi.org/10.1080/17405904.2020.1804954>
12. Caple H., Huan C., Bednarek M. *Multimodal News Analysis Across Cultures*. Cambridge, 2020. <https://doi.org/10.1017/9781108886048>
13. Unsworth L. High School Science Infographics: Multimodal Meaning Complexes in Composite Image-Language Ensembles. *Pensam. Educ.*, 2021, vol. 58, no. 2. <https://doi.org/10.7764/PEL.58.2.2021.9>
14. Lemke J.L. Multiplying Meaning: Visual and Verbal Semiotics in Scientific Text. Martin J.R., Veel R. (eds.). *Reading Science: Critical and Functional Perspectives on Discourses of Science*. London, 1998, pp. 87–113.
15. Jewitt C. Multimodality and Literacy in School Classrooms. *Rev. Res. Educ.*, 2008, vol. 32, no. 1, pp. 241–267. <https://doi.org/10.3102/0091732x07310586>
16. Wang Y. On Visual Semantic Algebra (VSA): A Denotational Mathematical Structure for Modeling and Manipulating Visual Objects and Patterns. *IJSSCI*, 2009, vol. 1, no. 4, pp. 1–16. <https://doi.org/10.4018/jssci.2009062501>
17. Peirce C.S. *Peirce on Signs: Writings on Semiotic by Charles Sanders Peirce*. Chapel Hill, 1991. 294 p.
18. Scollon R., Wong Scollon S. *Discourses in Place: Language in the Material World*. London, 2003. 258 p.
19. Wertsch J.V. *Voices of the Mind: Sociocultural Approach to Mediated Action*. Cambridge, 1991. 182 p.
20. Scollon R. *Mediated Discourse: The Nexus of Practice*. London, 2001. 182 p.
21. Wong Scollon S., de Saint-Georges I. Mediated Discourse Analysis. Handford M., Gee J.P. (eds.). *The Routledge Handbook of Discourse Analysis*. London, 2011. Available at: https://www.researchgate.net/publication/307575422_Mediated_Discourse_Analysis (accessed: 14 April 2024).
22. McNeill D. *Hand and Mind: What Gestures Reveal About Thought*. Chicago, 1992. 416 p.
23. Geenen J. Introduction: Multimodal (Inter)action Analysis. *Multimodal Commun.*, 2023, vol. 12, no. 1, pp. 1–6. <https://doi.org/10.1515/mc-2023-0010>
24. Norris S. What Is a Mode? Smell, Olfactory Perception, and the Notion of Mode in Multimodal Mediated Theory. *Multimodal Commun.*, 2013, vol. 2, no. 2, pp. 155–170. <https://doi.org/10.1515/mc-2013-0008>
25. Norris S. *Systematically Working with Multimodal Data: Research Methods in Multimodal Discourse Analysis*. Hoboken, 2019. 301 p.
26. Geenen J., Matelau-Doherty T., Norris S. Visual Transcription. A Method to Analyze the Visual and Visualize the Audible in Interaction. *Rev. fr. méthodes visuelles*, 2021, vol. 5, pp. 1–55.

27. Jones R.H. Towards an Embodied Visual Semiotics: Negotiating the Right to Look. Thurlow C., Dürscheid C., Diémoz F. (eds.). *Visualizing Digital Discourse: Interactional, Institutional and Ideological Perspectives*. Berlin, 2020, pp. 19–45.

28. Schmidt A., Marx K. Making Let's Plays Watchable: An Interactional Approach to Gaming Visualizations. Thurlow C., Dürscheid C., Diémoz F. (eds.). *Visualizing Digital Discourse: Interactional, Institutional and Ideological Perspectives*. Berlin, 2020, pp. 131–151.

29. Cserző D. Intimacy at a Distance: Multimodal Meaning Making in Video Chat Tours. Thurlow C., Dürscheid C., Diémoz F. (eds.). *Visualizing Digital Discourse: Interactional, Institutional and Ideological Perspectives*. Berlin, 2020, pp. 151–171.

Информация об авторе

Н.В. Дутова – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка Новосибирского государственного педагогического университета (адрес: 630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, д. 28).

Information about the author

Natalya V. Dutova, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the English Language Department, Novosibirsk State Pedagogical University (address: ul. Vilyuyskaya 28, Novosibirsk, 630126, Russia).

Поступила в редакцию 19.01.2024

Одобрена после рецензирования 10.06.2024

Принята к публикации 13.06.2024

Submitted 19 January 2024

Approved after reviewing 10 June 2024

Accepted for publication 13 June 2024

Еремина С.Г., Балаганов Д.В.

Свойства идиомы с точки зрения психо- и нейролингвистики

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 4. С. 74–87.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 4, pp. 74–87.

Обзорная статья

УДК 81'23

DOI: 10.37482/2687-1505-V363

Свойства идиомы с точки зрения психо- и нейролингвистики

Светлана Глебовна Еремина¹

Дмитрий Владимирович Балаганов²

^{1,2}Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия

¹e-mail: Mersa_gavases@bk.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-2826-516X>

²e-mail: dmitryrus@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6021-0323>

Аннотация. Статья посвящена анализу свойств идиомы в рамках психолингвистической парадигмы и нейролингвистических экспериментов. Целью является описание и систематизация основных характеристик идиомы, существенных для процессов обработки данного типа выражений в головном мозге, в частности восприятия, интерпретации и продукции. В работе рассматриваются параметры фразеологических единиц, выделяемые как отечественными, так и зарубежными исследователями. Также затрагиваются проблемы терминологии, зачастую значительно различающейся в русскоязычных и англоязычных трудах. В силу того что в отечественной научной литературе данной области языкознания уделяется меньше внимания, вслед за западными учеными в статье употребляется термин «идиома», под которым понимается тип фразеологических единиц с полностью или частично переосмысленным значением. В результате исследования были установлены следующие свойства идиомы: узнаваемость, частотность, устойчивость употребления, структурная устойчивость, семантическая неделимость, прозрачность, буквальность, предсказуемость, выделенность. Было выявлено, что каждое из свойств может быть выражено в разной степени, из чего очевиден вывод о том, что класс идиом крайне неоднороден. Помимо прочего, вышеперечисленные характеристики непосредственно влияют на процессы обработки идиом в головном мозге, от чего зависит скорость распознавания и точность их интерпретации. Более того, согласно последним данным, полученным с помощью нейролингвистических методов, степень выраженности того или иного свойства влияет на активацию различных зон головного мозга, а также выступает ключевым фактором для межполушарной асимметрии при обработке фразеологических единиц. Дальнейшей перспективой данного исследования является применение знаний о процессах, происходящих в головном мозге при восприятии, понимании и употреблении идиом, для повышения эффективности обучения иностранным языкам и переводческой деятельности.

Ключевые слова: фразеология, фразеологическая единица, идиома, свойства идиомы, психолингвистика, нейролингвистика

Для цитирования: Еремина, С. Г. Свойства идиомы с точки зрения психо- и нейролингвистики / С. Г. Еремина, Д. В. Балаганов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 4. – С. 74-87. – DOI 10.37482/2687-1505-V363.

Review article

Idiom Characteristics: A Psycho- and Neurolinguistic Perspective

Svetlana G. Eremina¹

Dmitry V. Balaganov²

^{1,2}Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹e-mail: Mersa_gavases@bk.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-2826-516X>

²e-mail: dmitryrus@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6021-0323>

Abstract. This article analyses idiom characteristics within the framework of the psycholinguistic paradigm and neurolinguistic experiments. The purpose was to describe and systematize the main properties of idioms relevant for the processing of such expressions by the brain, in particular perception, comprehension and production. Features suggested by both Russian and foreign researchers are considered. In addition, the problematic issue of terminology is addressed, as the terms often differ significantly between Russian- and English-language works. Due to the fact that Russian psycholinguists have paid less attention to phraseology, in this article the term *idiom* is used in accordance with the Western linguistic tradition, where it stands for a type of a phraseological unit whose meaning cannot be derived from the conjoined meanings of its elements. The results of the present study allow us to distinguish the following idiom characteristics: familiarity, frequency, conventionality, syntactic frozenness, decomposability, transparency, literal plausibility, predictability, and salience. Additionally, the research findings suggest that each of the abovementioned features may vary considerably among expressions, which drives us to the conclusion that idioms as a class are extremely heterogeneous. Furthermore, these characteristics directly influence idiom processing in the brain, which determines the time course of comprehension and accuracy of interpretation. According to the latest data obtained using neurolinguistic research methods, the degree of each feature's manifestation in a given expression determines which brain region is activated and serves as the key factor contributing to hemispheric differences in idiom processing. The obtained knowledge about the processes occurring in the brain during perception, comprehension and use of idioms can be applied to improve the efficiency of teaching foreign languages and translation.

Keywords: *phraseology, phraseological unit, idiom, idiom properties, psycholinguistics, neurolinguistics*

For citation: Eremina S.G., Balaganov D.V. Idiom Characteristics: A Psycho- and Neurolinguistic Perspective. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 4, pp. 74–87. DOI: 10.37482/2687-1505- V363

Идиомы считаются ядром фразеологии и являются наиболее яркими, экспрессивными, образными единицами. В настоящей статье под идиомой¹ вслед за выдающимся ученым, признанным специалистом по фразеологии английского языка А.В. Куниным понимается «устойчивое сочетание лексем с полностью или частично переосмысленным значением»

---

¹Следует отметить, что в зарубежной практике принято применять термин «идиома» ко всем типам устойчивых оборотов, в то время как в классификациях отечественных исследователей идиома является одним из видов фразеологических единиц.

[1, с. 8]. Данные выражения варьируются по ряду показателей, что может отражаться на процессах восприятия, интерпретации и употребления.

Целью настоящей статьи является анализ свойств идиомы с точки зрения их значимости для процессов обработки в головном мозге. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: 1) выделить и описать основные характеристики фразеологических оборотов, предложенные зарубежными и отечественными исследователями; 2) рассмотреть, как эти параметры влияют на восприятие, интерпретацию и употребление идиом представителями того или иного языкового сообщества.

Идиомы – неоднородный класс фразеологических единиц. Как правило, они вызывают трудности при переводе и изучении языка как иностранного. При лучшем понимании процессов обработки таких выражений в головном мозге возможно создать стратегии для каждого из вышеперечисленных видов деятельности, что позволит повысить эффективность перевода и преподавания иностранного языка. В этом и заключается актуальность данной статьи. Что касается новизны исследования, то она обнаруживается в систематизации выделяемых как отечественными, так и зарубежными учеными свойств, в первую очередь в рамках психо- и нейролингвистических парадигм, а также в попытке привести разнообразие терминологического аппарата к некому единству.

Несмотря на большой вклад, внесенный в развитие фразеологии отечественными учеными (В.В. Виноградов, Е.Д. Поливанов, А.В. Кунин, Н.Н. Амосова, Н.М. Шанский, В.Н. Телия, А.И. Смирницкий, И.А. Мельчук, А.Н. Баранов [1–9] и др.), на сегодняшний день в русскоязычной литературе все еще мало трудов, где данная область языкознания рассматривается в рамках психо- и нейролингвистики (среди немногих авторов можно отметить Т.В. Черниговскую, Н.А. Слюсарь, Т.Е. Петрову, Н.В. Череповскую [10] и др.). В зарубежной науке, напротив, фразеологические обороты активно исследуются с позиции психолингвистики еще с

70-х годов XX века (R.W. Gibbs, D.A. Swinney, A. Cutler, C. Cacciari, P. Tabossi, S.A. Bobrow, S.M. Bell, M.R. Libben, D.A. Titone, G. Nunberg, S.A. Sprenger, C.M. Connine, M.A. Nippold [11–19] и др.), и в последние десятилетия наблюдается рост числа нейролингвистических экспериментов (F.M.M. Citron, R. Giora, J. Yang, P. Canal, P. Thoma [20–24]).

В силу того что фразеология по-разному развивалась в отечественной и зарубежной науке, до сих пор не существует единой, общепризнанной терминологической системы, в т. ч. и среди западных исследователей. Наблюдается большое разнообразие терминов, иногда различные наименования используются для описания идентичных или близких явлений.

В данной статье проводятся анализ и систематизация свойств идиомы, выделяемых специалистами в области фразеологии. Помимо основных свойств, обозначенных учеными в рамках структурно-семантического подхода, рассматриваются и те, которые выделили психо- и нейролингвисты. Результатом является критический обзор характеристик идиом, значимых для темы исследования. Выбор источников основан не только на авторитетности, но и на их релевантности и новизне.

Во многих трудах одним из ключевых факторов, влияющих на скорость и точность распознавания идиомы, назван такой параметр, как **узнаваемость (familiarity)**. Он демонстрирует степень известности данного выражения представителям того или иного языкового сообщества. Это свойство не является предопределенным, а относится к субъективным характеристикам и может варьироваться в зависимости от ряда факторов, таких как возраст, географическое положение, уровень образования и культурный фон. Идиомы, широко применяемые в одном регионе или культуре, могут быть не знакомы носителям языка из других регионов или культур. Для определения степени узнаваемости идиомы наиболее часто используется классический метод опроса. Например, в исследовании французских лингвистов, по-

священной связи теории разума² с пониманием идиом детьми и подростками, участники должны были ответить на вопрос, встречались ли ранее с той или иной единицей в письменном или устном контексте [25]. Данный метод имеет недостатки, т. к. в рамках опроса не всегда уточняется, понятны ли предлагаемые идиомы опрашиваемому. В силу распространенности и конвенциональной природы фразеологических оборотов становится возможным вариант, при котором индивид знаком с формой идиомы, но при этом не знает ее значения.

Как было сказано выше, данная характеристика является одним из существенно важных факторов, влияющих на процесс обработки выражений в головном мозге, в частности на скорость активации их фразеологического значения³. В случае когда идиома неизвестна индивиду, происходит композиционный анализ составляющих выражения, приводящий к его буквальной интерпретации. В целом, чем более узнаваем фразеологический оборот, тем легче представителям того или иного языкового сообщества понимать и употреблять его в дискурсе, что подтверждают многие исследования [18, 26–28].

Свойство узнаваемости является наиболее контролируемым в исследованиях. Так, систематический обзор контролируемых факторов стимульного материала в нейролингвистических экспериментах, посвященных обработке фигуративного языка (он был проведен в 2021 году немецкими учеными), показал, что авторы 69 работ из 116 включали эту переменную [29, с. 9]. Тем не менее изучение эффектов свойства узнаваемости, производимых на процессы, происходящие в головном мозге при обработке фразеологических оборотов, может быть проб-

лематичным в силу субъективности данного параметра. Отбор единиц, обладающих степенью узнаваемости, равной для всех участников эксперимента, представляется трудной задачей. Более того, следует учитывать, что параметр узнаваемости той или иной идиомы может меняться со временем.

Еще одним важным свойством идиомы является **частотность (frequency)** – это количественный показатель, характеризующий, насколько часто данное выражение встречается в языковом материале, взятом в определенном объеме. Таким образом, указанное свойство отражает частоту употребления того или иного выражения в речи представителей языкового сообщества или в рамках отдельно взятого корпуса языковых данных. Частотность идиомы может также меняться в зависимости от времени и культурных тенденций.

Названный параметр непосредственно коррелирует с узнаваемостью. Чем более частотно выражение, тем известней оно представителям языкового сообщества. По определению, частотность идиом не может быть измерена объективно. Эта характеристика обычно рассматривается как частота встречаемости той или иной идиомы в определенных корпусах, взятых из стандартных баз данных, либо оценивается субъективно с помощью анкетирования и опросов. Более того, необходимо разделять частотность выражения в целом и частотность отдельных составляющих его лексических единиц.

Частотность может оказывать существенное влияние на скорость обработки выражения в головном мозге как среди носителей языка, так и среди представителей иного языкового сообщества. Идиомы с высокой частотой

²Теория разума, или модель психики человека, – система репрезентаций психических феноменов, интенсивно развивающаяся в детском возрасте.

³Фразеологический оборот отличается от свободного словосочетания прежде всего обобщенностью значения оборота в целом. Именно это и позволяет выделить особый вид значения – фразеологическое, не совпадающее с лексическим значением слов, его составляющих. Например, идиома *break a leg* переводится на русский язык как «ни пуха ни пера» и является пожеланием удачи, а вовсе не пожеланием сломать ногу. Соответственно, фразеологические значения идиом зачастую кажутся никак не связанными с лексическими значениями их компонентов, а попытки их буквального перевода ведут к недопониманию.

употребления более узнаваемы и понятны для большинства носителей языка, тогда как идиомы с низкой частотой употребления могут вызывать затруднения при понимании. Так, М. Нипполд и М. Рудзинский в экспериментах, исследующих процесс восприятия идиом среди детей и подростков 11, 14 и 17 лет, выявили, что результаты выполнения задания лучше в случаях с частотными идиомами. В задании, где участники должны были письменно объяснить значения 24 различных идиом (низкой, средней и высокой частотности), у лиц 11 и 14 лет меньше трудностей вызывали идиомы, обладающие высоким уровнем частотности. Тем не менее для участников группы возраста 17 лет разницы в восприятии высокочастотных и низкочастотных идиом выявлено не было [19].

Необходимо отметить, что идиомы как класс обладают такой характеристикой, как **устойчивость употребления (conventionality)**, или узуализация⁴ (т. е. фразеологический оборот представляет собой единицу языка). Это подразумевает, что идиомы приняты и устоялись в языке или культуре и их значения и использование признаны сообществом говорящих на определенном языке. А.В. Кунин пишет: «...фразеологическая единица является общественным достоянием в данном языковом коллективе, а не индивидуальным оборотом, употребленным тем или иным автором» [1, с. 25]. Узус, как правило, связан с частотностью употребления: чем эта частотность выше, тем больше вероятность узуализации.

Именно конвенциональный характер идиом указывает на то, что такие выражения стали частью лингвистической традиции и прочно укрепились в культуре и истории языка. Следовательно, у изучающих язык или не принадлежащих к данной культуре они могут вызывать затруднения при понимании. Также важно учитывать это свойство идиомы в пере-

воде, чтобы верно передать значение и стилистический эффект.

В англоязычной научной литературе термин *conventionality* зачастую употребляют как синонимичный термину *familiarity*. Так, например, согласно упомянутому выше систематическому обзору, в 19 из 33 работ, изучающих влияние узнаваемости и устойчивости употребления на скорость обработки идиомы в головном мозге, оба свойства рассматривались как идентичные [29, с. 9]. Однако, несмотря на то что они непосредственно связаны между собой, необходимо их различать. Устойчивость употребления обозначает закрепление фигуративного выражения в коллективном использовании языка, что обеспечивается частым применением данной единицы внушительным количеством представителей языкового сообщества. Стало быть, конвенциональность – не субъективная характеристика, свойственная индивиду, она измеряется в рамках всего языкового коллектива. Например, идиома «бить баклуши» является конвенциональной в русском языке, но изучающие его как иностранный не встречают это выражение настолько часто, чтобы идиома стала им знакомой. Изучающий язык субъект вступает в языковое сообщество, где определенная идиома оказывается конвенциональной, но для него она не обладает таким свойством, как узнаваемость. Отсюда следует еще один важный вывод: устойчивость употребления влияет на скорость обработки выражения в головном мозге, а также на успешную его интерпретацию. Например, в британском исследовании Ф. Цитрон были выявлены существенные различия при понимании конвенциональных метафор носителями и не носителями языка [30].

Помимо устойчивости употребления можно говорить о таком свойстве идиомы, как **структурная устойчивость**. В работах зарубежных авторов данная характеристика именуется **syntactic frozenness**. Западные исследователи объединяют ряд факторов в один, в то время

---

⁴См.: Большой энциклопедический словарь: Языковедение / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Большая Рос. энцикл., 1998. С. 532. Узус – общепринятое употребление языковой единицы (слова, фразеологизма) в отличие от его окказионального (временного и индивидуального) употребления.

как в отечественной фразеологии принято подходить к фразеологической устойчивости как к комплексному явлению и выделять несколько основных ее показателей [1, с. 6–8]:

– лексическая устойчивость (выражается в невозможности или строгой регламентированности замены компонентов фразеологической единицы);

– морфологическая устойчивость (проявляется в наличии у компонентов фразеологической единицы нулевой или ограниченной парадигмы);

– синтаксическая устойчивость (обнаруживается в стабильном порядке слов, допускающем лишь некоторые нормативные изменения, например возможность образования страдательного залога).

А.В. Кунин подчеркивает, что существует разная степень синтаксической устойчивости. Синтаксические изменения, которым идиомы подвергаются при сохранении идиоматического значения, могут варьироваться, что зависит от уровня синтаксической гибкости того или иного выражения. Британский лингвист Р. Мун отмечает, что на практике вариативность присуща устойчивым оборотам в большой степени. Проведенные ею корпусные исследования показывают, что 40 % английских фразеологических единиц допускает лексические вариации и грамматические трансформации [31, с. 7].

Недавние психолингвистические исследования также продемонстрировали, что измененные идиомы, как правило, сохраняют свое фигуративное значение [32–34]. Более того, результаты экспериментов показали, что идиомы, подвергшиеся тем или иным изменениям, быстрее узнаваемы, если оригинальная идиома обладала высокой степенью узнаваемости и частотности. Несмотря на то что идиомы в страдательном залоге крайне редки в использовании, М. Кириаку и К. Конклин выявили, что более известные и частотные идиомы, употребленные в пассивном залоге, читаются быстрее, чем измененные формы менее известных и частотных идиом [33]. Вышеперечисленные выводы бросают вызов тем теориям обработки идиом, которые рас-

сматривают данные выражения как единое целое, хранящееся в ментальном лексиконе подобно словам и не подвергающееся каким-либо изменениям.

Говоря о двух аспектах устойчивости (структурном и узуальном), А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский считают структурную устойчивость менее значимым параметром. По мнению лингвистов, наибольшую важность представляет узуальная устойчивость, и если она отсутствует, то наличие структурной уже не имеет значения. Тем не менее структурный аспект усиливает узуальный [9, с. 50].

Еще одна важная характеристика идиомы – **семантическая неделимость**, или целостность значения (в трактовке зарубежных исследователей – **compositionality/decomposability**). В данном случае наблюдается расхождение терминологии, при котором одно и то же явление описывается в отечественной и западной науке противоположными понятиями. Семантическая неделимость предполагает, что значения компонентов устойчивого оборота сливаются, образуя абсолютно новую семантику. Это свойство является ключевым фактором для понимания значения идиомы в целом, а не как набора отдельных слов.

Выдающийся советский лингвист, академик В.В. Виноградов предложил первую классификацию фразеологических единиц, основанную на принципе композиционности, выделив три типа: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания [2, с. 140–161]. Одним из первых зарубежных авторов, посвятивших несколько исследований данной проблематике, стал британский лингвист Р. Гиббз. Согласно классификации Р. Гиббза, близкой к концепции В.В. Виноградова, идиомы как класс можно разделить на три основных категории: делимые (*decomposable*), неделимые (*non-decomposable*) и нестандартно делимые (*abnormally decomposable*) [35]. Если идиома семантически делима, то ее значение можно вывести из суммы значений ее составляющих. Например, сумма значений компонентов идиомы *spill the beans* (*spill* – «пролить»),

beans – «бобы») хоть и не равна общему значению выражения («проболтаться»), тем не менее его можно выделить из семантики этих компонентов. Семантически неделимые идиомы имеют значение, которое нельзя выделить из значений составляющих их лексем. Так, несмотря на то что отдельные лексические единицы идиомы *hit the sack* («пойти спать») имеют собственные значения, общее значение идиомы не может быть интерпретировано на основе их дефиниций.

Следует учитывать, что данный признак бывает разной степени выраженности и может существенно варьироваться от одного выражения к другому. Помимо прочего, вопрос об отнесении идиом к одной из групп субъективен и зачастую распределение происходит интуитивно в зависимости от уровня когнитивных способностей, языкового опыта, возраста и т. д.

Семантическая неделимость наряду с прочими характеристиками идиомы оказывает влияние на процессы ее обработки в головном мозге. Так, например, исследования, посвященные восприятию идиом различными возрастными группами, продемонстрировали, что семантически делимые идиомы проще для понимания детей, чем семантически неделимые. Было выявлено, что дети начинают понимать фразеологическое значение семантически делимых идиом, представленных в контексте, уже с 5 лет, в то время как понимание семантически неделимых оборотов возможно не ранее 6–7 лет [25, 36]. Более того, результаты исследований свидетельствуют в пользу того, что различия при обработке декомпозируемых и недекомпозируемых идиом напрямую зависят от контекста, в котором используются рассматриваемые идиомы [37, 38].

Прозрачность (transparency), смежный с семантической неделимостью параметр, определяет, насколько легко можно восстановить лежащий в основе идиомы образ. Если идиома прозрачна, то связь между метафорой и значением интуитивно понятна, как, например, в выражении *break the ice* («растопить лед», «устранить натянутость в общении»). Интерпретация непро-

зрачного выражения *kick the bucket* («откинуть копыта», «умереть») не может быть основана на семантике компонентов, и образ, лежащий в основе данной идиомы, является непонятным без обращения к этимологической справке. Согласно М. Нипполд и М. Рудзинскому, идиомы, обладающие высокой степенью прозрачности, более просты для понимания, нежели непрозрачные обороты [19].

Авторы одного из нейролингвистических исследований с применением транскраниальной магнитной стимуляции, основываясь на полученных данных, приходят к выводу, что параметр прозрачности фразеологического оборота может играть важную роль в регуляции функций полушарий головного мозга, задействованных в обработке фигуративных выражений. Было обнаружено, что зоны левого полушария задействованы в процессе обработки непрозрачных идиом в значительно большей степени, чем в обработке прозрачных, из чего ученые заключают, что обороты, обладающие низкой степенью прозрачности, могут обрабатываться как единое целое, подобно словам [39].

Важно отметить, что семантическая неделимость и прозрачность являются смежными, но в то же время самостоятельными характеристиками идиомы. Так, прозрачность описывает, насколько прямо и непосредственно значение идиомы связано с лексическим значением ее компонентов, без необходимости понимания дополнительного контекста или знания культурных особенностей, в то время как семантическая неделимость делает акцент на способности идиомы быть разложенной на составные части.

Еще одна характеристика идиомы, связанная с ее компонентами, – так называемая **буквальность (literality/literal plausibility)**. Это свойство определяет возможность интерпретировать значение идиомы буквально и вместе с тем – насколько такая интерпретация будет адекватна. В некоторых источниках для описания данного параметра встречается термин **ambiguity** (двусмыслен-

ность). Если идиома может интерпретироваться дословно, то она обладает высокой степенью буквальности, например *to take the bull by the horns* («взять быка за рога»). Если же идиома обладает низким потенциалом быть интерпретированной буквально в отсутствие контекста, то можно сказать, что она имеет низкую степень буквальности, например *to be on cloud nine* («быть на седьмом небе»). Таким образом, идиомы могут варьироваться от двусмысленных до однозначных. В случае с двусмысленными идиомами выражение может иметь два или более значения, что может приводить к затруднению при понимании. Как правило, в подобных ситуациях верная интерпретация подбирается в соответствии с контекстом.

Способность выражения быть интерпретированным как буквально, так и фигуративно наряду с другими характеристиками влияет на процессы, происходящие в головном мозге при восприятии, понимании и употреблении идиомы, в частности на скорость обработки [18, 40, 41].

В зарубежных психо- и нейролингвистических экспериментах выделяется и такое свойство идиомы, как **предсказуемость (predictability)**, обозначающее вероятность, с которой фразеологическое значение выражения может быть спрогнозировано слушателем или читателем. Данный параметр часто измеряется с помощью методики завершения предложения. Предсказуемые идиомы – это устойчивые и широко распространенные выражения, смысл и употребление которых стандартизированы и знакомы многим носителям языка. Идиомы с более низким уровнем предсказуемости могут вызывать трудности у тех, кто не является носителем языка, или тех, кто не имел языкового опыта с конкретным оборотом. В то время как идиомы, обладающие высокой предсказуемостью, распознаются как фигуративные высказывания достаточно быстро, идиомы с низкой предсказуемостью не могут быть расценены как идиомы до полного прочтения всего высказывания [13, 18]. Важно учитывать, что степень предсказуемости идиомы может существенно различаться среди

индивидов в зависимости от языкового опыта, когнитивных функций, региональных и культурологических особенностей.

Некоторые исследователи выделяют и такое свойство идиомы, как **выделенность (salience)**. Это означает, что фразеологические обороты выделяются среди других единиц языка и являются особо заметными в рамках определенного лингвистического контекста, а также отражает степень, до которой идиома привлекает внимание представителей языкового сообщества. Идиомы зачастую обладают сильным эмоциональным или образным содержанием, которое делает их более запоминающимися.

Выделенность интегрирует несколько других свойств идиомы и активно взаимодействует с контекстом. Таким образом, данный параметр трактуется как комбинация узнаваемости, конвенциональности, частотности и предсказуемости.

Идиомы по степени выразительности могут варьироваться от особенно ярких, запоминающихся выражений до менее примечательных. Некоторые обороты употребляются чаще и оказываются более узнаваемыми, что способствует увеличению уровня выделенности. Также на данный фактор могут влиять лингвокультурологические особенности.

Выделенность оказывает значимое влияние на эффективность коммуникации. Выразительные идиомы с большей вероятностью привлекут внимание, точнее передадут смысл и будут более запоминающимися и для носителей языка, и для изучающих язык как иностранный. Важно учитывать свойство выделенности идиомы при ее использовании или переводе, чтобы сохранить стилистический эффект и эмоциональную коннотацию, а также передать особенности выражения на другом языке, в частности в тех случаях, когда значение идиомы непосредственно связано с культурными особенностями.

Исследуя механизмы обработки идиом и эффекты параметра выразительности, ученые приходят к интересным выводам касательно

особенностей обработки в головном мозге фигуративного языка в целом. К примеру, получившая широкое распространение гипотеза о градуированной значимости (*the graded salience hypothesis*), предложенная лингвистом Р. Гиора, предполагает различия в процессе восприятия выразительных (*salient*) и невыразительных (*non-salient*) фигуративных выражений. Согласно данной модели, выразительность является важнейшим фактором в контексте межполушарной асимметрии, где левое полушарие отвечает за обработку доминантных значений. По мнению автора, фразеологическое значение идиомы оказывается доминантным в сравнении с буквальным и хранится в ментальном лексиконе как цельная единица, подобно словам. Буквальное же значение выступает композиционным [21]. Все больше исследователей получают результаты, свидетельствующие в пользу того, что оба полушария задействованы в процессе семантической активации, выбора и интеграции значений при обработке фразеологических оборотов. Однако правое полушарие в большей степени отвечает за прагматический аспект и установление связей между слабой и разрозненной семантической информацией, а также повторную интерпретацию языкового стимула. Левое же полушарие задействовано при обработке точной лингвистической информации, тесно связанной семантики и доминантных значений слов. Соответственно, роль правого полушария более существенна при обработке буквальных значений известных идиом, а роль левого полушария становится заметнее при обработке их фразеологического значения. Несмотря на то что ряд исследований методом магнитно-резонансной томографии протестировал эту гипотезу и получил подтверждающие ее результаты, в научной литературе все еще нет консенсуса и требуется больше новых работ для подтверждения или опровержения данной теории [22, 42–45].

Таким образом, целесообразно говорить о целом комплексе фундаментальных признаков, присущих устойчивым оборотам как части фра-

зеологического фонда: узнаваемость, частотность, устойчивость употребления, структурная устойчивость, семантическая неделимость, прозрачность, двусмысленность, предсказуемость, выразительность. Для того чтобы явление языка было охарактеризовано как фразеологическая единица, недостаточно наличия какой-либо одной из этих характеристик.

Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что идиомы представляют собой крайне неоднородный класс, где перечисленные параметры могут значительно варьироваться от выражения к выражению. Все описанные свойства являются важными факторами, влияющими на процессы обработки оборотов в головном мозге. В зависимости от каждой характеристики идиома может быть более или менее сложной для восприятия, интерпретации и употребления. Более того, необходимо учитывать данные свойства в таких практических областях, как обучение иностранным языкам и перевод.

Среди исследователей до сих пор идут дискуссии о том, что происходит в головном мозге при обработке фразеологических оборотов. Предложено несколько теорий, одни из которых утверждают, что идиомы хранятся в ментальном лексиконе подобно словам, другие настаивают на происходящем структурно-семантическом анализе, как при обработке словосочетаний, третьи являются гибридными и предлагают разделять выражения по классам в соответствии со степенью выраженности тех или иных свойств, от чего будет зависеть механизм обработки.

В последние десятилетия проводится немало нейролингвистических исследований в рамках данной тематики. Один из наиболее важных вопросов, интересующих ученых, посвящен работе полушарий мозга при обработке идиом. К настоящему времени ученым не удалось прийти к однозначным выводам, результаты экспериментов зачастую противоречат друг другу, что позволяет говорить о том, что класс идиом не унитарен и в зависимости от конкретных характеристик каждого отдельно взятого выражения задействуются различные

зоны головного мозга с разной степенью вовлеченности.

Необходимо также подчеркнуть, что как в психо-, так и в нейролингвистических исследованиях контроль всех выделяемых научным сообществом параметров идиомы является сложной задачей. Как правило, исследователи выбирают одно или несколько контролируемых свойств, в связи с чем результаты могут существенно различаться, а иногда и противоречить друг другу.

ществом параметров идиомы является сложной задачей. Как правило, исследователи выбирают одно или несколько контролируемых свойств, в связи с чем результаты могут существенно различаться, а иногда и противоречить друг другу.

Список литературы

1. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка: опыт систематизированного описания. М.: Междунар. отношения, 1972. 288 с.
2. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / отв. ред. В.Г. Костомаров. М.: Наука, 1977. 312 с.
3. Поливанов Е.Д. Избранные работы. Труды по восточному и общему языкознанию. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1991. 623 с.
4. Амосова Н.Н. Современное состояние и перспективы фразеологии // Вопр. языкознания. 1966. № 3. С. 65–72.
5. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М.: Учпедгиз, 1959. 246 с.
6. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. 285 с.
7. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М.: Омен: МГУ, 1998. 260 с.
8. Мельчук И.А., Иорданская Л.Н. Смысл и сочетаемость в словаре. М.: Яз. славян. культуры, 2013. 649 с.
9. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
10. Слюсарь Н.А., Петрова Т.Е., Михайловская Е.В., Череповская Н.В., Прокопья В.К., Чернова Д.А., Черниговская Т.В. Экспериментальные исследования ментального лексикона: словосочетания с буквальным и небуквальным значением // Вопр. языкознания. 2017. № 3. С. 83–98. <https://doi.org/10.31857/S0373658X0000997-5>
11. Gibbs R.W. Spilling the Beans on Understanding and Memory for Idioms in Conversation // Mem. Cogn. 1980. Vol. 8, № 2. P. 149–156. <https://doi.org/10.3758/BF03213418>
12. Swinney D.A., Cutler A. The Access and Processing of Idiomatic Expressions // J. Verbal Learn. Verbal Behav. 1979. Vol. 18, № 5. P. 523–534. [https://doi.org/10.1016/S0022-5371\(79\)90284-6](https://doi.org/10.1016/S0022-5371(79)90284-6)
13. Cacciari C., Tabossi P. The Comprehension of Idioms // J. Mem. Lang. 1988. Vol. 27, № 6. P. 668–683. [https://doi.org/10.1016/0749-596X\(88\)90014-9](https://doi.org/10.1016/0749-596X(88)90014-9)
14. Bobrow S.A., Bell S.M. On Catching on to Idiomatic Expressions // Mem. Cogn. 1973. Vol. 1, № 3. P. 343–346. <https://doi.org/10.3758/bf03198118>
15. Libben M.R., Titone D.A. The Multidetermined Nature of Idiom Processing // Mem. Cogn. 2008. Vol. 36, № 6. P. 1103–1121. <https://doi.org/10.3758/mc.36.6.1103>
16. Nunberg G., Sag I.A., Wasow T. Idioms // Language. 1994. Vol. 70, № 3. P. 491–538. <https://doi.org/10.2307/416483>
17. Sprenger S.A., Levelt W.J.M., Kempen G. Lexical Access During the Production of Idiomatic Phrases // J. Mem. Lang. 2006. Vol. 54, № 2. P. 161–184. <https://doi.org/10.1016/j.jml.2005.11.001>
18. Titone D.A., Connine C.M. Descriptive Norms for 171 Idiomatic Expressions: Familiarity, Compositionality, Predictability, and Literality // Metaphor Symb. Activity. 1994. Vol. 9, № 4. P. 247–270. https://doi.org/10.1207/s15327868ms0904_1
19. Nippold M.A., Rudzinski M. Familiarity and Transparency in Idiom Explanation: A Developmental Study of Children and Adolescents // J. Speech Hear. Res. 1993. Vol. 36, № 4. P. 728–737. <https://doi.org/10.1044/jshr.3604.728>
20. Citron F.M.M., Cacciari C., Funcke J.M., Hsu C.-T., Jacobs A.M. Idiomatic Expressions Evoke Stronger Emotional Responses in the Brain Than Literal Sentences // Neuropsychologia. 2019. Vol. 131. P. 233–248. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2019.05.020>
21. Giora R. On Our Mind: Salience, Context, and Figurative Language. N. Y.: Oxford Univ. Press, 2003. 272 p.
22. Yang J., Li P., Fang X., Shu H., Liu Y., Chen L. Hemispheric Involvement in the Processing of Chinese Idioms: An fMRI Study // Neuropsychologia. 2016. Vol. 87. P. 12–24. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2016.04.029>

23. Canal P., Pesciarelli F., Vespignani F., Molinaro N., Cacciari C. Basic Composition and Enriched Integration in Idiom Processing: An EEG Study // J. Exp. Psychol. Learn. Mem. Cogn. 2017. Vol. 43, № 6. P. 928–943. <https://doi.org/10.1037/xlm0000351>
24. Thoma P., Daum I. Neurocognitive Mechanisms of Figurative Language Processing – Evidence from Clinical Dysfunctions // Neurosci. Biobehav. Rev. 2006. Vol. 30, № 8. P. 1182–1205. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2006.09.001>
25. Caillies S., Le Sourn-Bissaoui S. Children’s Understanding of Idioms and Theory of Mind Development // Development. Dev. Sci. 2008. Vol. 11, № 5. P. 703–711. <https://doi.org/10.1111/j.1467-7687.2008.00720.x>
26. Cronk B.C., Lima S.D., Schweigert W.A. Idioms in Sentences: Effects of Frequency, Literalness, and Familiarity // J. Psycholinguist. Res. 1993. Vol. 22, № 1. P. 59–82. <https://doi.org/10.1007/BF01068157>
27. Van Lancker Sidtis D., Kougentakis K.M., Cameron K., Falconer C., Sidtis J.J. “Down with ___”: The Linguistic Schema as Intermediary Between Formulaic and Novel Expressions // Yearb. Phraseol. 2012. Vol. 3, № 1. <https://doi.org/10.1515/phras-2012-0005>
28. Carrol G., Littlemore J., Dowens M.G. Of False Friends and Familiar Foes: Comparing Native and Non-Native Understanding of Figurative Phrases // Lingua. 2018. Vol. 204. P. 21–44. <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2017.11.001>
29. Koller S., Muller N., Kauschke C. The Elephant in the Room: A Systematic Review of Stimulus Control in Neuro-Measurement Studies on Figurative Language Processing // Front. Hum. Neurosci. 2021. Vol. 15. Art. № 791374. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2021.791374>
30. Citron F.M.M., Michaelis N., Goldberg A.E. Metaphorical Language Processing and Amygdala Activation in L1 and L2 // Neuropsychologia. 2020. Vol. 140. Art. № 107381. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2020.107381>
31. Moon R. Fixed Expressions and Idioms in English: A Corpus-Based Approach. Oxford: Clarendon Press, 1998. 340 p.
32. Tabossi P., Arduino L., Fanari R. Descriptive Norms for 245 Italian Idiomatic Expressions // Behav. Res. Methods. 2010. Vol. 43, № 1. P. 110–123. <https://doi.org/10.3758/s13428-010-0018-z>
33. Kyriacou M., Conklin K., Thompson D. Passivizability of Idioms: Has the Wrong Tree Been Barked Up? // Lang. Speech. 2020. Vol. 63, № 2. P. 404–435. <https://doi.org/10.1177/0023830919847691>
34. Mancuso A., Elia A., Laudanna A., Vietri S. The Role of Syntactic Variability and Literal Interpretation Plausibility in Idiom Comprehension // J. Psycholinguist. Res. 2020. Vol. 49, № 1. P. 99–124. <https://doi.org/10.1007/s10936-019-09673-8>
35. Gibbs R.W. Jr., Nayak N.P., Cutting C. How to Kick the Bucket and Not Decompose: Analyzability and Idiom Processing // J. Mem. Lang. 1989. Vol. 28, № 5. P. 576–593. [https://doi.org/10.1016/0749-596X\(89\)90014-4](https://doi.org/10.1016/0749-596X(89)90014-4)
36. Gibbs R.W. Jr. Semantic Analyzability in Children’s Understanding of Idioms // J. Speech Hear. Res. 1991. Vol. 34, № 3. P. 613–620. <https://doi.org/10.1044/jshr.3403.613>
37. Titone D.A., Connine C.M. On the Compositional and Noncompositional Nature of Idiomatic Expressions // J. Pragmat. 1999. Vol. 31, № 12. P. 1655–1674. [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(99\)00008-9](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(99)00008-9)
38. Tabossi P., Fanari R., Wolf K. Why Are Idioms Recognized Fast? // Mem. Cogn. 2009. Vol. 37, № 4. P. 529–540. <https://doi.org/10.3758/MC.37.4.529>
39. Kurada H.Z., Arica-Akkök E., Özyayın-Aksun Z., Şener H.Ö., Lavidor M. The Impact of Transparency on Hemispheric Lateralization of Idiom Comprehension: An rTMS Study // Neuropsychologia. 2021. Vol. 163. Art. № 108062. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2021.108062>
40. Cronk B.C., Schweigert W.A. The Comprehension of Idioms: The Effects of Familiarity, Literalness, and Usage // Appl. Psycholinguist. 1992. Vol. 13, № 2. P. 131–146. <https://doi.org/10.1017/S0142716400005531>
41. Cacciari C., Corradini P. Literal Analysis and Idiom Retrieval in Ambiguous Idioms Processing: A Reading-Time Study // J. Cogn. Psychol. 2015. Vol. 27, № 7. P. 797–811. <https://doi.org/10.1080/20445911.2015.1049178>
42. Beeman M., Chiarello C. Right Hemisphere Language Comprehension. Perspectives from Cognitive Neuroscience. Mahwah: Psychol. Press, 1998. 424 p.
43. Jung-Beeman M. Bilateral Brain Processes for Comprehending Natural Language // Trends Cogn. Neurosci. 2005. Vol. 9, № 11. P. 512–518. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2005.09.009>
44. Marshal N., Faust M., Hender T., Jung-Beeman M. An fMRI Study of Processing Novel Metaphoric Sentences // Laterality. 2009. Vol. 14, № 1. P. 30–54. <https://doi.org/10.1080/13576500802049433>

45. Schmidt G.L., Seger C.A. Neural Correlates of Metaphor Processing: The Roles of Figurativeness, Familiarity and Difficulty // *Brain Cogn.* 2009. Vol. 71, № 3. P. 375–386. <https://doi.org/10.1016/j.bandc.2009.06.001>

References

1. Kunin A.V. *Frazeologiya sovremennogo angliyskogo yazyka: opyt sistematizirovannogo opisaniya* [Phraseology of Modern English. Experience of Systematized Description]. Moscow, 1972. 288 p.
2. Vinogradov V.V. *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected Works. Lexicology and Lexicography]. Moscow, 1977. 312 p.
3. Polivanov E.D. *Izbrannye raboty. Trudy po vostochnomu i obshchemu yazykoznaniiyu* [Selected Works. Works on Eastern and General Linguistics]. Moscow, 1991. 623 p.
4. Amosova N.N. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy frazeologii [Current State and Prospects of Phraseology]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1966, no. 3, pp. 65–72.
5. Shanskiy N.M. *Ocherki po russkomu slovoobrazovaniyu i leksikologii* [Essays on Russian Word Formation and Lexicology]. Moscow, 1959. 246 p.
6. Teliya V.N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects]. Moscow, 1996. 285 p.
7. Smirnitkiy A.I. *Leksikologiya angliyskogo yazyka* [Lexicology of the English Language]. Moscow, 1998. 260 p.
8. Mel'chuk I.A., Iordanskaya L.N. *Smysl i sochetaemost' v slovare* [Meaning and Collocation in Dictionaries]. Moscow, 2013. 649 p.
9. Baranov A.N., Dobrovol'skiy D.O. *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the Theory of Phraseology]. Moscow, 2008. 656 p.
10. Slyusar' N.A., Petrova T.E., Mikhaylovskaya E.V., Cherepovskaya N.V., Prokopenya V.K., Chernova D.A., Chernigovskaya T.V. Eksperimental'nye issledovaniya mental'nogo leksikona: slovosochetaniya s bukval'nym i nebukval'nym znacheniem [Experimental Studies of Grammar: Expressions with Literal and Non-Literal Meaning]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2017, no. 3, pp. 83–98. <https://doi.org/10.31857/S0373658X0000997-5>
11. Gibbs R.W. Spilling the Beans on Understanding and Memory for Idioms in Conversation. *Mem. Cogn.*, 1980, vol. 8, no. 2, pp. 149–156. <https://doi.org/10.3758/BF03213418>
12. Swinney D.A., Cutler A. The Access and Processing of Idiomatic Expressions. *J. Verbal Learn. Verbal Behav.*, 1979, vol. 18, no. 5, pp. 523–534. [https://doi.org/10.1016/S0022-5371\(79\)90284-6](https://doi.org/10.1016/S0022-5371(79)90284-6)
13. Cacciari C., Tabossi P. The Comprehension of Idioms. *J. Mem. Lang.*, 1988, vol. 27, no. 6, pp. 668–683. [https://doi.org/10.1016/0749-596X\(88\)90014-9](https://doi.org/10.1016/0749-596X(88)90014-9)
14. Bobrow S.A., Bell S.M. On Catching on to Idiomatic Expressions. *Mem. Cogn.*, 1973, vol. 1, no. 3, pp. 343–346. <https://doi.org/10.3758/bf03198118>
15. Libben M.R., Titone D.A. The Multidetermined Nature of Idiom Processing. *Mem. Cogn.*, 2008, vol. 36, no. 6, pp. 1103–1121. <https://doi.org/10.3758/mc.36.6.1103>
16. Nunberg G., Sag I.A., Wasow T. Idioms. *Language*, 1994, vol. 70, no. 3, pp. 491–538. <https://doi.org/10.2307/416483>
17. Sprenger S.A., Levelt W.J.M., Kempen G. Lexical Access During the Production of Idiomatic Phrases. *J. Mem. Lang.*, 2006, vol. 54, no. 2, pp. 161–184. <https://doi.org/10.1016/j.jml.2005.11.001>
18. Titone D.A., Connine C.M. Descriptive Norms for 171 Idiomatic Expressions: Familiarity, Compositionality, Predictability, and Literalness. *Metaphor Symb. Activity*, 1994, vol. 9, no. 4, pp. 247–270. https://doi.org/10.1207/s15327868ms0904_1
19. Nippold M.A., Rudzinski M. Familiarity and Transparency in Idiom Explanation: A Developmental Study of Children and Adolescents. *J. Speech Hear. Res.*, 1993, vol. 36, no. 4, pp. 728–737. <https://doi.org/10.1044/jshr.3604.728>
20. Citron F.M.M., Cacciari C., Funcke J.M., Hsu C.-T., Jacobs A.M. Idiomatic Expressions Evoke Stronger Emotional Responses in the Brain Than Literal Sentences. *Neuropsychologia*, 2019, vol. 131, pp. 233–248. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2019.05.020>
21. Giora R. *On Our Mind: Salience, Context, and Figurative Language*. New York, 2003. 272 p.

22. Yang J., Li P., Fang X., Shu H., Liu Y., Chen L. Hemispheric Involvement in the Processing of Chinese Idioms: An fMRI Study. *Neuropsychologia*, 2016, vol. 87, pp. 12–24. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2016.04.029>
23. Canal P., Pesciarelli F., Vespignani F., Molinaro N., Cacciari C. Basic Composition and Enriched Integration in Idiom Processing: An EEG Study. *J. Exp. Psychol. Learn. Mem. Cogn.*, 2017, vol. 43, no. 6, pp. 928–943. <https://doi.org/10.1037/xlm0000351>
24. Thoma P., Daum I. Neurocognitive Mechanisms of Figurative Language Processing – Evidence from Clinical Dysfunctions. *Neurosci. Biobehav. Rev.*, 2006, vol. 30, no. 8, pp. 1182–1205. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2006.09.001>
25. Caillies S., Le Sourn-Bissaoui S. Children’s Understanding of Idioms and Theory of Mind Development. *Dev. Sci.*, 2008, vol. 11, no. 5, pp. 703–711. <https://doi.org/10.1111/j.1467-7687.2008.00720.x>
26. Cronk B.C., Lima S.D., Schweigert W.A. Idioms in Sentences: Effects of Frequency, Literalness, and Familiarity. *J. Psycholinguist. Res.*, 1993, vol. 22, no. 1, pp. 59–82. <https://doi.org/10.1007/BF01068157>
27. Van Lancker Sidtis D., Kougentakis K.M., Cameron K., Falconer C., Sidtis J.J. “Down with ___”: The Linguistic Schema as Intermediary Between Formulaic and Novel Expressions. *Yearb. Phraseol.*, 2012, vol. 3, no. 1, pp. 87–108. <https://doi.org/10.1515/phras-2012-0005>
28. Carrol G., Littlemore J., Dowens M.G. Of False Friends and Familiar Foes: Comparing Native and Non-Native Understanding of Figurative Phrases. *Lingua*, 2018, vol. 204, pp. 21–44. <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2017.11.001>
29. Koller S., Müller N., Kauschke C. The Elephant in the Room: A Systematic Review of Stimulus Control in Neuro-Measurement Studies on Figurative Language Processing. *Front. Hum. Neurosci.*, 2021, vol. 15. Art. no. 791374. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2021.791374>
30. Citron F.M.M., Michaelis N., Goldberg A.E. Metaphorical Language Processing and Amygdala Activation in L1 and L2. *Neuropsychologia*, 2020, vol. 140. Art. no. 107381. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2020.107381>
31. Moon R. *Fixed Expressions and Idioms in English: A Corpus-Based Approach*. Oxford, 1998. 340 p.
32. Tabossi P., Arduino L., Fanari R. Descriptive Norms for 245 Italian Idiomatic Expressions. *Behav. Res. Methods*, 2010, vol. 43, no. 1, pp. 110–123. <https://doi.org/10.3758/s13428-010-0018-z>
33. Kyriacou M., Conklin K., Thompson D. Passivizability of Idioms: Has the Wrong Tree Been Barked Up? *Lang. Speech*, 2020, vol. 63, no. 2, pp. 404–435. <https://doi.org/10.1177/0023830919847691>
34. Mancuso A., Elia A., Laudanna A., Vietri S. The Role of Syntactic Variability and Literal Interpretation Plausibility in Idiom Comprehension. *J. Psycholinguist. Res.*, 2020, vol. 49, no. 1, pp. 99–124. <https://doi.org/10.1007/s10936-019-09673-8>
35. Gibbs R.W. Jr., Nayak N.P., Cutting C. How to Kick the Bucket and Not Decompose: Analyzability and Idiom Processing. *J. Mem. Lang.*, 1989, vol. 28, no. 5, pp. 576–593. [https://doi.org/10.1016/0749-596X\(89\)90014-4](https://doi.org/10.1016/0749-596X(89)90014-4)
36. Gibbs R.W. Jr. Semantic Analyzability in Children’s Understanding of Idioms. *J. Speech Hear. Res.*, 1991, vol. 34, no. 3, pp. 613–620. <https://doi.org/10.1044/jshr.3403.613>
37. Titone D.A., Connine C.M. On the Compositional and Noncompositional Nature of Idiomatic Expressions. *J. Pragmat.*, 1999, vol. 31, no. 12, pp. 1655–1674. [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(99\)00008-9](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(99)00008-9)
38. Tabossi P., Fanari R., Wolf K. Why Are Idioms Recognized Fast? *Mem. Cogn.*, 2009, vol. 37, no. 4, pp. 529–540. <https://doi.org/10.3758/MC.37.4.529>
39. Kurada H.Z., Arıca-Akkök E., Özyayın-Aksun Z., Şener H.Ö., Lavidor M. The Impact of Transparency on Hemispheric Lateralization of Idiom Comprehension: An rTMS Study. *Neuropsychologia*, 2021, vol. 163. Art. no. 108062. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2021.108062>
40. Cronk B.C., Schweigert W.A. The Comprehension of Idioms: The Effects of Familiarity, Literalness, and Usage. *Appl. Psycholinguist.*, 1992, vol. 13, no. 2, pp. 131–146. <https://doi.org/10.1017/S0142716400005531>
41. Cacciari C., Corradini P. Literal Analysis and Idiom Retrieval in Ambiguous Idioms Processing: A Reading-Time Study. *J. Cogn. Psychol.*, 2015, vol. 27, no. 7, pp. 797–811. <https://doi.org/10.1080/20445911.2015.1049178>
42. Beeman M., Chiarello C. *Right Hemisphere Language Comprehension: Perspectives from Cognitive Neuroscience*. Mahwah, 1998. 424 p.

43. Jung-Beeman M. Bilateral Brain Processes for Comprehending Natural Language. *Trends Cogn. Neurosci.*, 2005, vol. 9, no. 11, pp. 512–518. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2005.09.009>

44. Marshal N., Faust M., Hendler T., Jung-Beeman M. An fMRI Study of Processing Novel Metaphoric Sentences. *Laterality*, 2009, vol. 14, no. 1, pp. 30–54. <https://doi.org/10.1080/13576500802049433>

45. Schmidt G.L., Seger C.A. Neural Correlates of Metaphor Processing: The Roles of Figurativeness, Familiarity and Difficulty. *Brain Cogn.*, 2009, vol. 71, no. 3, pp. 375–386. <https://doi.org/10.1016/j.bandc.2009.06.001>

Информация об авторах

С.Г. Еремина – преподаватель кафедры английского языка (основного) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации (адрес: 123001, Москва, ул. Большая Садовая, д. 14).

Д.В. Балаганов – доктор филологических наук, начальник кафедры английского языка (второго) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации (адрес: 123001, Москва, ул. Большая Садовая, д. 14).

Information about the authors

Svetlana G. Eremina, Lecturer at the English (as the Main Language) Department, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (address: ul. Bol'shaya Sadovaya 14, Moscow, 123001, Russia).

Dmitry V. Balaganov, Dr. Sci. (Philol.), Head of the English (as a Second Language) Department, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (address: ul. Bol'shaya Sadovaya 14, Moscow, 123001, Russia).

Поступила в редакцию 30.01.2024

Одобрена после рецензирования 15.04.2024

Принята к публикации 17.04.2024

Submitted 30 January 2024

Approved after reviewing 15 April 2024

Accepted for publication 17 April 2024

Кравченко М.А.

Понятие метаязыка: от лингвистического наследия Р. Якобсона к современным научным практикам

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 4. С. 88–100.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 4, pp. 88–100.

Обзорная статья

УДК 81'16

DOI: 10.37482/2687-1505-V364

Понятие метаязыка: от лингвистического наследия Р. Якобсона к современным научным практикам

Михаил Александрович Кравченко

Ростовский государственный институт путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия,

e-mail: oksanka_2007@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6776-4131>

Аннотация. В данной работе проводится попытка научного осмысления становления, развития и содержательной дифференциации понятия «метаязык», используемого современной лингвистикой в русле исследовательских подходов и направлений, описывающих проявления феномена метаязыка. Характеризуются особенности возникновения и первоначального закрепления термина «метаязык» в языковедческой практике, анализируется специфика осмысления феномена метаязыка в лингвистическом наследии Р. Якобсона, устанавливаются теоретико-методологические связи между элементами концепции Р. Якобсона и современными направлениями исследования метаязыка. Реализуя приемы метода нарративной лингвоисториографии, предполагающего использование приемов осмысления, интерпретации и классификации научных трудов по лингвистике, а также описательного метода, обеспечивающего трансляцию теоретических посылок, аргументов и выводов, автор доказывает, что функциональное направление исследования метаязыка восходит к знаменитой функциональной модели языка, в которой одну из важнейших ролей Р. Якобсон отводил метаязыковой функции. Мысли ученого о значимости метаязыковой компетенции для когнитивного развития личности способствовали формированию междисциплинарного направления, предметом рассмотрения которого являются механизмы психического развития в онтогенезе. В ходе настоящего исследования была подтверждена гипотеза о том, что большинство современных подходов к изучению метаязыка обрело свои теоретические основания в концепции Р. Якобсона. Именно Р. Якобсон создал предпосылки описания метаязыка как системы, тем самым ввел в круг лингвистических вопросов такие проблемы, как анализ соответствия и взаимопроникновения структур языка и метаязыка, выявление особенностей системной организации метаязыка, установление особенностей функциональной асимметрии метаязыковых единиц, определение семиотических параметров метаязыка. Названные проблемы пока не получили глубокого и всестороннего рассмотрения. Поэтому лингвистическое наследие Р. Якобсона еще далеко не исчерпало своего эвристического потенциала и продолжит служить теоретико-методологической платформой для актуальных и перспективных исследований метаязыка.

Ключевые слова: метаязык, функциональная модель языка, метаязыковая функция, метаязыковая единица, Р. Якобсон

Для цитирования: Кравченко, М. А. Понятие метаязыка: от лингвистического наследия Р. Якобсона к современным научным практикам / М. А. Кравченко // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 4. – С. 88-100. – DOI 10.37482/2687-1505-V364.

Review article

The Concept of Metalanguage: From R. Jakobson's Linguistic Heritage to Modern Scientific Practices

Mikhail A. Kravchenko

Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia,

e-mail: oksanka_2007@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6776-4131>

Abstract. This paper presents a scientific reflection on the origin, development and differentiation of the concept of metalanguage, used by modern linguists within approaches and disciplines that describe the manifestations of this phenomenon. The emergence and initial use of the term *metalanguage* in linguistic practice is described, the understanding of the phenomenon of metalanguage within R. Jakobson's linguistic heritage is analysed, theoretical and methodological connections between the elements of his concept and modern approaches to metalanguage research are established. By applying the techniques of narrative linguistic historiography, including the methods of comprehension, interpretation and classification of linguistic works, as well as the descriptive method, allowing us to transmit theoretical premises, arguments and conclusions, the author of this paper proves that the functional orientation of metalanguage research can be traced back to the well-known functional model of language. In this model, Jakobson attached great importance to the metalinguistic function. His ideas on the significance of metalinguistic competence for a person's cognitive growth contributed to the development of an interdisciplinary field that has mechanisms of mental development during ontogenesis as its subject matter. As a result of the research, a hypothesis was confirmed that most contemporary approaches to metalanguage are grounded in the concept proposed by Jakobson. It was Jakobson who laid the groundwork for the study of metalanguage as a system. He introduced into the scope of linguistics such problems as the correspondence of and interaction between the structures of language and metalanguage, systemic organization of metalanguage, functional asymmetry between metalinguistic units, and semiotic parameters of metalanguage. These issues still require a thorough and comprehensive investigation. Therefore, Jakobson's linguistic research has not yet exhausted its heuristic potential and will continue to serve as a theoretical and methodological foundation for current and future studies on metalanguage.

Keywords: *metalanguage, functional model of language, metalinguistic function, metalinguistic unit, R. Jakobson*

For citation: Kravchenko M.A. The Concept of Metalanguage: From R. Jakobson's Linguistic Heritage to Modern Scientific Practices. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 4, pp. 88–100. DOI: 10.37482/2687-1505-V364

Введение. Понятие метаязыка широко представлено в современном научном дискурсе. Термин *метаязык* характеризуется полидисциплинарностью: он употребляется математиками, философами, логиками, лингвистами, семиотиками, литературоведами, искусствоведами, специалистами в области искусственного интеллекта и теории информации. Причем перечень областей знания, где он активно используется,

постоянно расширяется. Употребление термина в разнообразных научных контекстах определило его многозначную природу.

В настоящей работе мы ограничимся изучением содержательных нюансов названного понятия, имеющих отношение к лингвистике. Однако отмеченное сужение диапазона поиска не сильно упрощает задачу. В самой лингвистике понятие метаязыка нельзя отнести к числу

глубоко разработанных и общепризнанных, обладающих неоспоримой кодифицированной нормой, что неоднократно отмечалось исследователями [1–3]. Причину этого мы видим в том, что в процессе своего появления и закрепления в лингвистической науке термин *метаязык* прошел сложный, извилистый путь.

Актуальность предпринятого исследования определяется прежде всего тем фактом, что количество метаязыковых контекстов в современной коммуникативной практике неуклонно растет. Некоторые ученые видят в увеличении числа метаязыковых высказываний важнейшую характеристику современного этапа истории речевой коммуникации. Так, Н.Б. Мечковская в насыщенности метаязыковых контекстов усматривает долговременную тенденцию, «состоящую в усилении значимости в общении метаязыковой семантики» [4, с. 175]. Обилие в речи метаязыковых комментариев позволили И.Т. Вепревой говорить о «метаязыковом привкусе эпохи» [5, с. 128–129]. Современная коммуникация все чаще рассматривается как переплетение единиц языка и метаязыка [6]. Реакцией на указанные коммуникационные процессы явился значительный рост интереса лингвистов к метаязыковым контекстам в дискурсе (тексте). Названный интерес результативался публикацией целого ряда диссертаций и монографий [5, 7–16]. Вместе с тем даже поверхностный взгляд на содержание обозначенных работ позволяет идентифицировать наличие разных подходов и методологических платформ к изучению метаязыка. Одновременно само понятие метаязыка от работы к работе может существенно варьироваться. В современной лингвистике сложилась ситуация, когда многие ученые разделяют мнение о перспективности исследований автореферентной функции языка, проявляющейся в метаязыковых фрагментах текста, называемых «метатекстом» или «рефлексивами», однако они зачастую вкладывают разный смысл в сам термин *метаязык*. В связи с этим актуальной выглядит попытка научного осмысления становления, развития и содержательной дифференциации понятия *ме-*

таязык с привлечением широкого лингвоисторического контекста.

Цель настоящей работы заключается в уточнении термина *метаязык*, используемого современной лингвистикой в русле исследовательских подходов и направлений, описывающих проявления феномена метаязыка.

Осмысление образа будущего результата позволило сформулировать научную гипотезу, которая подверглась верификации в ходе исследования. Мы предположили, что большинство современных подходов к изучению метаязыка имеет свои теоретические основания в лингвистической концепции Р. Якобсона.

Достижение поставленной цели осуществлялось посредством решения следующих задач: 1) изучить и описать особенности появления и первоначального закрепления термина *метаязык* в языковедческой практике; 2) произвести анализ особенностей осмысления феномена метаязыка в лингвистическом наследии Р. Якобсона; 3) установить теоретико-методологические связи между элементами концепции Р. Якобсона и современными направлениями исследования метаязыка.

Работа выполнена с привлечением метода нарративной лингвоисториографии, предполагающего использование приемов осмысления, интерпретации и классификации научных трудов по лингвистике, а также описательного метода, обеспечивающего трансляцию теоретических посылок, аргументов и выводов.

Происхождение термина *метаязык*. Известно, что идея «мета» является одним из главных достижений человеческой мысли и культуры [17]. Она представляет собой своеобразный «релятивный маркер – формальный показатель выхода мыслительной деятельности человека на уровень рефлексии как высшей формы самосознания, направленной на осмысление собственных форм и оснований данной деятельности» [17, с. 7]. Можно утверждать, что идея «мета» живет в нашей культуре уже более 2 тыс. лет, если за формальную точку отсчета взять применение классификационного принципа, в соответствии с которым александрийский библиотекарь

Андроник Родосский поместил труды Аристотеля о первопричинах за его же работами по физике и определил их как «метафизику» (от греч. *meta* – «за», «после», т. е. «после физики»). Появление в философии метафизики в ее современном понимании ознаменовало рождение глубокой исследовательской рефлексии. С тех пор приставка «мета» свидетельствует о запуске глубинных рефлексивных процессов, нацеленных на самопознание. Объединение приставки «мета» и корня «язык» произошло около 100 лет назад. При этом важной деталью является тот факт, что термин *метаязык* впервые был употреблен не в собственно лингвистических исследованиях, а в работах польских и немецких логиков, опубликованных в 30-е годы XX века [18, 19].

Для логиков введение понятия метаязыка имело принципиальный характер: оно позволяло преодолевать семантические парадоксы, фиксируемые еще со времен Античности (например, так называемый парадокс лжеца, сформулированный Эвбулидом), обладающие, по выражению А. Тарского, «злой силой» и «большой разрушительной энергией» [18, с. 143]. Причина возникновения семантических парадоксов кроется в незамкнутости структуры языка, наделяющей его способностью одновременно описывать внешний мир и выступать средством самоописания. Поэтому А. Тарский говорит о необходимости «проводить строгое различие между языком, который является предметом обсуждения и для которого мы намерены сформулировать дефиницию истины, и языком, на котором эта дефиниция должна быть сформулирована и изучены ее приложения. Первый называется языком-объектом, а второй – метаязыком» [18, с. 140].

Из логики термин *метаязык* перекочевал в труды по семиотике. Уже в 30-е годы XX века в своих знаменитых «Основаниях теории знаков» им пользовался один из создателей современной семиотики Ч. Моррис [20]. Но содержание заимствованного понятия осталось практически неизменным. Это связано с тем, что научное наследие Ч. Морриса принадлежит к

логикоориентированному направлению семиотики, сформировавшемуся под влиянием идей Ч.С. Пирса. В частности, о логикоцентризме указанного труда говорит то, что автор к кругу семиотических причисляет понятие «истина» [20, с. 74], и то, что избранная им библиография в большинстве своем представлена трудами ученых-логиков (К. Айдукевич, А. Тарский, Р. Карнап, Л. Виттгенштейн и др.) [20, с. 97].

Отход от принятого в логике понимания термина *метаязык* наблюдается в трудах европейских семиотиков Л. Ельмслева [21] и Р. Барта [22]. Метаязык начинает восприниматься как своеобразный код культуры, который реализуется в разного рода семиотических системах. Впоследствии в числе задач частных семиотик появляется описание метаязыков различных знаковых систем – от литературы и театра до мифологии и религиозных практик [23, 24]. Таким образом, можно констатировать, что на восприятие лингвистами понятия метаязыка существенное влияние оказали представители других наук, как минимум логики и семиотики.

Становление лингвистической традиции изучения метаязыка. Насколько нам удалось установить, первым лингвистом, употребившим термин *метаязык* в своей работе, стал американский ученый Э. Хауген. Свое исследование «Направления в современном языкознании» он представил на заседании Лингвистического общества в Чикаго в 1950 году. Несколько позже (в 1951 году) его доклад был опубликован в журнале «Language». Э. Хауген прямо говорит, что заимствует термин *метаязык* у логиков [25, с. 246]. При этом автор заявляет, что указанный термин «полезен и его следует принять» [25, с. 247]. Э. Хауген понимает метаязык как язык лингвистической науки, прежде всего ее терминологию. Развитие лингвистической теории рассматривается им как борьба метаязыков [25]. Таким образом, Э. Хауген стоял у истоков понимания метаязыка как специального научного конструкта, создаваемого и используемого с целью описания естественного языка. Зачастую для уточнения

предметной отнесенности термина его называют метаязыком лингвистики.

Необходимо признать, что обозначенная традиция в понимании и, как следствие, в изучении метаязыка долгое время доминировала как в мировом, так и в отечественном языкознании, что отразилось на кодификации значения термина. Так, в соответствующей статье большого энциклопедического словаря «Языкознание» метаязык трактуется как «язык “второго порядка”», по отношению к которому естественный человеческий язык выступает как “язык-объект”, т. е. как предмет языковедческого исследования». Поэтому содержательно метаязык «представляет собой сложное явление, в основе которого, с одной стороны, лежат системные отношения между терминами, с другой – общенаучная лексика, т. е. те слова и словосочетания, которые используются при описании различных аспектов языковедческого исследования»¹.

Таким образом, рассматриваемая исследовательская традиция изучает специализированный метаязык. В данном случае определение «специализированный» мы употребляем для того, чтобы подчеркнуть научное «происхождение» такого метаязыка, его специально отведенную роль. Традиция видеть в метаязыке метаязык лингвистики или язык других наук получила широкое распространение. Однако она не является единственной.

Развитие лингвистической традиции изучения метаязыка. Лингвистическая традиция исследования метаязыка восходит к трудам Р. Якобсона. Впервые свои идеи в этом направлении ученый сформулировал в докладе «*Metalanguage as a Linguistic Problem*», подготовленном для Американского лингвистического общества в 1956 году (т. е. через 6 лет после обнародования доклада Э. Хаугена) [26]. Р. Якобсон смотрел на проблему метаязыка гораздо шире, чем его предшественники. Вступая с ними в полемику, он отмечал, что «мета-

язык – это не только необходимый инструмент исследования, применяемый логиками и лингвистами; он играет важную роль и в нашем повседневном языке. Наподобие мольеровского Журдена, который говорил прозой, не зная этого, мы пользуемся метаязыком, не осознавая метаязыкового характера наших операций» [27, с. 201–202].

Заслуга Р. Якобсона заключается в том, что он впервые прямо указал на то, что «метаязыковые операции составляют важную и неотъемлемую часть нашей речевой деятельности» [28, с. 21], и назвал метаязык «решающим внутриязыковым фактором» [29, с. 382]. Тем самым Р. Якобсон обозначил метаязык не как специальный конструкт, создаваемый в процессе научного изучения и описания языка, а как имманентную способность самого языка, использующего собственные ресурсы для самоописания и самоинтерпретации.

При таком подходе объем понятия *метаязык* значительно расширился. В связи с этим в современной лингвистике наряду с пониманием метаязыка как специализированного конструкта утвердилось широкое понимание термина, которым стали обозначать «все языковые средства, референт которых способен присутствовать в языке и речи» и которые обладают способностью «эксплицировать все связанные с языком и его использованием явления, давать им метаимена и метаквалификацию» [30, с. 439]. Таким образом, исследовательская традиция, заложенная Р. Якобсоном, направлена прежде всего на изучение и описание неспециализированного метаязыка.

Рассмотрение метаязыка в трудах Р. Якобсона носило системный и многоаспектный характер. Р. Якобсон видел в метаязыке одновременно деятельность и продукт деятельности. Тем самым его концепция приобрела черты интегрального знания, синтезирующего в себе принципы антропоцентризма с принципами системоцентризма.

---

¹Гвишиани Н.Б. Метаязык // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Рос. энцикл., 1998. С. 297–298.

Признаки метаязыка как деятельности отчетливо проявляются при рассмотрении его функциональной природы. Модель функций естественного языка, разработанная Р. Якобсоном, – одна из самых цитируемых частей его лингвистического наследия. Указанная модель сформирована вокруг компонентов структуры коммуникативного акта – минимальной единицы речевой коммуникации [27, с. 197–203]. Р. Якобсон стал первым лингвистом, который определил место метаязыковой функции в системе функций естественного языка. Последняя ориентирована на код сообщения и сводится к толкованию элементов языкового кода [27, с. 202].

Функциональное направление изучения метаязыка получило дальнейшее развитие. В настоящий момент идеи Р. Якобсона образуют теоретический фундамент при исследовании функций метаязыковой рефлексии, собственных наивному метаязыковому сознанию. В ходе такого рода исследований устанавливается функциональное поле рефлексивной деятельности, обнаруживаются функциональные нюансы метаязыковых конструкций [11, 31–33]. При этом выявление языковых средств и способов выражения этих функций носит второстепенный характер. Обратную картину представляют собой работы, посвященные метаоператорам (метапоказателям), т. е. материальным сигналам в ткани текста, свидетельствующим о метаязыковой рефлексии. Работы этого типа имеют формальную точку отсчета: от формального маркера (метаоператора) лингвист переходит к поиску и фиксации его функций и семантических ролей [16, 34–39].

Разработка проблем метаязыка Р. Якобсоном придала мощный импульс развитию семантики. Известно, что период творческой активности Р. Якобсона пришелся на эпоху доминирования в лингвистической науке принципов структурализма. Семантика не относилась к числу приоритетных областей исследования в структурализме. Более того, целый ряд школ структурализма (в частности, американский дескриптивизм) в принципе отказывал значению

в объективном существовании. Оригинальный выход из научного тупика, который представляла собой проблема определения значения в структурализме, предложил Р. Якобсон. Заявляя, что «больше уже нельзя продолжать играть в прятки со значением и оценивать языковые структуры независимо от семантических проблем» [40, с. 311], он перенес центр тяжести определения значения знака в область метаязыковых операций. При этом Р. Якобсон считал, что «способность говорить на каком-то языке подразумевает также способность говорить об этом языке. Такая “метаязыковая” процедура позволяет пересматривать и заново описывать используемую языком лексику» [41, с. 363]. Интерпретативный потенциал метаязыка Р. Якобсон связывал с кардинальным свойством языка, состоящим в «переводимости любого знака в другой, более эксплицитный знак» [40, с. 313]. Итогом его размышлений стал вывод о том, что «для нас, лингвистов и просто носителей языка, значением любого лингвистического знака является его перевод в другой знак» [41, с. 362]. Тем самым Р. Якобсон стал автором так называемой операциональной концепции значения, суть которой заключается в использовании операций перефразирования с целью экспликации значения знака.

Концепция значения Р. Якобсона не теряет своей актуальности. Зачастую она выступает в качестве методологического субстрата для изучения высказываний с метаязыковой семантикой. Современные исследования метаязыковых контекстов открывают новые теоретические горизонты и характеризуются практической значимостью в области семасиологии и лексикографии [42–45]. Отдельно стоит отметить зарождение традиции изучения дискурсивных практик, основанных на метаязыковой деятельности коммуникантов. Примерами реализации такого рода практик являются различные тексты энигматической направленности от загадок до кроссвордов, а также их функциональные разновидности. Исследование таких текстов раскрывает их метаязыковое происхождение [46–50].

К числу важнейших идей, высказанных Р. Якобсоном, следует отнести его мысль о наличии тесной связи между метаязыковой и когнитивной функциями языка. Ученый утверждал, что «в своей когнитивной функции язык в наименьшей степени зависит от грамматических моделей, потому что определение нашего опыта находится в комплементарном отношении к метаязыковым операциям; когнитивный уровень языка не только допускает, но и прямо требует перекодирующей интерпретации, то есть перевода» [41, с. 366]. Взаимосвязь и взаимодействие указанных функций открывают двери для интеграции когнитивной лингвистики и металингвистики. Иными словами, они создают почву, предметную область для когнитивных исследований метаязыка. Количество последних в современной лингвистике неуклонно растет. Данный факт выглядит естественным в силу того, что концептуальное пространство знака в полной мере раскрывается именно в процессе его интерпретации, т. е. в суждениях метаязыкового характера. В современных исследованиях убедительно показано, что концептуальные рефлексивы (термин И.Т. Вепревой) играют важную роль в описании языковой картины мира, в реконструкции национальной концептосферы [51, 52]. Ученым удалось установить, что метаязыковые контексты не только фиксируют когнитивные структуры статического характера, прочно закрепленные в национальной картине мира, но также способны уловить динамические процессы, происходящие в концептуальной системе языка и выступающие маркерами изменений в обществе [53, 54].

Интерес к метаязыку для Р. Якобсона не замыкался в границах традиционной лингвистики. Знаменитый лингвист наметил перспективы междисциплинарного изучения метаязыковой деятельности. Он обозначил ключевую роль метаязыковой компетенции в онтогенезе, ссылаясь на то, что «первичное усвоение ребенком языка обеспечивается параллельным развитием метаязыковой функции, позволяющей размежевывать приобретенные словесные знаки и уяснить себе их семантическую при-

менимость» [55, с. 21]. Им убедительно были продемонстрированы связи между метаязыковой деятельностью и психическим развитием ребенка в целом и развитием его когнитивных способностей в частности. В дальнейшем исследовании метаязыковой компетенции привели к созданию междисциплинарного направления на стыке лингвистики, психологии и нейрофизиологии. Предметное поле данного направления расширяется и углубляется в современных трудах [56–58].

Выше нами уже отмечено, что Р. Якобсон рассматривал метаязык не только как динамический феномен, как деятельность, но также как продукт деятельности, структуру. Он определял метаязык как «часть языка», которая «тоже является структурным образованием, не имеющим аналогов в других знаковых системах» [40, с. 316]. Сформулировав указанное положение, Р. Якобсон заложил предпосылки изучения метаязыка как системы. Это позволяет ввести в круг лингвистических вопросов такие интересные проблемы, как анализ соответствия и взаимопроникновения структур языка и метаязыка, выявление особенностей системной организации метаязыка, установление особенностей функциональной асимметрии метаязыковых единиц, определение семиотических параметров метаязыка и др. Вместе с тем следует отметить, что к настоящему времени заявленные проблемы не получили глубокого и всестороннего рассмотрения. Потому лингвистическое наследие Р. Якобсона еще долго не исчерпает своего эвристического потенциала и будет служить теоретико-методологической платформой для актуальных и перспективных исследований метаязыка.

Заключение. Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что понятие метаязыка в лингвистической науке является одним из самых сложных и неоднозначных. Термин *метаязык* был заимствован языкознанием из логики. На начальном этапе развития понятия ощущалось значительное влияние со стороны логики и семиотики. Позднее в лингвистике сформировались две исследовательские традиции в изу-

чении метаязыка. Первая из них восходит к теоретической позиции, высказанной Э. Хаугеном, и заключается в рассмотрении метаязыка как специализированного научного конструкта (метаязыка лингвистики), служащего для описания и объяснения феномена языка. Вторая традиция была заложена в трудах Р. Jakobsona, который видел в метаязыке способность «штатных элементов» естественного языка к самоописанию и самоинтерпретации. Сформированные традиции дали основания говорить о возможности узкой и широкой трактовки метаязыка. При этом оба подхода к пониманию метаязыка не только не исключают, а скорее дополняют друг друга.

В лингвистической науке долгое время превалировала узкая трактовка метаязыка. Данный факт отражался на исследовательской практике и способствовал тому, что в фокусе внимания лингвистов находились вопросы специализированного метаязыка, т. е. терминологическая система лингвистики, а также терминологические системы других наук.

Новый импульс в исследовании метаязыка, пик которого приходится на последнее десяти-

летие, мы связываем с обращением к лингвистическому наследию Р. Jakobsona. В настоящей работе подтверждена гипотеза о том, что большинство современных подходов к рассмотрению метаязыка нашло теоретические основания в концепции Р. Jakobsona. Так, функциональное направление исследования метаязыка восходит к знаменитой функциональной модели языка, в которой одну из важнейших ролей Р. Jakobson отводил метаязыковой функции. Исследования метаязыковой семантики опираются на операциональную концепцию значения, обоснованную Р. Jakobsonом в его полемике со структуралистами. Также Р. Jakobson предвидел продуктивность когнитивных исследований метаязыка в силу того факта, что метаязыковая и когнитивная функции тесно связаны между собой и фактически находятся в комплементарных отношениях. Наконец, мысли ученого о значимости метаязыковой компетенции для когнитивного развития личности способствовали формированию междисциплинарного направления, предметом рассмотрения которого являются механизмы психического развития в онтогенезе.

Список литературы

1. Демьянков В.З. Метаязык как конструкт культуры // Под знаком «Мета»: материалы конф. «Языки и метаязыки в пространстве культуры» в Ин-те языкознания РАН / под ред. Ю.С. Степанова, В.В. Фещенко, Е.М. Князевой, С.Ю. Бочавер. М.; Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Изд-во «Эйдос»), 2011. С. 54–63.
2. Кравченко М.А. Содержание понятия «метаязык» в современной лингвистике // Языковая личность. Речевые жанры. Текст: сб. науч. ст. Таганрог: ТГПИ, 2011. С. 47–50.
3. Репринцева М.А. Понятие метаязыка и его трактовки // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер.: Филология. 2014. № 2. С. 232–237.
4. Мечковская Н.Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета // Рус. яз. в науч. освещении. 2006. № 2(12). С. 165–185.
5. Венрева И.Т. Метаязыковой привкус эпохи. Избранные работы последнего десятилетия. Saarbrücken: Palmarium Acad. Publ., 2014. 223 с.
6. Kačerauskas T., Mickūnas A. Language, Metalanguage, and Communication // In Between Communication Theories Through One Hundred Questions. Humanities. Arts and Humanities in Progress. Cham: Springer, 2020. P. 127–157. http://dx.doi.org/10.1007/978-3-030-41106-0_8
7. Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2005. 306 с.
8. Батюкова Н.А. Метаязыковые средства современной публицистической и художественной речи: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 463 с.

9. Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллектив. моногр. / отв. ред. Н.Д. Голев. Ч. 1. Кемерово; Барнаул, 2009. 530 с.; Ч. 2. Томск, 2009. 456 с.; Ч. 3. Кемерово, 2010. 459 с.; Ч. 4. Кемерово, 2012. 481 с.
10. Андрусенко Е.А. Метаязыковая рефлексия в художественных текстах В.П. Астафьева: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2012. 204 с.
11. Шумарина М.Р. Язык в зеркале художественного текста. (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы): моногр. М.: Флинта: Наука, 2011. 325 с.
12. Виноградов А.С. Метатекстовые включения как способы репрезентации интегративной индивидуальности в научном дискурсе (на материале текстов российских лингвистов): дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2018. 195 с.
13. Гаврилова А.А. Метатекстовые элементы в научном тексте. Саратов: Сарат. соц.-экон. ин-т (фил.) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017. 178 с.
14. Гutowская М.С. Лексико-фразеологическая структура поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках. Минск: БГУ, 2019. 399 с.
15. Иवानников Е.Б. Языковая рефлексия в интернет-жаргоне: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2020. 179 с.
16. Лю Эньиуай. Функционирование метатекстовых операторов с компонентами «говорить» и «сказать» в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2022. 124 с.
17. Постовалова В.И. Идея «мета» в самосознании культуры XX–XXI веков // Метафизика. 2012. № 4(6). С. 6–25.
18. Тарский А. Истина и доказательство // Вопр. философии. 1972. № 8. С. 136–145.
19. Carnap R. Foundations of Logic and Mathematics // The Structure of Language: Readings in the Philosophy of Language / ed. by J.A. Fodor, J.J. Katz. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1964. P. 419–436.
20. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика: Антология / сост. Ю.С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Акад. Проект; Екатеринбург: Деловая кн., 2001. С. 45–97.
21. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1 / сост., ред. и вступ. ст. В.А. Звегинцева. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. С. 264–389.
22. Барт Р. Основы семиологии // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 247–310.
23. Барт Р. Литература и метаязык // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 131–132.
24. Под знаком «Мета»: материалы конф. «Языки и метаязыки в пространстве культуры» в Ин-те языкознания РАН / под ред. Ю.С. Степанова, В.В. Фещенко, Е.М. Князевой, С.Ю. Бочавер. М.; Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Изд-во «Эйдос»), 2011. 354 с.
25. Хауген Э. Направления в современном языкознании // Новое в лингвистике. Вып. 1 / сост., ред. и вступ. ст. В.А. Звегинцева. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. С. 244–263.
26. Jakobson R. Metalanguage as a Linguistic Problem // Contributions to Comparative Mythology. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 1985. Vol. VII. P. 113–121.
27. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст / под ред. Е.Я. Басина, М.Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.
28. Якобсон Р. К языковедческой проблематике сознания и бессознательности // Якобсон Р. Язык и бессознательное / пер. с англ., фр. К. Голубович, Д. Епифанова, Д. Кротовой, К. Чухрукидзе, В. Шеворошкина; сост., вступ. сл. К. Голубович, К. Чухрукидзе; ред. пер. Ф. Успенский. М.: Гнозис, 1996. С. 13–26.
29. Якобсон Р. Лингвистика в ее отношении к другим наукам // Якобсон Р. Избранные работы / сост. и общ. ред. В.А. Звегинцева, предисл. Вяч. Вс. Иванова. М.: Прогресс, 1985. С. 369–420.
30. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005. 639 с.
31. Андрусенко Е.А. Функции метатекста в художественном тексте (на материале произведений В. Астафьева) // Сиб. филол. журн. 2011. Вып. 1. С. 89–94. <https://doi.org/10.17223/18137083/34/13>
32. Кузнецова А.В. Метатекст в художественном тексте: прагматика и функции // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2020. Т. 13, вып. 9. С. 265–268. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.49>
33. Бабенко Н.Г., Корешкова Е.К. Функциональный анализ языковой рефлексии в романе Евгения Водолазкина «Оправдание острова» // Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2021. № 4. С. 24–32.
34. Байдуж Л.М. Стратегии квазиноминаций, реализуемые в высказываниях с метапоказателем *скажем так* // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2017. Т. 16, № 9. С. 59–64.

35. *Перфильева Н.П.* Семасиологические метапоказатели как система // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2017. Т. 16, № 9. С. 49–57.
36. *Цесарская А.Е., Шестопалова В.И.* Метапоказатели автокоррекции в разговорной речи // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2017. Т. 16, № 9. С. 65–75.
37. *Shilikhina K.* Metapragmatic Markers of the Bona Fide and Non-Bona Fide Modes of Communication // *Humorous Discourse* / ed. by W. Chlopicki, D. Brzozowska. Berlin: De Gruyter Mouton, 2017. P. 107–130.
38. *Богданова-Бегларян Н.В.* ТАК СКАЗАТЬ – рождение прагматического маркера (об активных процессах в русской устной речи) // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: сб. науч. ст. / отв. ред. Л.В. Радцбургская. М.: Флинта, 2021. С. 73–85.
39. *Кравченко М.А.* Если угодно: филологический этюд к портрету метаоператора (на материале Национального корпуса русского языка) // Теорет. и приклад. лингвистика. 2023. Вып. 9, № 4. С. 57–67.
40. *Якобсон Р.* Речевая коммуникация // *Якобсон Р.* Избранные работы / сост. и общ. ред. В.А. Звегинцева, предисл. Вяч. Вс. Иванова. М.: Прогресс, 1985. С. 306–318.
41. *Якобсон Р.* О лингвистических аспектах перевода // *Якобсон Р.* Избранные работы / сост. и общ. ред. В.А. Звегинцева, предисл. Вяч. Вс. Иванова. М.: Прогресс, 1985. С. 361–368.
42. *Голев Н.Д.* Словарь обыденных толкований слов: концепция и опыт реализации // *Вопр. лексикографии.* 2013. № 2(4). С. 48–64.
43. *Левенталь И.В.* Стратегии толкования слов обыденного метаязыкового сознания и их применение в учебной лексикографии // *Филол. науки. Вопр. теории и практики.* 2014. № 8(38), ч. 2. С. 77–81.
44. *Мартынова И.А.* Прагматический компонент лексического значения нового слова: взгляд сквозь призму метаязыкового сознания // *Актуал. проблемы лингвистики, переводоведения и педагогики.* 2019. № 1(6). С. 59–64.
45. *Жакупова А.Д.* Отражение обыденного метаязыкового сознания в двуязычном мотивационно-сопоставительном словаре: межкультурный диалог // *Лексикография цифровой эпохи: сб. материалов Междунар. симп. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та,* 2021. С. 397–400. <https://doi.org/10.17223/978-5-907442-19-1-2021-132>
46. *Денисова Е.А.* Структура и функции энигматического текста (на материале русских загадок и кроссвордов): дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 226 с.
47. *Волкова М.В.* Загадка и кроссворд как типы текста: семантический и прагматический аспекты (на материале немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2011. 167 с.
48. *Никитина Л.Б., Гейко Е.В.* Когнитивная природа и номинативные механизмы интеллектуальной игры (на примере кроссвордов) // *Вестн. Омск. гос. пед. ун-та. Гуманит. исслед.* 2021. № 2(31). С. 117–122. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2021-31-117-122>
49. *Кравченко М.А.* Дистрибутивные интерпретанты в метаязыке кроссворда // *Слово.ру: балт. акцент.* 2023. Т. 14, № 2. С. 83–92. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-2-5>
50. *Кравченко М.А.* Кроссворд как продукт метаязыковой деятельности носителей языка // *Гуманит. науки и образование.* 2022. Т. 13, № 3(51). С. 139–145. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2022_13_03_139
51. *Вепрева И.Т., Мальцева Т.В.* Базовые ценности россиян в отражении языковой рефлексии // *Полит. лингвистика.* 2017. № 1(61). С. 113–120.
52. *Чжао Юаньцзэ.* Метаязыковое пространство в контексте концептологии // *Соврем. ученый.* 2021. № 1. С. 172–175.
53. *Vepreva I., Kuprina T.* Coronavirus and Us: Metalinguistic Portrait of Covid-19 Pandemic // *The Russian Language in Modern Scientific and Educational Environment* / ed. by V.M. Shaklein. London: European Publ., 2021. P. 342–354.
54. *Вепрева И.Т.* Метаязыковые высказывания как сигналы социально-психологического климата периода коронавирусной пандемии // *Русский язык в современном научном и образовательном пространстве: сб. тез. Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию проф. Серафимы Алексеевны Хаврониной* / под общ. ред. В.М. Шапклина. М.: РУДН, 2020. С. 46–48.
55. *Якобсон Р.* К языковедческой проблематике сознания и бессознательности // *Якобсон Р.* Язык и бессознательное / пер. с англ., фр. К. Голубович, Д. Епифанова, Д. Кротовой, К. Чухрукидзе, В. Шеворошкина; сост., вступ. сл. К. Голубович, К. Чухрукидзе; ред. пер. Ф. Успенский. М.: Гнозис, 1996. С. 13–26.
56. *Гридина Т.А.* Метаязыковая рефлексия как форма лингвокреативного мышления ребенка // *Проблемы онтолингвистики 2016: материалы ежегод. междунар. науч. конф.* Иваново: Листос, 2016. С. 182–188.
57. *Ушакова О.С., Лаврентьева А.И.* Метаязыковая деятельность в процессе формирования языковой способности дошкольников // *Инновац. проекты и прогр. в образовании.* 2019. № 3. С. 72–75.
58. *Воробьева Т.А.* К вопросу о разграничении метаязыковой деятельности и языковой рефлексии детей // *Изв. РГПУ им. А.И. Герцена.* 2020. № 196. С. 61–68. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2020-196-61-68>

References

1. Dem'yankov V.Z. Metayazyk kak konstrukt kul'tury [Metalanguage as a Cultural Construct]. Stepanov Yu.S., Feshchenko V.V., Knyazeva E.M., Bochaver S.Yu. (eds.). *Pod znakom "Meta"* [Under the "Meta" Sign]. Moscow, 2011, pp. 54–63.
2. Kravchenko M.A. Soderzhanie ponyatiya "metayazyk" v sovremennoy lingvistike [The Content of the Concept of Metalanguage in Modern Linguistics]. *Yazykovaya lichnost'. Rechevye zhanry. Tekst* [Linguistic Personality. Speech Genres. Text]. Taganrog, 2011, pp. 47–50.
3. Reprintseva M.A. Ponyatie metayazyka i ego traktovki [Ways to Understand Metalanguage]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya*, 2014, no. 2, pp. 232–237.
4. Mechkovskaya N.B. Estestvennyy yazyk i metayazykovaya refleksiya v vek Interneta [Natural Language and Metalinguistic Reflection in the Internet Age]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2006, no. 2, pp. 165–185.
5. Vepreva I.T. *Metayazykovoy privkus epokhi. Izbrannye raboty poslednego desyatiletiya* [Metalinguistic Smack of the Era. Selected Works of the Last Decade]. Saarbrücken, 2014. 223 p.
6. Kačerauskas T., Mickūnas A. Language, Metalanguage, and Communication. In *Between Communication Theories Through One Hundred Questions. Humanities. Arts and Humanities in Progress*. Cham, 2020, pp. 127–157. http://dx.doi.org/10.1007/978-3-030-41106-0_8
7. Zolotova N.O. *Yadro mental'nogo leksikona cheloveka kak estestvennyy metayazyk* [The Core of the Human Mental Vocabulary as a Natural Metalanguage: Diss.]. Tver, 2005. 306 p.
8. Batyukova N.A. *Metayazykovye sredstva sovremennoy publitsisticheskoy i khudozhestvennoy rechi* [Metalinguistic Devices of Modern Journalistic and Belle-Lettres Language: Diss.]. Moscow, 2009. 463 p.
9. Golev N.D. (ed.). *Obydennoe metayazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Ordinary Metalinguistic Consciousness: Ontological and Epistemological Aspects]. Pt. 1. Kemerovo, 2009. 530 p.; Pt. 2. Tomsk, 2009. 456 p.; Pt. 3. Kemerovo, 2010. 459 p.; Pt. 4. Kemerovo, 2012. 481 p.
10. Andrusenko E.A. *Metayazykovaya refleksiya v khudozhestvennykh tekstakh V.P. Astaf'eva* [Metalinguistic Reflection in V.P. Astafiev's Works of Fiction: Diss.]. Kemerovo, 2012. 204 p.
11. Shumarina M.R. *Yazyk v zerkale khudozhestvennogo teksta. (Metayazykovaya refleksiya v proizvedeniyakh russkoy prozy)* [Language in the Mirror of a Work of Fiction. (Metalinguistic Reflection in Russian Prose)]. Moscow, 2011. 325 p.
12. Vinogradov A.S. *Metatekstovye vkhlyucheniya kak sposoby reprezentatsii integrativnoy individual'nosti v nauchnom diskurse (na materiale tekstov rossiyskikh lingvistov)* [Metatextual Inclusions as Ways of Representing Integrative Individuality in Scientific Discourse (Based on the Texts of Russian Linguists): Diss.]. Vologda, 2018. 195 p.
13. Gavrilova A.A. *Metatekstovye elementy v nauchnom tekste* [Metatextual Elements in a Scientific Text]. Saratov, 2017. 178 p.
14. Gutovskaya M.S. *Leksiko-frazeologicheskaya struktura polya metayazykovykh oboznacheniy v russkom i angliyskom yazykakh* [Lexical and Phraseological Structure of the Field of Metalinguistic Notation in Russian and English]. Minsk, 2019. 399 p.
15. Ivannikov E.B. *Yazykovaya refleksiya v internet-zhargone* [Linguistic Reflection in Internet Slang: Diss.]. St. Petersburg, 2020. 179 p.
16. Liu Enshuai. *Funktsionirovanie metatekstovykh operatorov s komponentami "govorya" i "skazat'" v sovremennom russkom yazyke* [Functioning of Metatextual Operators with the Components *govorya* and *skazat'* in Modern Russian: Diss.]. Vladivostok, 2022. 124 p.
17. Postovalova V.I. Ideya "meta" v samosoznanii kul'tury XX–XXI vekov [The Idea of "Meta" in the Self-Awareness of Culture in the 20th – 21st Centuries]. *Metafizika*, 2012, no. 4, pp. 6–25.
18. Tarski A. Istina i dokazatel'stvo [Truth and Proof]. *Voprosy filosofii*, 1972, no. 8, pp. 136–145.
19. Carnap R. Foundations of Logic and Mathematics. Fodor J.A., Katz J.J. (eds.). *The Structure of Language: Readings in the Philosophy of Language*. Englewood Cliffs, 1964, pp. 419–436.
20. Morris C.W. Osnovaniya teorii znakov [Foundations of the Theory of Signs]. Stepanov Yu.S. (comp.). *Semiotika: Antologiya* [Semiotics: An Anthology]. Moscow, 2001, pp. 45–97.
21. Hjelmslev L. Prolegomeny k teorii yazyka [Prolegomena to a Theory of Language]. Zvegintseva V.A. (comp.). *Novoe v lingvistike* [Advances in Linguistics]. Iss. 1. Moscow, 1960, pp. 264–389.
22. Barthes R. Osnovy semiologii [Fundamentals of Semiology]. *Frantsuzskaya semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French Semiotics: From Structuralism to Poststructuralism]. Moscow, 2000, pp. 247–310.
23. Barthes R. Literatura i metayazyk [Literature and Metalanguage]. Barthes R. *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected Works: Semiotics: Poetics]. Moscow, 1989, pp. 131–132.

24. Stepanov Yu.S., Feshchenko V.V., Knyazeva E.M., Bochaver S.Yu. (eds.). *Pod znakom "Meta"* [Under the "Meta" Sign]. Moscow, 2011. 354 p.
25. Haugen E. Napravleniya v sovremennom yazykoznanii [Fields of Research in Modern Linguistics]. Zvegintseva V.A. (comp.). *Novoe v lingvistike* [Advances in Linguistics]. Iss. 1. Moscow, 1960, pp. 244–263.
26. Jakobson R. Metalanguage as a Linguistic Problem. *Contributions to Comparative Mythology*. Berlin, 1985. Vol. VII, pp. 113–121.
27. Jakobson R. Lingvistika i poetika [Linguistics and Poetics]. Basin E.Ya., Polyakov M.Ya. (eds.). *Strukturalizm: "za" i "protiv"* [Structuralism: Pros and Cons]. Moscow, 1975, pp. 193–230.
28. Jakobson R. K yazykovedcheskoy problematike soznaniya i bessoznatel'nosti [On the Linguistic Approach to the Problem of Consciousness and the Unconscious]. Jakobson R. *Yazyk i bessoznatel'noe* [Language and the Unconscious]. Moscow, 1996, pp. 13–26.
29. Jakobson R. Lingvistika v ee otnoshenii k drugim naukam [Linguistics in Relation to Other Sciences]. Jakobson R. *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow, 1985, pp. 369–420.
30. Ryabtseva N.K. *Yazyk i estestvennyy intellekt* [Language and Natural Intelligence]. Moscow, 2005. 639 p.
31. Andrusenko E.A. Funktsii metateksta v khudozhestvennom tekste (na materiale proizvedeniy V. Astaf'eva) [The Functions of Metatext in Fiction (Based on Works by V. Astafiev)]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*, 2011, no. 1, pp. 89–94. <https://doi.org/10.17223/18137083/34/13>
32. Kuznetsova A.V. Metatekst v khudozhestvennom tekste: pragmatika i funktsii [Meta-Text in Fiction Text: Pragmatics and Functions]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2020, vol. 13, no. 9, pp. 265–268. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.49>
33. Babenko N.G., Koreshkova E.K. Funktsional'nyy analiz yazykovoy refleksii v romane Evgeniya Vodolazkina "Opravdanie ostrova" [Functional Analysis of the Linguistic Reflection in Evgeny Vodolazkin's "Justification of the Island"]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Filologiya, pedagogika, psikhologiya*, 2021, no. 4, pp. 24–32.
34. Bayduzh L.M. Strategii kvazinominatsiy, realizuemye v vyskazyvaniyakh s metapokazatelem *skazhem tak* [The Quasi-Nominations Strategies Realized in Statements with the Expression *skazhem tak* (So to Say)]. *Vestnik NGU. Ser.: Istoriya, filologiya*, 2017, vol. 16, no. 9, pp. 59–64.
35. Perfil'eva N.P. Semasiologicheskie metapokazateli kak sistema [Semasiological Metatextual Indicators as a System]. *Vestnik NGU. Ser.: Istoriya, filologiya*, 2017, vol. 16, no. 9, pp. 49–57.
36. Tsesarskaya A.E., Shestopalova V.I. Metapokazateli avtokorreksii v razgovornoy rechi [Discourse Words as a Sign of a Self-Correction in a Colloquial Speech]. *Vestnik NGU. Ser.: Istoriya, filologiya*, 2017, vol. 16, no. 9, pp. 65–75.
37. Shilikhina K. Metapragmatic Markers of the Bona Fide and Non-Bona Fide Modes of Communication. Chlopicki W., Brzozowska D. (eds.). *Humorous Discourse*. Berlin, 2017, pp. 107–130.
38. Bogdanova-Beglaryan N.V. *TAK SKAZAT'* – rozhdenie pragmaticheskogo markera (ob aktivnykh protsessakh v russkoy ustnoy rechi) [*Tak skazat'* – the Origin of the Pragmatic Marker (on Active Processes in Russian Speech)]. Ratsiburskaya L.V. (ed.). *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke: natsional'noe i internatsional'noe* [Active Processes in the Modern Russian Language: The National and the International]. Moscow, 2021, pp. 73–85.
39. Kravchenko M.A. *Esli ugodno*: filologicheskii etyud k portretu metaoperatora (na materiale Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka) [*Esli ugodno* 'If You Will': A Philological Sketch for the Portrait of a Metaoperator (Based on the Russian National Corpus)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*, 2023, iss. 9, no. 4, pp. 57–67.
40. Jakobson R. Rehevaya kommunikatsiya [Verbal Communication]. Jakobson R. *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow, 1985, pp. 306–318.
41. Jakobson R. O lingvisticheskikh aspektakh perevoda [On the Linguistic Aspects of Translation]. Jakobson R. *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow, 1985, pp. 361–368.
42. Golev N.D. Slovar' obydenykh tolkovaniy slov: kontseptsiya i opyt realizatsii [The Dictionary of the Common Interpretation of Russian Words: The Conception and the Experience of Its Implementing]. *Voprosy leksikografii*, 2013, no. 2, pp. 48–64.
43. Levental' I.V. Strategii tolkovaniya slov obydenного metayazykovogo soznaniya i ikh primenenie v uchebnoy leksikografii [Interpretation Strategies of Words of Ordinary Metalinguistic Consciousness and Their Application in Academic Lexicography]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2014, no. 8, pt. 2, pp. 77–81.
44. Martynova I.A. Pragmaticheskii komponent leksicheskogo znacheniya novogo slova: vzglyad skvoz' prizmu metayazykovogo soznaniya [Pragmatics of a New Word Formation Through the Metalanguage Consciousness]. *Aktual'nye problemy lingvistiki, perevodovedeniya i pedagogiki*, 2019, no. 1, pp. 59–64.
45. Zhakupova A.D. Otrazhenie obydenного metayazykovogo soznaniya v dvuyazychnom motivatsionno-sopostavitel'nom slovare: mezhkul'turnyy dialog [Reflection of Ordinary Metalinguistic Awareness in Bilingual

Motivational and Comparative Vocabulary: Intercultural Dialogue]. *Leksikografiya tsifrovoy epokhi* [Lexicography in the Digital Era]. Tomsk, 2021, pp. 397–400. <https://doi.org/10.17223/978-5-907442-19-1-2021-132>

46. Denisova E.A. *Struktura i funktsii enigmaticheskogo teksta (na materiale russkikh zagadok i krossvordov)* [Structure and Functions of the Enigmatic Text (Based on Russian Riddles and Crosswords: Diss.)]. Moscow, 2008. 226 p.

47. Volkova M.V. *Zagadka i krossvord kak tipy teksta: semanticheskii i pragmaticheskii aspekty (na materiale nemetskogo yazyka)* [Riddle and Crossword as Types of Text: Semantic and Pragmatic Aspects (Based on the German Language): Diss.]. Smolensk, 2011. 167 p.

48. Nikitina L.B., Geyko E.V. Kognitivnaya priroda i nominativnye mekhanizmy intellektual'noy igry (na primere krossvordov) [Cognitive Nature and Nominative Mechanisms of Intellectual Game (On the Example of Crosswords)]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, 2021, no. 2, pp. 117–122. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2021-31-117-122>

49. Kravchenko M.A. Distributivnye interpretanty v metayazyke krossvorda [Distributive Interpretants in the Crossword Metalanguage]. *Slovo.ru: baltiyskiy akcent*, 2023, vol. 14, no. 2, pp. 83–92. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-2-5>

50. Kravchenko M. A. Crossword Puzzle as a Product of Metalanguage Activity of Native Speakers. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*, 2022, vol. 13, no. 3, pp. 139–145 (in Russ.). https://doi.org/10.51609/2079-3499_2022_13_03_139

51. Vepreva I.T., Mal'tseva T.V. Bazovye tsennosti rossiyan v otrazhenii yazykovoy refleksii [Basic Values of Russians in Reflection of Language Self-Consciousness]. *Politicheskaya lingvistika*, 2017, no. 1, pp. 113–120.

52. Zhao Yuanze. Metayazykovoe prostranstvo v kontekste kontseptologii [Metalanguage Space in the Context of Conceptology]. *Sovremennyy uchenyy*, 2021, no. 1, pp. 172–175.

53. Vepreva I., Kuprina T. Coronavirus and Us: Metalinguistic Portrait of Covid-19 Pandemic. Shaklein V.M. (ed.). *The Russian Language in Modern Scientific and Educational Environment*. London, 2021, pp. 342–354.

54. Vepreva I.T. Metayazykovye vyskazyvaniya kak signaly sotsial'no-psikhologicheskogo klimata perioda koronavirusnoy pandemii [Metalinguistic Statements as Signals of the Socio-Psychological Climate During the Coronavirus Pandemic]. Shaklein V.M. (ed.). *Russkiy yazyk v sovremenom nauchnom i obrazovatel'nom prostranstve* [Russian Language in the Modern Scientific and Educational Space]. Moscow, 2020, pp. 46–48.

55. Jakobson R. K yazykovedcheskoy problematike soznaniya i bessoznatel'nosti [On the Linguistic Approach to the Problem of Consciousness and the Unconscious]. Jakobson R. *Yazyk i bessoznatel'noe* [Language and the Unconscious]. Moscow, 1996, pp. 13–26.

56. Gridina T.A. Metayazykovaya refleksiya kak forma lingvokreativnogo myshleniya rebenka [Metalinguistic Reflection as a Form of a Child's Linguistic Creative Thinking]. *Problemy ontolingvistiki 2016* [Issues of Ontolinguistics 2016]. Ivanovo, 2016, pp. 182–188.

57. Ushakova O.S., Lavrent'eva A.I. Metayazykovaya deyatelnost' v protsesse formirovaniya yazykovoy sposobnosti doshkol'nikov [Metalinguistic Activity for Building Linguistic Competence in Preschool Students]. *Innovatsionnye proekty i programmy v obrazovanii*, 2019, no. 3, pp. 72–75.

58. Vorob'eva T.A. K voprosu o razgranichenii metayazykovoy deyatelnosti i yazykovoy refleksii detey [On the Issue of Differentiating Children's Metalinguistic Activity and Their Language Reflection]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*, 2020, no. 196, pp. 61–68. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2020-196-61-68>

Информация об авторе

М.А. Кравченко – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Массовые коммуникации и прикладная лингвистика» Ростовского государственного института путей сообщения (адрес: 344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, д. 2).

Information about the author

Mikhail A. Kravchenko, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of Mass Communication and Applied Linguistics, Rostov State Transport University (address: pl. Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolcheniya 2, Rostov-on-Don, 344000, Russia).

Поступила в редакцию 12.03.2024

Одобрена после рецензирования 20.05.2024

Принята к публикации 22.05.2024

Submitted 12 March 2024

Approved after reviewing 20 May 2024

Accepted for publication 22 May 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 4. С. 101–108.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 4, pp. 101–108.

Научная статья

УДК 81'373.612.2+81-139

DOI: 10.37482/2687-1505-V365

Метафорический медиаобраз пожилого человека в китайской социальной сети «Доуинь»

Ирина Геннадьевна Нагибина¹

Виктория Геннадиевна Моргун²✉

^{1,2}Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

¹e-mail: irina_nagibina@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0696-5797>

²e-mail: v.g.morgun@bk.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8339-6236>

Аннотация. В настоящее время социальные сети, транслирующие большой объем коротких видео, набирают популярность в Китае, в связи с чем стремительно увеличивается их влияние на общество. Полимодалные перцептивные образы, конструируемые такими видеороликами, обладают целостностью, структурностью и константностью. В Китае одной из наиболее известных медиаплатформ для просмотра коротких видео и формирования отдельного образа является «Доуинь» (抖音). Важно отметить, что одним из ключевых транслируемых медиаобразов в данной социальной сети выступает медиаобраз пожилого человека. Это связано не только с аттрактивностью персонажа преклонного возраста и его/ее увлечений, но и с тем, что в стране наблюдается феномен быстрого старения ввиду увеличения продолжительности жизни и снижения рождаемости. Предлагаемая статья посвящена анализу метафорической модели, актуализирующей различные признаки представления медиаобразов пожилого человека в китайском медиадискурсе. Проведенный авторами скрининг видеороликов социальной сети «Доуинь» базируется на таких методах, как контекстуальный и описательный анализ, метод культурологической интерпретации. В работе с точки зрения теории метафорического моделирования раскрывается понятие метафоры не только как отдельного вида дискурса, но и как средства концептуализации образа в сознании носителей языка. При создании медиаобразов пожилого человека наиболее частотными метафорическими сравнениями выступают: «пожилой человек – ребенок», «пожилой человек – святой/бессмертный» и «пожилой человек – сокровище/драгоценность». В исследовании также подчеркивается, что в китайском медиапространстве образ человека преклонного возраста является положительным, поскольку пожилой человек обладает рядом навыков и характеристик, которые отвечают потребностям и интересам большинства пользователей сети.

Ключевые слова: метафора, метафорическая модель, медиадискурс, медиаобраз пожилого человека, китайский язык, социальная сеть «Доуинь»

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01172): «Исследование медиа-коммуникативного пространства современного Китая: специфика политического дискурса и социальных сетей».

Для цитирования: Нагибина, И. Г. Метафорический медиаобраз пожилого человека в китайской социальной сети «Доуинь» / И. Г. Нагибина, В. Г. Моргун // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 4. – С. 101-108. – DOI 10.37482/2687-1505-V365.

Original article

The Metaphorical Media Image of an Elderly Person in the Chinese Social Network Douyin

Irina G. Nagibina¹

Viktoriya G. Morgun²✉

^{1,2}Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

¹e-mail: irina_nagibina@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0696-5797>

²e-mail: v.g.morgun@bk.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8339-6236>

Abstract. Currently, short-form video hosting services are gaining popularity in China, which means that their influence on society is rapidly increasing. Multimodal perceptual images constructed by these short videos have integrity, structure and constancy. One of the most well-known social media platforms in China for watching short videos and creating a certain image is Douyin. It is important to note that one of the key media images broadcast in this social network is the media image of an elderly person. This can be explained not only by the attractiveness of an elderly character and his/her hobbies, but also by the fact that the elderly population in China has been growing (rapid ageing phenomenon) due to an increase in life expectancy and declining birthrate. The article analyses the metaphorical model that actualizes various features of the representation of the media image of an elderly person in Chinese media discourse. The screening of Douyin videos conducted by the authors is based on such methods as contextual and descriptive analysis, as well as cultural interpretation. The paper turns to the theory of metaphorical modelling and views the concept of metaphor not only as a separate type of discourse, but also as a means of conceptualizing an image in the minds of native speakers. The most frequent metaphors used to create a media image of an elderly person are as follows: “an elderly person is a child”, “an elderly person is a saint/immortal being” and “an elderly person is a treasure/precious thing”. The study also points out that in the Chinese media space, the image of an elderly person is positive since an older adult has a number of skills and characteristics that meet the needs and interests of the majority of the platform’s users.

Keywords: *metaphor, metaphorical model, media discourse, media image of an elderly person, Chinese language, Douyin social network*

Funding: The research was funded through the Russian Science Foundation grant (project no. 23-28-01172): “Study of Media Communication Space of Modern China: Political Discourse and Social Networks”.

For citation: Nagibina I.G., Morgun V.G. The Metaphorical Media Image of an Elderly Person in the Chinese Social Network Douyin. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 4, pp. 101–108. DOI: 10.37482/2687-1505-V365

Введение. Одной из значимых характеристик демографической ситуации в Китае является старение населения как социальное последствие государственной политики «одна семья – один ребенок». По данным Седьмой всекитайской переписи населения 2021 года,

люди в возрасте старше 60 лет составляют 18,7 % от всего населения Китая, а по прогнозам ученых, к 2035 году эта цифра превысит 45 % [1, с. 157].

Актуальность настоящей работы обусловлена особенностями антропоцентриче-

ской парадигмы современной лингвистики, которая предполагает изучение динамического образа пожилого человека и реализацию его коммуникативных навыков в медиапространстве с учетом культурологического аспекта.

Метафорический медиаобраз пожилого человека в Китае включает в себя большой объем информации национально-культурного характера, поскольку отражает фрагменты не только языковой, но и визуальной картины мира носителей. Изучение данного явления способствует преодолению трудностей культурологического плана в межкультурной коммуникации, которые могут быть вызваны несоответствием ролевых ожиданий и предписаний в обществе.

Таким образом, цель настоящей статьи состоит в комплексном описании метафорического образа пожилого человека в современном медиапространстве Китая.

В соответствии с поставленной целью определены следующие задачи:

- рассмотреть понятие «медиаобраз» в работах отечественных и зарубежных ученых;
- определить характерные особенности метафорической концептуализации медиаобраза пожилого человека в Китае;
- выявить наиболее частотные концептуальные метафоры;
- изучить доминантные характеристики и ключевые прагматические интенции метафор в реконструируемом медиаобразе;
- проанализировать (не)языковые средства, применяемые в конструировании медиаобраза пожилого человека в Китае.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили ролики китайской социальной сети «Доуинь», отобранные путем сплошной выборки в количестве 112 единиц. При обработке эмпирических данных использовались следующие методы: 1) метод контекстуального моделирования, направленный на выявление метафорических образов и их анализ; 2) описательный

метод, репрезентирующий специфику метафорических выражений; 3) культурологический метод.

Теоретическое ядро. Как отмечает А.С. Гаттерман, пожилых людей часто изображают в негативном свете в СМИ, что приводит к феномену стигматизации стариков среди молодежи. В связи с этим правительства всех стран, входящих в Евразийскую экономическую комиссию Организации объединенных наций и сотрудничающих с ней, приняли решение содействовать распространению информации о старении, предложив как отдельным группам лиц, так и представителям СМИ сотрудничество в организации различных мероприятий и медиапроектов с участием пожилых людей [2, с. 4].

Важно подчеркнуть, что современный пожилой человек в Китае наравне с молодежью активно вовлечен в интернет-коммуникацию, в связи с чем особенности его репрезентации в интернет-пространстве становятся актуальным объектом исследования. Концептуализированные медиаобразы пожилого человека имеют широкое распространение в китайских социальных сетях для создания и просмотра коротких видео, где пользователи прибегают к языку образов, отражая свое восприятие мира через метафоры.

Концептуальный или концептуализируемый образ – это чувственный образ, выступающий как конкретное (информационное/интерпретационное) содержание концепта, которое преобразуется в средство кодирования объемного концепта [3, с. 118], реализуемого посредством языка или отдельных выразительных средств, например метафор. В Литературном энциклопедическом словаре метафора определена как «вид тропа, перенесение свойств одного предмета (явления или аспекта бытия) на другой, по принципу их сходства в каком-либо отношении или по контрасту»¹, тогда как с лингвистической точки зрения метафора – это «когнитивный инструмент для понимания абстрактных понятий и

¹Литературный энциклопедический словарь / ред. В.М. Кожевников, П.А. Николаев. М.: Сов. энцикл., 1987. С. 387.

абстрактного мышления», «механизм активации нейронных связей» [4, с. 244].

В настоящей статье под концептуальной метафорой мы будем понимать «определяющий элемент в системе языка, который позволяет функционировать гиперонимическим отношениям при номинации однородности через целую цепь метафор, базой которых служат общие или сходные ассоциации, то есть данный вид метафор представляет собой устойчивые корреляции источниковой, общепринятой и целевой, индивидуальной областью» [5, с. 27].

Необходимо добавить, что концептуальные метафоры позволяют человеку понять новые явления, соотнося их с уже знакомыми предметами: «...метафора является актуализацией когнитивных процессов, а также мощным выразительным средством, она привлекает внимание коммуниканта, вызывает живой эмоциональный отклик, становясь основным стимулом языковой активности в познании мира» [6, с. 35]. Таким образом, концептуальная метафора, выступая одним из когнитивных механизмов человека, облегчает процесс освоения нового знания и дальнейшей передачи его другим коммуникантам [7, с. 112] в виде отдельного образа.

В терминологии, применяемой к медиапространству, используется понятие, во многом идентичное термину «образ»: медиаобраз рассматривается как «структурный визуально-эмоциональный компонент виртуальной реальности, представляющий собой медийную модель объективного бытия, запечатленную в информационных носителях и общественном сознании» [6, с. 33].

Важно отметить, что, характеризуя дефиницию медиаобраза, большинство современных исследователей выделяет три основные группы, связанные с репрезентацией образа в СМИ: 1) люди (в персональном или коллективном представлении); 2) абстрактные явления; 3) территории (государства, регионы, города) [8, с. 30].

Так, У.М. Штаудингер подчеркивает, что образ старости относится не только к набору отдельных компетенций, характеристик и физи-

ческих способностей пожилого, но и к прототипическим социальным представлениям разных слоев населения. Кроме того, ученая настаивает, что образ человека преклонного возраста необходимо рассматривать с точки зрения собственной старости (one's own age), общественного стереотипа (old-age stereotype) и метастереотипа (metastereotype of old age) [9, с. 198], последний из которых имеет тесную связь с образом, транслируемым через СМИ (рис. 1).

Рис. 1. Модель создания медиаобраза пожилого человека

Fig. 1. Model of creating a media image of an elderly person

В современном китайском языке словосочетание «пожилой человек» является одним из самых сложных понятий, поскольку имеет не только несколько форм языкового воплощения, которые состоят из разных лексических единиц, указывающих на возрастную категорию, мудрость человека, его состояние и положение в обществе, но и оценочное значение, которое может не совпадать с общепринятым мнением, а «конструироваться при помощи совокупности органично дополняющих друг друга культурно-коммуникативных векторов»: 中和 (букв. «гармония»), 脸面 (букв. «лицо»), 礼貌 (букв. «вежливость»), 关系 (букв. «включение в отношения»), 崇尚权威 (букв. «почитание авторитета») и т. д. [10, с. 184].

Основными лексемами, описывающими человека в годах, выступают:

– 老人、老人儿 или 老年人 (букв. «пожилой человек»); образно – «мудрый человек»);

– 老生 (букв. «пожилой человек», часто используется в значении «старый ученый»);
 – 老倪人 или 朽人 (букв. «престарелый», «дряхлый старик»);
 – 艾老 (букв. «человек старше 50 лет»);
 – 老耆 (букв. «человек старше 60 лет»);
 – 耆艾 (букв. «старик в возрасте 50–60 лет»; образно – «наставник», «учитель»);
 – 年长人、旧 или 二毛 (букв. «пожилой человек с проседью»);
 – 大龄人、上了岁数的人 или 上年纪的人 (букв. «человек в возрасте»).

В соответствии с указанными выше представлениями о пожилом человеке в китайской лингвокультуре метафору необходимо рассматривать в рамках метафорического моделирования как «средство постижения и оценки какого-либо фрагмента действительности при помощи сценариев, фреймов и слотов, относящихся к иной понятийной области при наличии эмоционально-смыслового компонента, который связывает первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью единиц» [11, с. 1]. В настоящей работе медиаобраз пожилого человека включает несколько метафорических номинаций, объединенных в метафорическую модель, т. е. «существующую и/или складывающуюся в сознании носителей языка как схема связи между понятийными сферами, которую можно представить формулой “X – это Y”» [12, с. 27].

Результаты. Проанализировав 112 исследовательских единиц метафорического образа пожилого человека в китайском медиадискурсе, мы выявили, что к наиболее частотным концептуальным метафорам относятся: «пожилой человек – ребенок», «пожилой человек – святой/бессмертный» и «пожилой человек – сокровище» (рис. 2).

Рассмотрим метафорическую модель «пожилой человек – ребенок» (53 видеоролика), где пожилые люди предстают беззаботными и радостными. Пользователи социальной сети реагируют следующим образом:

– 102 岁奶奶能跑能跳，活脱脱老小孩 / 102-летняя бабушка и бегать, и прыгать умеет, вылитый ребенок;

Рис. 2. Процентное соотношение концептуальных метафор пожилого человека в Китае

Fig. 2. Percentage of the conceptual metaphors of an elderly person in China

– 人老之后会变成小孩 / Люди после старости становятся детьми;

– 人的一生就是一个轮回，人老了其实就是变小了，需要儿女们像照顾孩子一样去照顾 / Жизнь человека – это цикл перевоплощений. Когда человек стареет, он на самом деле молодеет. Ему нужно, чтобы его дети заботились о нем, как о ребенке.

Интересным является комментарий, в котором автор призывает интернет-пользователей с уважением относиться к своим и чужим пожилым родственникам и детям, ставя две возрастные категории в один ряд: 老吾老以及人之老，幼吾幼以及人之幼 / Уважать своих стариков, а также стариков других людей, относиться ласково к своим детям и детям других людей.

Кроме того, в комментариях к видеороликам, которые демонстрируют увлеченность пожилых людей активными играми (они прыгают через веревку или играют в мяч), часто можно встретить 童心未泯 (букв. «сохранять детскую невинность»):

– 老奶奶，老顽童，看样子还真是童心未泯 / Бабушка – большой ребенок, сразу видно: все еще дитя в душе;

– 跃跃欲试，童心未泯 / [Бабушка] полна энтузиазма, сохраняет детскую невинность в душе.

В видеороликах, содержащих подобные комментарии, пожилые люди предстают пози-

тивными и веселыми, цветовая гамма состоит из ярких, красочных цветов, что создает беззаботную атмосферу детства и вызывает соответствующую реакцию у зрителей. Как правило, у таких роликов есть музыкальное сопровождение, позволяющее автору оказать на аудиторию эмоциональное воздействие. В данном случае это бодрая, энергичная музыка.

Кроме метафоры «пожилой человек – ребенок» пользователи применяют религиозные метафоры – сравнивают пожилого человека с бессмертными и святыми, тем самым подчеркивая их богатый жизненный опыт. На просторах «Доуинь» можно встретить такие обращения к пожилым людям, как 老神仙 (букв. «пожилой небожитель»), 活菩萨 (букв. «живой бодисатва»); образно – «добрый человек», «спаситель», «избавитель от несчастья»). Данный вид метафоры встречается в 39 видеороликах, в рамках которых пожилой человек дает наставления молодому поколению, например дедушка делится своим взглядом на качество жизни. Пользователи, в свою очередь, отзываются следующим образом: 特别理解老大爷, 活着就是要质量的活着, 不连累子女, 给子女留下念想, 大爷能修佛 / Я понимаю дедушку, если жить, то качественно, не обременять детей, оставить им хорошие воспоминания, дедушка мог бы практиковать буддизм.

В другом примере пользователь, наблюдая за пожилым человеком, зарабатывающим на жизнь транспортировкой жителей по воде на своей лодке, отзывается о дедушке как о монахе, умеющем трансформироваться в животное: 仙风道骨, 闲云野鹤, 爷爷活成了一幅画 / Манеры бессмертного и тело даоса, вольные облака и дикий журавль: дедушкина жизнь напоминает собою картину. В данном комментарии 仙风道骨 подчеркивает незаурядность жизни пожилого человека, а 闲云野鹤 – полную свободу и умение перевоплощаться.

Для видео, содержащих названную метафору, характерно использование спокойной, меланхолической музыки. Цветовая гамма состоит из синих и серых оттенков, отсутствуют яркие и броские цвета.

Еще одной часто употребляемой метафорой, встречающейся в роликах в количестве 20 единиц, является «пожилой человек – сокровище/драгоценность»:

– 家有一老, 如有一宝 / Старик в семье – это все равно что драгоценность в доме;

– 老人是宝优秀 / Старик – это сокровище высшего качества;

– 奶奶真是我的宝贝 / Бабуля – золото мое.

В видеороликах, содержащих метафорическое высказывание «пожилой человек – драгоценность», пользователям демонстрируется повседневная жизнь пожилых людей, находящихся в большой семье, обычно состоящей из детей и внуков. Пожилые люди наравне с другими выполняют домашние обязанности, занимаются воспитанием внуков, вносят равноценный вклад в процветание и благополучие семьи. Аудиальный ряд в этом случае непостоянен, спокойная мелодия часто сменяется бодрой и наоборот, в то время как цветовая гамма остается неизменной – с наложением теплых оттенков.

Заключение. Таким образом, проанализированные в рамках нашего исследования видеоролики отображают людей, которые в основном занимаются активной деятельностью (имеют хобби, ребячатся, работают, постигают новые учения, проводят время с семьей, выполняют домашние дела). В связи с этим можно утверждать, что в китайской социальной сети демонстрируется позитивный медиаобраз старения. Важно отметить, что формирование положительного образа пожилого человека в медиaprостранстве Китая происходит не только благодаря богатому жизненному опыту, этичности, профессионализму, мудрости, исполнительности и умению быть ребенком, но и вследствие того, что изображения, транслируемые с помощью видеороликов, подкрепляются у пользователей визуальными и аудиальными каналами восприятия, которые, в свою очередь, способствуют строгой фиксации информации и картинки в сознании.

Самыми распространенными концептуальными метафорами пожилого человека в китайском медиадискурсе являются «пожилой человек – ребенок» (47 %), «пожилой человек –

святой/бессмертный» (35 %) и «пожилой человек – сокровище/драгоценность» (18 %). Несмотря на то что данные метафорические модели отражают противоположные качества человека – «ребячество» и «мудрость», «отречение от всего земного» и «важность семьи»,

они выступают как эффективные ретрансляторы собирательного образа старика/старушки, выстроенные в соответствии с дуальным, антогонистическим, но гармоничным восприятием и отражением реальности, свойственным китайской ментальности и лингвокультуре.

Список литературы

1. Тарандо Е.Е., Ван Ц. Старение населения в Китае: основные особенности // Наука и бизнес: пути развития. 2019. № 7(97). С. 157–160.
2. Gutterman A.S. Images of Aging. 2022. 18 p. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4230227>
3. Моисеева С.А., Ломоносова Ю.Е. Образ как основа концептуализации действительности // Науч. вед. Белгор. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2013. № 13(156). С. 117–123.
4. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / ed. by A. Ortony. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1993. P. 202–251.
5. Моргунов В.Г. Метафоры перевода в когнитивном переводоведении (на материале китайского и английского языков) // Специальный и художественный перевод: теория, методология, практика: сб. науч. тр. / под общ. ред. А.Г. Гудманяна, С.И. Сидоренко. Киев: Аграр Медиа Групп, 2019. С. 26–32.
6. Русякова О.Ф. Виртуальная власть масс-медиа // Дискурс-Пи: науч.-практ. альм. 2010. № 1–2(9–10). С. 33–37.
7. Мартынова Е.В. Концептуальная метафора в современном медиадискурсе // Ученые записки Ульяновского государственного университета: Актуальные проблемы теории языка и лингводидактики. Сер.: Лингвистика. Вып. 1(21) / под ред. проф. А.И. Фефилова. Ульяновск: УлГУ, 2017. С. 112–114.
8. Симакова С.И., Кваша Д.И. Медиаобраз как одна из составляющих формирования медиаэстетического кода региона // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2023. Т. 29, № 1. С. 28–38. <https://doi.org/10.15826/izv1.2023.29.1.003>
9. Straudinger U.M. Images of Aging: Outside and Inside Perspectives // Annu. Rev. Gerontol. Geriatr. 2015. Vol. 35, № 1. P. 187–209. <http://dx.doi.org/10.1891/0198-8794.35.187>
10. Нагибина И.Г. Формирование дискурсивно-коммуникативной парадигмы в китайском языкознании: от теории к социальной практике: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск: СФУ, 2017. 231 с.
11. Цыбина Ю.Ю. Лингвистическая сущность метафорических моделей в педагогическом дискурсе // Уч. зап.: науч. журн. Курск. гос. ун-та. 2012. № 1(21). С. 213–220.
12. Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии: моногр. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 176 с.

References

1. Tarando E.E., Wang J. Starenie naseleniya v Kitae: osnovnye osobennosti [Aging of the Population in China: Key Features]. *Nauka i biznes: puti razvitiya*, 2019, no. 7, pp. 157–160.
2. Gutterman A.S. *Images of Aging*. 2022. 17 p. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4230227>
3. Moiseeva S.A., Lomonosova Yu.E. Obraz kak osnova kontseptualizatsii deystvitel'nosti [Image as the Basis of the Reality's Conceptualization]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki*, 2013, no. 13, pp. 117–123.
4. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor. Ortony A. (ed.). *Metaphor and Thought*. Cambridge, 1993, pp. 202–251.

5. Morgun V.G. Metaforiy perevoda v kognitivnom perevodovedenii (na materiale kitayskogo i angliyskogo yazykov) [Translation Metaphors in Cognitive Translation Studies (Based on Chinese and English)]. Gudmanyay A.G., Sidorenko S.I. (eds.). *Spetsial'nyy i khudozhestvennyy perevod: teoriya, metodologiya, praktika* [Specialized and Literary Translation: Theory, Methodology, Practice]. Kyiv, 2019, pp. 26–32.

6. Rusakova O.F. Virtual'naya vlast' mass-media [The Virtual Power of Mass Media]. *Diskurs-Pi: nauchno-prakticheskiy al'manakh*, 2010, no. 1–2, pp. 33–37.

7. Martynova E.V. Kontseptual'naya metafora v sovremennom mediadiskurse [Conceptual Metaphor in Modern Media Discourse]. Fefilov A.I. (ed.). *Uchenye zapiski Ul'yanovskogo gosudarstvennogo universiteta: Aktual'nye problemy teorii yazyka i lingvodidaktiki. Ser.: Lingvistika* [Proceedings of Ulyanovsk State University: Current Issues of the Theory of Language and Foreign Language Teaching. Ser.: Linguistics]. Iss. 1. Ulyanovsk, 2017, pp. 112–114.

8. Simakova S.I., Kvasha D.I. Mediaobraz kak odna iz sostavlyayushchikh formirovaniya mediaesteticheskogo koda regiona [Media Image as One of the Components for Formation of Media Aesthetic Code of the Region]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*, 2023, vol. 29, no. 1, pp. 28–38. <https://doi.org/10.15826/izv1.2023.29.1.003>

9. Staudinger U.M. Images of Aging: Outside and Inside Perspectives. *Annu. Rev. Gerontol. Geriatr.*, 2015, vol. 35, no. 1, pp. 187–209. <http://dx.doi.org/10.1891/0198-8794.35.187>

10. Nagibina I.G. *Formirovanie diskursivno-kommunikativnoy paradigmy v kitayskom yazykoznanii: ot teorii k sotsial'noy praktike* [Formation of the Discursive Communicative Paradigm in Chinese Linguistics: From Theory to Social Practice: Diss.]. Krasnoyarsk, 2017. 231 p.

11. Tsybina Yu.Yu. Lingvisticheskaya sushchnost' metaforicheskikh modeley v pedagogicheskom diskurse [Linguistic Essence of Metaphorical Models in Pedagogical Discourse]. *Uchenye zapiski: elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 1, pp. 213–220.

12. Chudinov A.P. *Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii* [Essays on Modern Political Metaphorology]. Yekaterinburg, 2013. 176 p.

Информация об авторах

И.Г. Нагибина – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой восточных языков Сибирского федерального университета (адрес: 660041, г. Красноярск, просп. Свободный, д. 82а).

В.Г. Моргун – старший преподаватель кафедры восточных языков Сибирского федерального университета (адрес: 660041, г. Красноярск, просп. Свободный, д. 82а).

Поступила в редакцию 31.01.2024
Одобрена после рецензирования 17.05.2024
Принята к публикации 22.05.2024

Information about the authors

Irina G. Nagibina, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Head of the Oriental Languages Department, Siberian Federal University (address: prosp. Svobodnyy 82a, Krasnoyarsk, 660041, Russia).

Viktoriya G. Morgun, Senior Lecturer, Oriental Languages Department, Siberian Federal University (address: prosp. Svobodnyy 82a, Krasnoyarsk, 660041, Russia).

Submitted 31 January 2024
Approved after reviewing 17 May 2024
Accepted for publication 22 May 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 4. С. 109–118.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 4, pp. 109–118.

Научная статья

УДК 811.111:81'36

DOI: 10.37482/2687-1505-V366

Английские вторично-предикативные структуры в медицинском дискурсе: к проблеме классификации

Пак Наталья Санг Дуковна

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия,
e-mail: n.pak@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-0851-7630>

Аннотация. Английские вторично-предикативные структуры представляют достаточно изученное в различных парадигмах и подходах грамматическое явление. Тем не менее актуальность исследования этого феномена по-прежнему сохраняется на стыке грамматики и дискурса как когнитивного явления, связанного с созданием нового знания, оперированием знанием особого рода и передачей знания. С этой точки зрения осложненное предложение с вторично-предикативными структурами рассматривается как отражение когнитивной обработки знаний и их интеграции для создания нового знания. Цель настоящей работы заключается в выявлении особенностей функционирования английских вторично-предикативных структур в медицинском дискурсе и построении классификации, учитывающей их когнитивные характеристики и ключевые параметры медицинского дискурса, в частности хронотоп. Материал исследования составляет корпус английских осложненных предложений с вторично-предикативными структурами, извлеченный методом сплошной выборки из текстов различных письменных жанров медицинского дискурса. Методология исследования построена в русле интегративного подхода к изучению языковых явлений и включает как собственно-лингвистические методы (лингвистический анализ, трансформационный анализ и др.), так и методы, основанные на применении технологий искусственного интеллекта (например, автоматическое извлечение ключевых слов «облако слов»). В качестве когнитивных оснований выбора вторично-предикативных структур определены характер концептуальной интеграции пропозиции, репрезентируемой вторично-предикативной структурой, и пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой, а также репрезентация характеристик хронотопа медицинского дискурса, таких как одновременность/предшествование/следование, однократность/неоднократность, симметрия/асимметрия, делимость/неделимость и др. Кроме того, в статье предложена подклассификация вторично-предикативных структур по интенсивности репрезентации хронотопа медицинского дискурса на структуры с ярко выраженным «хроно»-компонентом, с обобщенным «хроно»-компонентом и со слабо актуализированным «хроно»-компонентом.
Ключевые слова: вторично-предикативная структура, английское осложненное предложение, медицинский дискурс, хронотоп, интегративный подход

Для цитирования: Пак, Н.С.Д. Английские вторично-предикативные структуры в медицинском дискурсе: к проблеме классификации / Н.С.Д. Пак // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 4. – С. 109-118. – DOI 10.37482/2687-1505-V366.

Original article

English Secondary-Predicative Structures in Medical Discourse: On the Problem of Classification

Natalya S.D. Pak

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia,

e-mail: n.pak@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-0851-7630>

Abstract. English secondary-predicative structures have been sufficiently studied within various paradigms and approaches. Nevertheless, research on this phenomenon is still relevant at the intersection of grammar and discourse as a cognitive phenomenon related to the creation, operation and transmission of knowledge. From this point of view, the semi-complex sentence with secondary-predicative structures is seen as a reflection of cognitive processing of knowledge and its integration to create new knowledge. The aim of this paper is to identify the peculiarities of English secondary-predicative structures in medical discourse and to classify them according to their cognitive characteristics and key parameters of medical discourse (in particular, the chronotope). The material of the study is a corpus of English semi-complex sentences with secondary-predicative structures extracted by means of continuous sampling from texts representing various written genres of medical discourse. The research methodology is based on the integrative approach and includes both linguistic methods (linguistic analysis, transformational analysis, etc.) and methods involving the application of artificial intelligence (e.g. word cloud automatic keyword extraction). The cognitive basis for choosing secondary-predicative structures is the conceptual integration between the proposition represented by the secondary-predicative structure and the proposition represented by the matrix sentence, as well as the characteristics of the medical discourse chronotope. In addition, a subclassification of secondary-predicative structures by the intensity of representation of the medical discourse chronotope is proposed.

Keywords: *secondary-predicative structure, English semi-complex sentence, medical discourse, chronotope, integrative approach*

For citation: Pak N.S.D. English Secondary-Predicative Structures in Medical Discourse: On the Problem of Classification. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 4, pp. 109–118. DOI: 10.37482/2687-1505-V366

Введение. Вторично-предикативные структуры («структуры со свернутой предикативностью», «структуры незавершенной предикации», «структуры с неканонической предикативностью», ВПС) находятся в фокусе внимания уже не одного поколения исследователей. Классические работы в русле структурного синтаксиса (Л.Л. Иофик [1], J. Bowers [2] и др.) и функциональной грамматики (А.В. Бондарко [3] и др.) дополняют труды, рассматривающие вторичную предикатив-

ность с позиций коммуникативного (М.Я. Блох [4], Н.Н. Беклемешева [5, 6] и др.) и когнитивного (Н.А. Кобрин [7], А.Ю. Фомина [8] и др.) подходов. Комплексное описание предложений английского языка с конструкциями незавершенной предикации представлено в диссертации Т.Г. Николаевой [9]. Таким образом, высокая степень изученности структурно-синтаксического, функционального, лексико-семантического, семиологического и других аспектов указанной проблематики не вызывает

сомнений. Тем не менее в современной парадигме исследования языка и речи по-прежнему актуальным и недостаточно разработанным направлением остается взаимосвязь английских ВПС с единицами более высокого порядка – текстом и дискурсом. Среди рассмотренных нами публикаций, содержащих классификации ВПС по ряду оснований, практически отсутствуют такие, что учитывают характеристики дискурса как среды функционирования анализируемых предложений-высказываний с ВПС. Этот факт обуславливает выбор темы и объекта нашего исследования.

Цель настоящей статьи – выявить особенности функционирования ВПС в англоязычном медицинском дискурсе в русле интегративного подхода. Новизна определяется уточнением существующих подходов к классификации ВПС путем создания подклассификации, релевантной медицинскому дискурсу. Теоретическая значимость состоит в том, что исследование вносит вклад в изучение грамматической организации институционального дискурса, что является перспективным направлением. Практическая значимость связана в первую очередь с современными задачами обработки естественного языка методами искусственного интеллекта. Построенная классификация английских ВПС в медицинском дискурсе может использоваться при создании датасетов для обучения медицинских модулей систем машинного перевода, а также при преподавании профессионально-ориентированного перевода и английского языка для профессионального общения.

Обзор литературы. Поскольку исследование ВПС имеет долгую историю и продолжается параллельно смене научных парадигм, существуют различные подходы к их определению и классификации. Представители структурного подхода (например, Л.Л. Иофик, J. Bowers) определяют ВПС как структуры, обладающие такими характеристиками: субъектно-предикативные отношения между элементами; взаимозависимость связи от первого элемента ко второму и обратно; совместная

связь компонентов структуры с опорным словом; оформление второго компонента безглагольным способом или в виде неличного глагола. Элементы ВПС подразделяются на «подлежащий компонент» и «сказуемый компонент» [1]. Например, в предложении *I tore open the envelope, my fingers trembling with fear and clumsiness* подлежащим компонентом ВПС выступает существительное *fingers*, а сказуемым – причастие *trembling*. Именно грамматические характеристики подлежащего и сказуемого компонентов, по мнению представителей структурного подхода, являются основой для классификации ВПС [1, с. 88–90; 2, с. 299–310].

Н.Н. Беклемешева, представитель коммуникативного подхода, причисляет к ВПС все структуры-носители редуцированной предикативности. В рамках вторичной предикативности исследователь выделяет структуры-носители полупредикативности, структуры-носители свернутой предикативности и структуры-носители скрытой предикативности. Иными словами, классификация осуществляется по признаку сохранения/несохранения отдельных категорий предикативности (модальность, темпоральность и т. п.) [5].

Несколько иной взгляд на проблематику предлагает Т.Г. Николаева в русле семиологического подхода. В качестве родового понятия, объединяющего типы предикативности, отличные от связи «подлежащее-сказуемое», она выдвигает термин «неканоническая предикативность». Автор обращает внимание на двусмысленность понятия «вторичная предикативность», т. к. «вторичность» предполагает не только наличие некоего «первичного», но и существование между «первичным» и «вторичным» отношений производности и предшествования первого члена второму, что не всегда соответствует структуре неполной предикативности. В качестве классификации Т.Г. Николаева выделяет две большие группы вторичных предикатов: предикативный атрибут, соотношенный с подлежащим или дополнением, и результиativ. При этом автор отмечает спорность

отнесения результатов к вторичным предикатам [9, с. 38–42].

В работах когнитивистов (например, Н.А. Кобриной, А.Ю. Фоминой) ВПС рассматриваются как комплексы, не имеющие грамматически выраженного субъекта и предиката, но способные репрезентировать ситуацию (микрособытие). ВПС подразделяются по концепту-схеме, лежащему в основе репрезентации макрособытия (сложного события, состоящего из нескольких микрособытий, репрезентируемых первичной и вторичной предикативными линиями) [7, 8].

Как следует из представленного краткого обзора источников, классификация ВПС осуществляется по целому ряду оснований, при этом на первый план выходят формальные, функциональные либо иные внутренние характеристики ВПС. Аспект функционирования ВПС в дискурсе и их участие в грамматической организации последнего рассматриваются как некая дополнительная информация. Между тем в соответствии с принципом антропоцентризма в рамках современной научной парадигмы внимание исследователей фокусируется на «отражении человека в языке» [10, с. 18], т. е. на субъекте и его дискурсивной деятельности, в основе которой лежит знание. Следовательно, дискурс понимается как когнитивное явление, имеющее дело с «передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и, главное, с созданием новых знаний» [11, с. 12]. При этом дискурс характеризуется как двухкомпонентное явление: процесс (дискурсивная деятельность) и результат, в качестве которого выступает текст [12, с. 10]. Когнитивно-дискурсивный подход к определению дискурса позволяет анализировать его грамматическую организацию (в т. ч. функционирование сложных предложений-высказываний с ВПС) как отражение когнитивной обработки знаний и их интеграции для получения нового знания. С этой позиции построение классификации, учитывающей когнитивные основания выбора говорящим ВПС для репрезентации ситуаций, типичных для определенного институционального

дискурса, могло бы стать важным и интересным шагом в изучении грамматики институционального дискурса.

Выбор медицинского дискурса в качестве среды функционирования исследуемых в настоящей работе предложений-высказываний с ВПС обусловлен спецификой его хронотопы, который определяется как единство места и времени [13]. Время играет особую роль в развертывании прототипичных ситуаций медицинского дискурса, т. к. передача информации должна осуществляться «здесь и сейчас» [14], от скорости действий зависят здоровье и жизнь человека.

Материалы и методы. Исследование проведено на материале английских сложных предложений с ВПС, собранных методом сплошной выборки из текстов разных жанров письменного медицинского дискурса: англоязычных медицинских статей, опубликованных в журналах по медицине; учебных пособий по медицине; инструкций к медицинскому оборудованию и препаратам; опубликованных в образовательных целях описаний клинических случаев – общим объемом более 8000 страниц. В целом корпус для исследования составили 1245 сложных предложений с ВПС, исключались спорные случаи – предложения, в которых осложняющий компонент не обладает ярко выраженной предикативностью, а также явные вкрапления из другого дискурса (например, раздел Acknowledgements в научных статьях, представляющий собой набор клишированных конструкций, не связанных с тематикой статьи). Устный медицинский дискурс не включался в работу, поскольку: 1) для анализа выбирались наиболее институциональные, кодифицированные жанры с целью избежать влияния индивидуальных особенностей автора и смешения стилей; 2) в письменном медицинском дискурсе, как показывает собранный материал, значимость грамматической структуры предложения с точки зрения репрезентации ситуации выше, чем в устном, т. к. отсутствует возможность невербальной передачи информации (интонация, мимика, жесты и т. п.).

Методология исследования построена в русле интегративного подхода с учетом структурных, функциональных, коммуникативных и когнитивно-дискурсивных характеристик рассматриваемого явления.

На первом этапе был проведен лингвистический анализ корпуса предложений с ВПС индуктивным путем, на основании конкретных выявленных языковых фактов, результатов их сравнения и обобщения. Таким образом были сделаны первые выводы о наиболее значимых формальных типах ВПС в медицинском дискурсе, их функциях в предложении, семантике вторичного предиката в ВПС каждого типа, возможной прагматической цели употребления предложений-высказываний с ВПС в разных письменных жанрах медицинского дискурса.

На втором этапе анализу подвергался характер концептуальной интеграции пропозиций, репрезентируемых ВПС, и пропозиций, репрезентируемых первично-предикативной структурой. Это позволило обнаружить актанты пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой, – в их роли выступает пропозиция, репрезентируемая ВПС, а также актанты пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой, – они имплицитно являются актантами пропозиции, репрезентируемой ВПС. Именно характер интеграции пропозиций стал основанием для классификации ВПС. Дальнейшая классификация внутри выявленных типов осуществлялась на основании характеристик хронотопа медицинского дискурса, репрезентируемых в интегрированной структуре смысла осложненного предложения с ВПС.

На третьем этапе производилась верификация данных, полученных в результате лингвистического анализа, путем моделирования ситуаций, прототипичных для англоязычного медицинского дискурса и регулярно репрезентируемых ВПС. Для определения наиболее

частотных участников таких ситуаций использовался инструмент «облако слов»¹, который дает возможность визуализировать компрессированную информацию из текста в виде лексических единиц [15]. Размер и цвет лексических единиц показывают частотность их употребления в тексте. Первоначально был обработан весь массив собранных текстов, после чего отдельной обработке подверглись подкорпусы осложненных предложений с ВПС, классифицированные по формальной структуре и функции в предложении. Совпадения ключевых слов, извлеченных из всего массива текстов и подкорпусов, позволили выделить участников (актанты) ситуаций, регулярно репрезентируемых ВПС в медицинском дискурсе, а также наиболее частотные вторичные предикаты. Исходя из выявленных актантов и предикатов, были смоделированы прототипичные ситуации, которые далее были подклассифицированы по интенсивности репрезентации хронотопа медицинского дискурса.

Результаты. По характеру концептуальной интеграции пропозиций, репрезентируемых ВПС, и пропозиций, репрезентируемых первично-предикативной структурой, английские ВПС в медицинском дискурсе были классифицированы на ВПС в роли темпоратива «относительное время», в роли актантов «профилируемая возможность», «образ действия», «цель», «причина», «уступка», «атрибут» и др. Типология актантов была построена на основе типологии, разработанной в рамках проекта FrameNet², адаптированного в соответствии с задачами исследования. Внутри выявленных типов ВПС были выделены подтипы на основании репрезентации таких характеристик хронотопа, как одновременность/предшествование/следование, однократность/неоднократность, симметрия/асимметрия, делимость/неделимость. По интенсивности репрезентации хронотопа ВПС подклассифицированы на ВПС с ярко выраженным «хроно»-компонентом, обобщен-

¹Free Online Wordcloud Generator. URL: <https://www.wordclouds.com> (дата обращения: 17.07.2023).

²FrameNet Data. URL: <https://framenet.icsi.berkeley.edu/frameIndex> (дата обращения: 17.07.2023).

ным «хроно»-компонентом, слабо актуализированным «хроно»-компонентом и неотделимым «хроно»-компонентом.

Рассмотрим подробно классификацию на примере конструкций вида WHEN DOING/WHEN DONE/WHEN ADJ. Несмотря на идентичную формальную структуру, пропозиции, репрезентируемые ВПС данного вида, могут выступать как в роли темпоратива «относительное время», так и в роли актанта «профилируемая возможность» в пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой. Следовательно, в зависимости от их примарной функции ВПС вида WHEN DOING/WHEN DONE/WHEN ADJ относятся к разным типам ВПС согласно разработанной классификации, ср.:

(1) *The family may be a potential source of information about a patient's medical history when the patient is unsure or unable to answer questions regarding their medical history*³. – ВПС в роли актанта «профилируемая возможность». Ситуация, репрезентируемая первично-предикативной структурой, реализуется или не реализуется в зависимости от того, реализуется ли ситуация, репрезентируемая ВПС;

(2) *When immunizing young children, it is helpful for health professionals to remind parents or substitute decision makers (SDMs) about the upcoming vaccination*⁴. – ВПС в роли темпоратива «относительное время». Ситуация, репрезентируемая ВПС, задает временные рамки для ситуации, репрезентируемой первично-предикативной структурой.

По характеристикам хронотопа, репрезентируемым в интегрированной структуре смысла осложненного предложения с ВПС, кон-

струкции вида WHEN DOING/WHEN DONE/WHEN ADJ относятся к подтипам ВПС, репрезентирующим одновременность и неоднократность, одновременность и однократность, следование/предшествование и неоднократность, следование/предшествование и однократность, асимметрию и единство времени, симметрию и единство времени. Так, приведенный выше пример (1) относится к ВПС, репрезентирующим асимметрию и единство времени, а пример (2) – к ВПС, репрезентирующим следование и неоднократность.

По выраженности «хроно»-компонента выделяются следующие типы ВПС вида WHEN DOING/WHEN DONE/WHEN ADJ:

1. WHEN DOING/WHEN DONE с ярко выраженным «хроно»-компонентом.

Участники: *patient, body, blood, health, pulse, etc.* Предикаты: *care (-ing), use (-ing, -ed), expose(-d), deal(-ing), position(-ing), admit(-ted)*. Примеры ситуаций: *positioning patient, body exposed* (воздействие на пациента или его организм).

Конструкция относится к ядерным (составляет 25,9 % исследуемых ВПС и более 20 % от общего числа всех when-конструкций в собранном материале, включая придаточные предложения) и отражает специфику хронотопа медицинского дискурса [13] – единство места и времени, например:

(3) *Use clean gloves when handling all blood and body fluids*⁵.

Единство места и времени проявляется в том, что использовать чистые перчатки адресату сообщения необходимо всякий раз при работе с кровью и жидкостями тела, т. е. в то время и в том месте, когда адресат с ними взаимодействует.

---

³Nichol J.R., Sundjaja J.H., Nelson G. Medical History. Tampa, Florida: StatPearls, 2023. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK534249/> (дата обращения: 22.05.2023).

⁴St-Amant O. Vaccine Practice for Health Professionals: 1st Canadian Edition. Ontario: eCampusOntario, 2020. URL: <https://ecampusontario.pressbooks.pub/immunizations/> (дата обращения: 22.05.2023).

⁵Anderson R., Doyle G.R., McCutcheon J.A. Clinical Procedures for Safer Patient Care. Kamloops: Thompson Rivers Univ., 2018. URL: <https://pressbooks.bccampus.ca/clinicalproceduresforsaferpatientcaretrubscn/> (дата обращения: 22.05.2023).

В результате трансформации – декомпрессии до сложноподчиненного предложения – получаем следующее:

(4) *Use clean gloves when you handle all blood and body fluids.*

Возможным основанием когнитивного выбора ВПС данного типа является то, что она репрезентирует отношения полной одновременности, глубину связи между ситуациями. В придаточном предложении «хроно»-компонент менее выражен, предложение сближается по структуре и смыслу с придаточным условия.

2. WHEN DOING/WHEN DONE/WHEN ADJ с обобщенным «хроно»-компонентом.

Участники: *test, history, etc.* Предикаты: *measure(-ing), take(-ing), see(-n), be(-ing), etc.* Примеры ситуаций: *taking history, taking test* (исследование, изучение, получение новой информации).

Данная конструкция также относится к ядерным (составляет 7,8 % исследуемых ВПС и 12 % от общего числа всех when-конструкций в собранном материале) и отражает единство места и времени как специфику хронотопа медицинского дискурса, при этом время и место определяются временем и местом существования объекта. Отношения полной одновременности не являются облигаторными, однако при наличии отношений предшествования или следования действия должны выполняться в едином временном промежутке.

Так, в примере (2) ситуация вакцинации маленьких детей задает единый временной промежуток, в рамках которого происходит в т. ч. и взаимодействие с родителями или законными представителями пациента. При этом полная одновременность не репрезентируется: напомнить родителям пациента о предстоящей вакцинации необходимо до ее проведения.

В результате декомпрессии до сложноподчиненного предложения получаем:

(5) *When you immunize young children, it is helpful for health professionals to remind parents or substitute decision makers (SDMs) about the upcoming vaccination.*

В качестве основания выбора ВПС данного подтипа также можно выделить репрезентацию хронотопа: ВПС указывает на более глубокую связь, чем придаточное предложение, и помещает ситуации в один временной промежуток.

3. WHEN DOING/WHEN DONE/WHEN ADJ со слабо актуализированным «хроно»-компонентом.

Участники: *vaccine, treatment, etc.* Предикаты: *compare(-ing), etc.* Примеры ситуаций: *comparing treatments, comparing vaccines* (сравнение медицинских объектов или методов).

Конструкция относится к промежуточным (составляет 3,7 % исследуемых ВПС и 2 % от общего числа всех when-конструкций в собранном материале), по значимости находится ближе к периферии. Несмотря на наличие формального показателя WHEN, «хроно»-компонент в таких конструкциях не является ключевым. Объекты могут быть удалены друг от друга на любое расстояние и относиться к разным временным промежуткам. WHEN в таких ситуациях эксплицирует скорее условную связь, чем временную, например:

(6) *When comparing BVM vs. SGA and BVM vs. endotracheal intubation, no difference was found⁶.*

Сравниваемые объекты (методы лечения) могут использоваться разными специалистами в разное время и в разном месте. Притом, сравнивая эти методы, исследователи делают вывод об отсутствии различий.

В результате декомпрессии до сложноподчиненного предложения получаем:

(7) *When we compared BVM vs. SGA and BVM vs. endotracheal intubation, no difference was found.*

Сопоставительный анализ конструкций данного типа и придаточных предложений показывает, что, хотя ВПС и сохраняют в самом общем виде способность репрезентации хронотопа медицинского дискурса, характеристики хронотопа не могут быть единственным ос-

⁶Nichol J.R., Sundjaja J.H., Nelson G. Op. cit.

нованием выбора ВПС. Можно предположить, что основание выбора конструкции в этом случае – экономия речевых средств, что, в свою очередь, автоматически сдвигает конструкции такого типа еще ближе к периферии, т. к. их употребление не связано с репрезентацией ключевых параметров медицинского дискурса.

Заключение. Проведенное исследование позволило выявить основания для классификации английских ВПС, релевантные медицинскому дискурсу.

Первое из этих оснований – характер концептуальной интеграции пропозиции, репрезентируемой ВПС, и пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой. Согласно указанному основанию ВПС классифицированы по актанту пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой, – в его роли выступает пропозиция, репрезентируемая ВПС.

Второе основание – характеристики хронотопа медицинского дискурса, репрезентируемые в интегрированной структуре смысла осложненного предложения с ВПС.

Дальнейшая работа над классификацией предполагала поиск возможных когнитивных оснований выбора ВПС по отношению к другим способам репрезентации ситуаций, в частности простому предложению в составе сложного. Отмечено, что основанием выбора ВПС с ярко выраженным «хроно»-компонентом и ВПС с обобщенным «хроно»-компонентом может являться репрезентация хронотопа медицинского дискурса. ВПС со слабо актуализированным «хроно»-компонентом по смыслу ближе к придаточным предложениям, и их выбор обусловлен другими причинами, выходящими за рамки рассматриваемых характеристик медицинского дискурса.

Перспективами исследования представляются выявление характера концептуальной интеграции пропозиций, репрезентируемых другими сложными грамматическими конструкциями в англоязычном медицинском дискурсе, и их классификация. Это позволит создать максимально полное описание грамматики медицинского дискурса в русле интегративного подхода.

Список литературы

1. *Иоффик Л.Л.* Сложное предложение в новоанглийском языке. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. 214 с.
2. *Bowers J.* Predication // *The Handbook of Contemporary Syntactic Theory* / ed. by M. Baltin, C. Collins. Oxford: Blackwell Publ., 2008. P. 299–333.
3. Проблемы функциональной грамматики. Предикативные категории в высказывании и целостном тексте / отв. ред. А.В. Бондарко, В.В. Казаковская. 2-е изд. М.: Изд. дом ЯСК: Яз. славян. культуры, 2018. 440 с.
4. *Блох М.Я.* Ядерный уровень в парадигматическом синтаксисе (к проблеме понятия) // *Ученые записки МГПИ им. Ленина*. Т. 416, вып. 1. Синтаксические исследования по английскому языку. М.: Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина, 1971. С. 41–54.
5. *Беклемешева Н.Н.* Интерпретация вторично-предикативных структур в перспективе актуального членения: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 285 с.
6. *Беклемешева Н.Н.* Английские структуры-носители вторичной предикативности с точки зрения перевода // *Исслед. яз. и соврем. гуманитар. знание*. 2022. Т. 4, № 2. С. 91–100. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-2-91-100>
7. *Кобрин Н.А.* Формирование типа глагольной имплицативной валентности в зависимости от структуры предложения // *Вопр. когнитив. лингвистики*. 2008. № 4(17). С. 113–116.
8. *Фомина А.Ю.* Конструкция с вторичной предикацией как средство репрезентации макрособытия (на материале современного английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2007. 154 с.
9. *Николаева Т.Г.* Предложения английского языка с конструкциями незавершенной предикации: семиологический подход: дис. ... д-ра филол. наук. Самара, 2019. 392 с.

10. Бенвенист Э. Общая лингвистика / общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова; пер. с фр. Ю.Н. Караулова. 2-е изд., стер. М.: УРСС, 2002. 446 с.
11. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров / отв. ред. С.А. Ромашко. М., 2000. С. 5–13.
12. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл. М., 2003. 90 с.
13. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
14. Карымишакова Т.Г. Лингвистические технологии речевого воздействия в медицинском дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2016. 199 с.
15. Линник Л.А. Типологические особенности аутентичных текстов аннотаций в медицинском дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2021. 303 с.

References

1. Iofik L.L. *Slozhnoe predlozhenie v novoangliyskom yazyke* [Complex Sentence in New English]. Leningrad, 1968. 214 p.
2. Bowers J. Predication. Baltin M., Collins C. (eds.). *The Handbook of Contemporary Syntactic Theory*. Oxford, 2008, pp. 299–333.
3. Bondarko A.V., Kazakovskaya V.V. (eds.). *Problemy funktsional'noy grammatiki. Predikativnye kategorii v vyskazyvanii i tselostnom tekste* [Problems of Functional Grammar. Predicative Categories in a Statement and the Text as a Whole]. Moscow, 2018. 440 p.
4. Bloch M.Ya. Yadernyy uroven' v paradigmicheskom sintaksise (k probleme ponyatiya) [The Nuclear Level in Paradigmatic Syntax (on the Problem of the Concept)]. *Uchenye zapiski MGPI im. Lenina. T. 416, vyp. 1. Sintaksicheskie issledovaniya po angliyskomu yazyku* [Proceedings of Lenin Moscow State Pedagogical Institute. Vol. 416, iss. 1. Studies on Syntax in the English Language]. Moscow, 1971, pp. 41–54.
5. Beklemesheva N.N. *Interpretatsiya vtorichno-predikativnykh struktur v perspektive aktual'nogo chleneniya* [Interpretation of Secondary-Predicative Structures in Terms of Topic and Comment: Diss.]. Moscow, 2011. 285 p.
6. Beklemesheva N.N. English Secondary-Predicative Structures in Terms of Translation. *Lang. Stud. Mod. Humanit.*, 2022, vol. 4, no. 2, pp. 91–100 (in Russ.). <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-2-91-100>
7. Kobrina N.A. Formirovanie tipa glagol'noy implikativnoy valentnosti v zavisimosti ot struktury predlozheniya [The Forming of the Type of Verbal Implicational Valency as a Result of the Structural Peculiarity of the Sentence]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2008, no. 4, pp. 113–116.
8. Fomina A.Yu. *Konstruktsiya s vtorichnoy predikatsiyey kak sredstvo reprezentatsii makrosobytiya (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka)* [Secondary-Predicative Structure as a Means of Representing a Macro-Event (Based on Modern English): Diss.]. Tambov, 2007. 154 p.
9. Nikolaeva T.G. *Predlozheniya angliyskogo yazyka s konstruktsiyami nezavershennoy predikatsii: semiologicheskiy podkhod* [English Sentences with Constructions of Incomplete Predication: A Semiological Approach: Diss.]. Samara, 2019. 392 p.
10. Benveniste É. *Problèmes de linguistique générale*. Paris, 1966 (Russ. ed.: Benvenist E. *Obshchaya lingvistika*. Moscow, 2002. 446 p.).
11. Kubryakova E.S. O ponyatiyakh diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoy lingvistike (Obzor) [On the Concepts of Discourse and Discourse Analysis in Modern Linguistics (Review)]. Romashko S.A. (ed.). *Diskurs, rech', rechevaya deyatel'nost': funktsional'nye i strukturnye aspekty* [Discourse, Speech, and Speech Activity: Functional and Structural Aspects]. Moscow, 2000, pp. 5–13.
12. Kibrik A.A. *Analiz diskursa v kognitivnoy perspektive* [Discourse Analysis in the Cognitive Perspective: Diss.]. Moscow, 2003. 90 p.

Пак Н.С.Д.

Английские вторично-предикативные структуры в медицинском дискурсе: к проблеме классификации

---

13. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, 2002. 477 p.

14. Karymshakova T.G. *Lingvisticheskie tekhnologii rechevogo vozdeystviya v meditsinskom diskurse* [Linguistic Technologies of Persuasion in Medical Discourse: Diss.]. Ulan-Ude, 2016. 199 p.

15. Linnik L.A. *Tipologicheskie osobennosti autentichnykh tekstov annotatsiy v meditsinskom diskurse* [Typological Features of Authentic Abstracts in Medical Discourse: Diss.]. Ufa, 2021. 303 p.

Информация об авторе

Пак Наталья Санг Дуковна – старший преподаватель базовой кафедры технологий и автоматизации перевода в бюро переводов «АКМ-Вест» Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 4).

Information about the author

Natalya S.D. Pak, Senior Lecturer, Department of Translation Technology and Practice at AKM-West, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: prosp. Lomonosova 4, Arkhangelsk, 163002, Russia).

Поступила в редакцию 01.11.2023

Одобрена после рецензирования 25.04.2024

Принята к публикации 26.04.2024

Submitted 1 November 2023

Approved after reviewing 25 April 2024

Accepted for publication 26 April 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 4. С. 119–128.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 4, pp. 119–128.

Научная статья

УДК 141.4

DOI: 10.37482/2687-1505-V367

Проблема человека в философии И.А. Ильина

Александр Владимирович Усачев

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец, Липецкая область, Россия,

e-mail: a.usacev@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6150-2050>

Аннотация. Проблематика человека занимает особое место в русской религиозной философии. В статье рассматривается тема человека в зрелых произведениях видного русского мыслителя И.А. Ильина (1883–1954). Цель настоящей статьи заключается в анализе характерных черт человека, которые И.А. Ильин предлагает в своей философии. В рамках исследования используются такие методы, как историко-генетический, герменевтический, компаративистский, а также анализ, синтез и обобщение. Сделан вывод о том, что три революции и две войны, которые Россия пережила за первые два десятилетия XX века, не могли не отразиться на мышлении отечественных философов. Ставится вопрос о человеке как субъекте исторических изломов. Поскольку каждая революция несет с собой смену моральной установки, то сущностные определения человека были весьма затруднительными. Но одно было ясно: человек находится в глубочайшем кризисе, выход из которого возможен только при усиленной духовной работе. Возник смысловой зазор между фактическим человеком, носителем революционного сознания, и определенным императивом сущности человека, что должна быть раскрыта и реализована в действительности. Особое место в статье уделено проблеме духовности личности, выступающей ключевым компонентом человека, если рассматривать его в контексте революционных преобразований. Кризис духовности предлагается анализировать как показатель универсального кризиса человека, который должен быть исправлен на пути духовного обновления. В исследовании предложена следующая точка зрения: духовность – это основополагающее качество человека, испытывающего кризис, оно является фундаментом для его возрождения из революционного плена и становления его нового облика, способного привести существование к полноценным характеристикам.

Ключевые слова: антропология, русская религиозная философия, революция, бытие, проблема человека, духовность, И.А. Ильин

Для цитирования: Усачев, А. В. Проблема человека в философии И.А. Ильина / А. В. Усачев // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 4. – С. 119–128. – DOI 10.37482/2687-1505-V367.

Original article

The Problem of Man in I.A. Ilyin's Philosophy

Aleksandr V. Usachev

Bunin Yelets State University, Yelets, Lipetsk Region, Russia,

e-mail: a.usacev@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6150-2050>

Abstract. Anthropological issues occupy a special place in Russian religious philosophy. This article examines the problem of man in the later works of prominent Russian thinker I.A. Ilyin (1883–1954). The paper aimed to demonstrate the characteristic features of humans in Ilyin's philosophy. The methods used in the paper are: historical-genetic, hermeneutic, and comparative, as well as the methods of analysis, synthesis, and generalization. During the first two decades of the 20th century, Russia experienced three revolutions and two wars, which could not but affect the thinking of Russian philosophers. Thus, a question was raised about man as a subject of the changing points in history. Since every revolution brings a transformation in moral attitudes, providing the essential definitions of man was rather difficult. One thing was clear, however: humans are in the deepest crisis, and the only way out of it is through intensified spiritual work. A semantic gap appeared between the human proper as the bearer of revolutionary consciousness and a certain imperative of the essence of man, which must be brought to light and implemented in reality. A special place in the article is given to the problem of spirituality, which is a key component of humans if viewed in the context of revolutionary transformations. The crisis of spirituality is proposed to be considered as an indicator of the universal human crisis, which must be corrected on the path to spiritual renewal. The study suggests a point of view according to which spirituality is a fundamental quality of a person experiencing a crisis; it is the basis of human rebirth from revolutionary captivity and of the formation of man's new image that is able to bring existence to full-fledged characteristics.

Keywords: anthropology, Russian religious philosophy, revolution, being, problem of man, spirituality, I.A. Ilyin

For citation: Usachev A.V. The Problem of Man in I.A. Ilyin's Philosophy. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 4, pp. 119–128. DOI: 10.37482/2687-1505-V367

Введение. В XX веке западная философия выдвигает тезис о том, что европейский человек погружен в Ничто [1, с. 213], а метафизика является способом бытия европейца [2, с. 547]. К этому приводила логика вопрошания человека на протяжении двух столетий, начиная с Канта [3]. Обоснование сущности происходило с помощью таких предметных массивов, как общество и природа. Для философии И.А. Ильина, как и для русского мышления в целом, оба предметных региона были признаны малоэффективными в существенном разговоре о человеке. Русский философ много раз утверж-

дал, что разговор о человеке может быть с позиций духовности и религиозности. Общество отрицалось в силу того, что оно носит отчуждающий характер и не может объяснить такие феномены, как духовность, а также свобода и тяготение к творчеству. Природа, в свою очередь, может предложить для обоснования только совокупность инстинктов, которые не имеют к сущности человека никакого отношения. Вопрос ставился таким образом, что важнее всего в размышлении о человеке были трансцендентные сущности, которые могли обеспечить мышление «сверху вниз», исходя из более высоких

целей той реальности, в которой он находился. Проблема человека в произведениях И.А. Ильина занимает центральное место ввиду того, что именно человек становится камнем преткновения во всех революционных преобразованиях, переживаемых философски мыслителем. И в «Поющем сердце», и в «Аксиомах религиозного опыта» он сосредотачивает свое внимание на экзистенции человека, рискующего в современном мире остаться без духовной опоры и потеряться на просторах исторических свершений, аналогов которым еще не было. Человек занимает центральное место в философском дискурсе И.А. Ильина, и он должен быть свободным в поступках и волеизъявлении, совершенствуя свое правосознание, которое делает его гражданином отечества и вписывает в контекст формирования будущего.

Цель статьи – проанализировать философские труды И.А. Ильина, касающиеся человека, и показать, что существенные черты человека обладают обобщающей силой и могут быть использованы в современных условиях.

Из цели проистекают следующие задачи:

– через призму современной философии исследовать проблему человека в творчестве И.А. Ильина и соотнести новые и классические идеи, заключенные в его научном повествовании;

– рассмотреть существенные черты человека, которые придает ему в своих произведениях русский мыслитель, соотнести их с современным видением человека;

– показать на примерах, что видение человека в произведениях И.А. Ильина сочетается с классической постановкой вопроса и коррелирует с религиозной точкой зрения, т. е. конкретизировать проблему человека с точки зрения христианского гнозиса.

В статье использовались следующие методы: историко-генетический, позволивший проследить становление феномена от зарождения до развитой формы; компаративистский, создавший сравнительную базу для соотнесения феноменов и идей; герменевтический – для истолкования выдержек из текста, а также анализ, синтез, обобщение.

Личный вклад автора заключается в соотнесении проблемы человека в произведениях И.А. Ильина с контекстом формирования нового человека современности, представленного как в пореволюционной России, так и за рубежом. Были проанализированы основные определения, которые неотъемлемы от человека, ставшего у философа основанием для дискурсов о будущем цивилизованного человечества. Теоретическая значимость исследования состоит в развитии теории человека и антропологической проблематики в рамках русской философии, которые мы находим в произведениях И.А. Ильина. Разработка вопросов о человеке позволяет основательнее судить о философии русского мыслителя. Материалы статьи могут быть использованы при чтении курсов по русской религиозной философии и философской антропологии. Также она может послужить основанием для дальнейших исследований в области русской религиозно-философской проблематики, касающейся человека.

Обзор литературы. В русской мысли возникла целая традиция вопрошания человека, основывающаяся на Божественной реальности. Человек признавался тем родом сущего, который получает свое бытие от трансценденции, что обязывало мыслителей находить смыслы и значения, превосходившие обыденность, возносившие человека на уровень свободы и творчества и не сводимые к простым значениям человека природы и человека социума. Это означало, что размышления должны приобрести трудные аспекты, которые могли отмежевать человека от рационалистических дискурсов, потому как в данном направлении европейской мысли признавались только те суждения, что могли фигурировать в качестве подтверждения разумности и рассудочности.

Среди основных работ, в которых обсуждаются антропологические идеи в философии Ильина, можно отметить такие: «Проблема исторической ответственности в русской религиозно-философской мысли конца XIX – начала XX вв. (на примере сборника “Вехи”)» А. Буллера, А.А. Линченко и Е.А. Стуровой; «Отечество

в философских построениях И.А. Ильина: литературные проекции» Е.Р. Пономарева; книги «Философия свободы» (1911), «Смысл творчества» (1914), «Русская идея» (1946) Н.А. Бердяева; «История русской философии» (1953) В.В. Зеньковского. Антропологическая точка зрения вызревает у И.А. Ильина в таких произведениях, как «Путь духовного обновления» (1935), «Аксиомы религиозного опыта» (1951), «Путь к очевидности» (1957), «Поющее сердце» (1958). В качестве источника антропологических знаний необходимо использовать книги Л. Шестова «Potestas clavium» (1935), «Киркегард и экзистенциальная философия» (1933), Н.О. Лосского «Условия абсолютного добра» (1957), в которой разрабатывается моральный облик современного человека. Также важным для этого исследования является произведение С.Л. Франка «Непостижимое» (1939).

Результаты. В русской философии вопрос ставился таким образом, что возник особый персонаж размышлений о человеке. Им стал человек философствующий, появившийся помимо отчуждающих и абстрагирующих ходов мысли. В частности, субъект гносеологии, субъект социологии – это абстракции, в рамках которых не мог быть поставлен вопрос о том, кем является человек по существу. Доминанта сохранялась за обществом или теорией познания, но они подавляли своей тотальностью возможность ответить на указанный вопрос. В русской мысли было выдвинуто предположение о том, что человек не оторван от познания, а участвует в нем как целостное существо. Это означало, что можно вести речь о постановке предельных вопросов и способности решить главные проблемы, которые стоят перед современным человечеством.

И.А. Ильин – выдающийся мыслитель – придерживался намеченной выше логики вещей. Идеи о человеке разлиты по его произведениям и составляют конгломерат мыслей,

которые способны стать целостной концепцией, позволяющей судить о том, кому принадлежит будущее современной цивилизации. Философ открыто ставил перед собой цель: «Особенно важно понять и объяснить людям сущность творческой жизни»¹. Вопрос обсуждался таким образом, что человек ускользал от систематической теории, и это являлось недостатком западного рационализма, который был не в состоянии прийти к существенным определениям. Человек как предмет философского анализа диктует свои особенности, для того чтобы прийти к четкому образу своей действительности. Русский философ видел смысл в том, чтобы выразить истину о человеке с помощью, как выражался Н.А. Бердяев, «живых созерцаний духа» [4, с. 524]. Именно на основе этого вида философствования обретали жизнь определения, которые можно признать основополагающими в изучении такого предмета, как человек.

По мнению И.А. Ильина, человек неустанно стремится к совершенству, что характеризует его как существо духовное. Духовность становится определяющим качеством для Ильина в констатации кризиса человека и его сознания, и это положение дел может быть изменено только в напряженной работе исторических сил, которые могут быть сконцентрированы в процессе изменения общественного сознания, в частности путем избавления от безбожия. Именно в духе рождается тяга к творчеству, которое порождает свободу – важнейшее качество. Но свобода не может мыслиться вне ответственности: «И вот первое, что необходимо каждому человеку, желающему творить культуру, это чувство своего предстояния, своей призванности и ответственности»². Русский мыслитель разделяет идею о том, что цивилизация и культура находятся в отношении противоречия. Цивилизация располагает к тому, чтобы бороться за блага и удовольствия, в то время как культура – это твор-

---

¹Ильин И.А. Путь к очевидности // Ильин И.А. Религиозный смысл философии. М.: АСТ, 2003. С. 346.

²Там же. С. 126.

чество высших ценностей³. Поэтому культура становится пространством творчества человека, который находится в ситуации свободы и стремится к тому, чтобы обогатить ее своим видением реальности, своей изначальной формой идеальной совокупности прозрений, позволяющих по-новому осветить жизнь. Следовательно, человеку должны быть присущи такие качества, как свобода, творчество, призванность, ответственность и духовность. Анализ именно этих качеств предложен ниже.

Свобода представляет собой состояние человека, при котором он выбирает духовность как пространство реализации своих замыслов, и существует только одна зависимость – это зависимость от Бога. Человек в глубинах своей души произносит перед Богом «я раб твой, Господи», чем реализует момент призванности в жизни. Психологическим ощущением свободы нельзя объяснить данный феномен. Он сопряжен с трудностями и жизненным героизмом, позволяющим перейти к фундаментальному состоянию жизни, заключающемуся в усмотрении сущности жизни в ее открытом восприятии: «Свобода, вообще говоря, не “дается”, а “берется”; она берется духом, как его неотъемлемое достояние, и соблюдается им, как неотчуждаемая святыня»⁴.

Творчество – это второе фундаментальное состояние человека, которым должна обогатиться жизнь в ее духовном состоянии. И.А. Ильин рассматривает конкретную историческую реальность, актуализирующую свободу и творчество. По его мнению, страной, реализующей эти высшие ценности, должна стать Россия, которая выберется из пут социалистической действительности. На Западе все устоялось и невозможно ждать перемен к другому виду бытия. Россия находится в постоянном становлении, что располагает к тому, что новые качества, новая антропология реализовались бы в ее пространстве. Эта точка зрения согла-

суется с концепцией Н.А. Бердяева, выраженной в книге «Смысл творчества» (1914) и более поздних произведениях. Творчество русский философ мыслит как проявление *Ungrund*, бесконечной бездны, которая творит бытие и все его смыслы. Творчество – это онтологическое качество, присущее личности и становящееся основным в разговоре о человеке. Позиции И.А. Ильина и Н.А. Бердяева во многом схожи, за тем исключением, что у первого творчество подчинено духовности и не выступает как самостоятельное свойство человека.

Призванность как духовное качество, выдвигаемое философом, касается прежде всего религиозного бытия. Каждый человек призван, но не каждый обращается к Богу как к тому, кто его призвал. Духовная философия обязывает смотреть на призванность таким образом, что человек не может быть потерян на просторах существования. Это происходит лишь в ситуации оставленности, которая берет верх только в случае, когда человек ничего не знает о Боге, не стремится к нему и признает за основу периферийное существование, отчужденное от центра. Периферийным существованием философ признает ненасытную тягу к благам мира, овладевающую человеком в случае его полной погруженности в условия жизни цивилизации. Призванность освещает путь, говорит о неслучайности бытия в современной ситуации. Она также служит пробуждению совести как внутреннего контроля, способного направить его к подлинному существованию: «Она же [совесть] и дает человеку то высшее счастье на земле, которое выражается словами духовного достоинства и призвания»⁵.

Если обобщить, можно сказать, что ответственностью проникнуто все бытие человека в духовном срезе. Она связана прочными узами с творчеством и располагает к тому, что ни одного шага человек не может сделать без чувства ответственности, которое неотделимо от свободы. Ответственность существует только в

³Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. М.: АСТ, 2023. С. 529–689.

⁴Его же. Путь к очевидности. С. 362.

⁵Там же. С. 363.

сочетании со свободой. Это означает, что человек имеет постоянную инстанцию ответственности, не позволяющую ему поступать против совести. Ответственность зависит от реальности предстояния человека, которое конкретизирует Бога в сознании. По мысли философа, она появляется в том случае, когда человек понимает себя как свободного субъекта, способного творить новую реальность и своей совестью обращаться к Творцу всяческих.

Особую роль в жизни человека играет духовность как автономное качество. Такие способы обоснования в естествознании, социологии, психологии не имеют существенности, потому что не могут объяснить духовность человека. Более того, русский мыслитель даже инстинкту дает определение «духовный». Это означает, что духовность на постоянной основе оказывается спутником человека и только в духе возможно познание. В духовности подчеркивается целостность человека и всех его сущностных сил. Этого нет ни в природе, ни в обществе. Духовность человека становится основополагающим свойством человека. Он как душевно-духовное существо способен не только на запрограммированные акты познания, но и на трансцендирование к Божеству в молитве, своих поступках, свободе и творчестве. Такие акты субстантивируют личность и определяют контуры истинного познания и творчества жизни.

Еще одним качеством человека, которое выдвигается русским философом, выступает религиозность. Его можно признать за своего рода естественное измерение бытия, присущее религиозной философии в целом. Оно является сложным феноменом для восприятия, потому что включает в себя такую реальность, как субъект религиозной философии. Таким образом, в философии И.А. Ильина надо различать онтологический уровень человека в мире, антропологический уровень человека в Божественной реальности и религиозный, в котором философствующий человек представлен в условиях кризиса культуры и человека.

Онтологический уровень характеризуется исторической реальностью, ставшей определяющей для России начала XX века. Он имеет прямое влияние на духовность человека и стал основанием таких изменений, которые можно смело признать эпохальными. Духовность становится краеугольным камнем в размышлении о человеке, когда необходимо поставить вопрос о том, что изменилось в ходе революции. Ряд революций, приведших страну к социализму, стал отправным пунктом для размышлений о России и ее историческом предназначении. Такое состояние страны оказалось определяющим в смене картины мира, постоянный переход к неизведанному будущему стал отправной точкой для потери сущности и для необходимости ее вновь обрести в условиях кризиса и смятений. Классовая реальность захватила население страны и являлась онтологической основой для выдвигания на повестку дня человека частичного, атомарного, преследующего свои земные цели, расположенные только на уровне периферийного существования. И.А. Ильин отмечал, что речь надо вести о русском человеке: «Быть русским – значит не только говорить по-русски. Но значит воспринимать Россию сердцем, видеть любовь ее драгоценную самобытность и ее во всей вселенской истории неповторимое своеобразие»⁶. Человек стал индивидуумом, т. е. неделимым субъектом, мыслящим творчество только на уровне социального бытия. Когда земные цели безраздельны, тогда нельзя говорить о том, что сущность человека стала проявляться вполне. Описанная ситуация послужила для И.А. Ильина отправной точкой, для того чтобы мыслить человека творческого и свободного в качестве трансцендирования через установившуюся реальность.

Концепция человека у русского философа включает такое понятие, как свобода. Он подчеркивал: «Только свободно можно верить и молиться. Ибо настоящая, живая вера всегда захватывает самую последнюю глубину души,

---

⁶Ильин И.А. О революции. О религиозном кризисе наших дней // Ильин И.А. Собр. соч. М., 2001. Т. 19. С. 147.

куда не проникают никакие чужие повеления и запреты, где человек самостоятельно созерцает, видит, любит и верует; где он свободен»⁷. Свобода мыслится как отображение свойства Бога в человеке. Если Бог свободен, то и человек должен быть свободен. Бог творил мир, и это качество передается человеку, который обязан творить и в творчестве обретать свободу. И.А. Ильин вводит в теорию познания принцип очевидности. Этот принцип уже был известен в истории философии, например в первом правиле метода Р. Декарта, где говорится о том, что истина может быть познана, только если она становится очевидной [5].

Русский философ расширяет возможности очевидности и ставит ее выше любого другого гносеологического принципа: «Для того чтобы человек пережил очевидность и приобрел убеждение, ему необходима свобода: только свободное убеждение имеет духовную силу и жизненный вес; только оно захватывает последнюю глубину личности; только оно формирует характер человека; только оно может быть верным даже до смерти...»⁸ Проблема человека у русского мыслителя приобретает вид конкретно-исторической реальности. В частности, речь идет о революционных событиях, претендовавших на то, чтобы коренным образом сменить качество человека [6]. Человек, в котором видятся только его индивидуальные качества и стремление быть в социальной онтологии, не может претендовать на то, чтобы быть вселенским существом и реализовать замысел Божий о человеке. Это говорит о том, что революционная данность может только сообщить человеку периферийные стремления, совсем не пуская его в центр. Свобода нужна человеку для того, чтобы осуществлять все принципиальные силы и сообщать ему самые важные качества, составляющие его исконную природу. И.А. Иль-

ин вопрошает: «Но любовь, вера и молитва, мышление и исследование, очевидность и духовный характер, творческое вдохновение и акт совести – разве это не важнейшее в жизни человека, разве не в этом смысл его земной жизни?»⁹

Антропология может быть только духовной наукой, рассматривающей человека сквозь эту призму. Важнейший духовный акт – молитва – служит становлению человека в сложной реальности. Молитвой обретается сущность и определяются первостепенные цели существования. Это свойство человека подчеркивается актом совести, на который философ также обращает внимание. В данном акте видится призыв Божий к человеку и обретаются важные черты, образующие человеческую личность. В этом заключается особая роль, которую играет философия в познавательном процессе. Философия как деятельность свободного духа может сформировать очевидность и предоставить человеку понимание цели его жизни [7, с. 128]. Она является одним из самых существенных видов творчества, раскрывающих человеку неизведанные глубины его духа. Особую роль русский мыслитель отводит философии как пространству творческих актов, связанных с исследованием реальности и подчеркивающих религиозный опыт человека. Здесь обретает смысл правило, которое И.А. Ильин почерпнул у Гегеля [8]: целое входит в свою часть в качестве сущности, а часть входит в целое в качестве элемента. Таким же образом обстоит дело с религиозным опытом, который входит в философию в качестве сущности, а философия входит в религиозный опыт в виде части.

Религиозный уровень существования человека является неотъемлемой частью проблемы человека в философии И.А. Ильина. В связи с этим философ отмечает: «Сущность религии

⁷Ильин И.А. Путь к очевидности. С. 472.

⁸Там же.

⁹Там же. С. 473.

состоит вообще в том, что человеку дается и человеком овладевает Откровение»¹⁰. В жизни человека возникают разнообразные вопросы, которые он вынужден разрешать тем или иным способом. Экзистенция вообще характеризуется тем, что она рождает предельные вопросы, от которых человек не может скрыться и на которые вынужден отвечать по существу [9]. Именно в этом смысле русский философ рассуждает о религии как реальности, дающей силы для того, чтобы не затеряться на просторах существования. Именно она дает возможность развернуть разговор о духовности как основополагающем качестве человека. Он употребляет метафору свечения. Божий луч озаряет человека, и он становится способен смотреть истине в глаза и воспринимать действительность такой, какой она является. Это и можно назвать духовностью. Если этого не происходит, то человек способен трансцендировать только к обыденным сущностям, которые не содержат истину и могут лишь запутать своими ложными сиюминутными целями. Человек есть образ Божий и словно по наследству принимает все существенные характеристики от своего Творца. В числе этих характеристик можно найти свободу, творчество, совесть, ответственность и призванность. Каждое из названных качеств служит тому, что человек не чувствует и не понимает себя оставленным в пучине существования, а имеет возможность самостоятельно, с помощью Божьего луча, рассматривать все события открыто, в их исконной сущности, поскольку инициатива в формировании событий принадлежит Абсолютной трансценденции [10].

Цель человеческой жизни, по мысли философа, это воссоединение с Богом, которое происходит внутри человека в пространстве его души: «То внутреннее воссоединение, которое он [человек] переживает, состоит в том, что в его собственных пределах возникает новый, властный центр. Этот центр светит ему в его

внутренней жизни то как тихое сияние раскаленного угля, то как победное радостное пламя»¹¹. Религиозность накладывает свой отпечаток на все. Идет ли речь о человеке, о проблеме его самоопределения, его обоснования в жизни или его судьбе в недрах революционных событий в России. Именно поэтому религиозность является фундаментальным качеством, которое на полных правах входит в онтологию и антропологию [11]. Здесь философ показывает себя иерархическим периферийным, признавая, что существуют цели периферийные, а есть центральные. Бытие человека в этом контексте может быть центральным, поскольку перед ним стоят подлинные цели и отдается должное Божественному происхождению мира и всех событий, что в мире совершаются, а может быть периферийным, когда перед существованием ставятся ложные цели и смыслы возникают из искаженной реальности, определяющейся в относительной свободе от Бога. Философ выступает за центральное существование, в рамках которого есть возможность отыскать истинные смыслы и значения, исследуемые философией как наукой о предельных сущностях [12].

Заключение. Своей антропологией И.А. Ильин выражал идею духовного как основы основ существования человека, в рамках которой проявляются такие сущности, как свобода, творчество, призванность и ответственность. Перечисленные качества обеспечивают человеку возможность подлинного познания реальности, которая не сводится только к социологическим, естественнонаучным или психологическим формам действительности. В их контексте невозможно поставить вопрос о духовности человека, что делает познание проблематичным, не отвечающим сути истинного освоения действительности. А разговор о человеке необходим, т. к. он стал камнем преткновения в борьбе за новый порядок в истории

---

¹⁰Ильин И.А. Путь к очевидности. С. 473.

¹¹Там же. С. 521.

России, и философ уделяет проблеме человека повышенное внимание, потому что от этого зависит, кто прислушается к содержательной части его обращения. Путь духовного обновления должен пройти человек самостоятельно, и никто не поможет ему, кроме Бога.

В учении о человеке И.А. Ильина можно выделить несколько уровней. Прежде всего речь идет об онтологическом уровне, связанном с осмыслением постреволюционного бытия России, которое выдвинуло на повестку дня определения нового человека, существующего в условиях тоталитарного режима. Это человек деклассированный, цели жизни которого заключены только в периферийных сферах, не

выходящих за пределы социальной конкуренции. Он также не знает альтернативы социуму в решении поставленных жизнью задач. Антропологический уровень является религиозным, потому что обоснование существенных характеристик происходит с помощью Божественной реальности. Бытие человека находится в Божественном луче, который актуализируется в ситуации постановки предельных задач бытия и мышления. Следующий уровень собственно религиозный, где обосновывается духовность человека как его существенное качество, позволяющее отнестись к экзистенции с точки зрения духовности и душевно-духовного состава его личности.

Список литературы

1. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск: Водолей, 1998. 383 с.
2. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 543–624.
3. Кант И. Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2022. 784 с.
4. Бердяев Н.А. Философия свободы / сост., вступ. ст. и коммент. В.В. Шкоды. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2004. 732 с.
5. Декарт Р. Рассуждения о методе. М.: АСТ, 2023. 416 с.
6. Буллер А., Линченко А.А., Стурова Е.А. Проблема исторической ответственности в русской религиозно-философской мысли конца XIX – начала XX вв. (на примере сборника «Вехи») // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2020. № 451. С. 69–76.
7. Зеньковский В.В. История русской философии. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 2001. 885 с.
8. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. 452 с.
9. Пономарев Е.Р. Отечество в философских построениях И.А. Ильина: литературные проекции // Stud. Litterarum. 2021. Т. 6, № 3. С. 222–243. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-3-222-243>
10. Obolevitch T. Ontologism in Semyon Frank // Stud. East Eur. Thought. 2021. Vol. 73, № 2. P. 155–168. <https://doi.org/10.1007/s11212-020-09369-z>
11. Черняев А.В., Цыганков А.С. Н.А. Бердяев в Голландии: к истории католической рецепции русской мысли 1920–1930-х гг. // Вестн. Православ. Св.-Тихон. гуманит. ун-та. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2021. Вып. 97. С. 59–72. <http://dx.doi.org/10.15382/stur1202197.59-72>
12. Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. 607 с.

References

1. Heidegger M. *Prolegomeny k istorii ponyatiya vremeni* [History of the Concept of Time: Prolegomena]. Tomsk, 1998. 383 p.
2. Husserl E. *Krizis evropeyskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya* [The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology]. Husserl E. *Logicheskie issledovaniya. Kartezijskie razmyshleniya* [Logical Investigations. Cartesian Meditations]. Minsk, 2000, pp. 543–624.
3. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [The Critique of Pure Reason]. Moscow, 2022. 784 p.

4. Berdyaev N.A. *Filosofiya svobody* [The Philosophy of Freedom]. Moscow, 2004. 732 p.
5. Descartes R. *Rassuzhdeniya o metode* [Discourse on the Method]. Moscow, 2023. 416 p.
6. Buller A., Linchenko A.A., Sturova E.A. The Problem of Historical Responsibility in the Russian Religious and Philosophical Thought of the Late 19th – Early 20th Centuries (Based on the Collection Vekhi). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, no. 451, pp. 69–76 (in Russ.). <http://dx.doi.org/10.17223/15617793/451/9>
7. Zen'kovskiy V.V. *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow, 2001. 885 p.
8. Hegel G.W.F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 1. Nauka logiki* [Encyclopaedia of the Philosophical Sciences. Vol. 1. Science of Logic]. Moscow, 1974. 452 p.
9. Ponomarev E.R. Motherland in the Philosophical Constructions of I.A. Ilyin: Literary Projections. *Stud. Litt.*, 2021, vol. 6, no. 3, pp. 222–243 (in Russ.). <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-3-222-243>
10. Obolevitch T. Ontologism in Semyon Frank. *Stud. East Eur. Thought*, 2021, vol. 73, no. 2, pp. 155–168. <https://doi.org/10.1007/s11212-020-09369-z>
11. Chernyaev A., Tsygankov A. Nikolai A. Berdyaev in the Netherlands: On the History of the Catholic Reception of Russian Thought in the 1920s–1930s. *St. Tikhon's Univ. Rev. Ser. I Theol. Philos.*, 2021, vol. 97, pp. 59–72 (in Russ.). <http://dx.doi.org/10.15382/sturI202197.59-72>
12. Frank S.L. *Sochineniya* [Works]. Moscow, 1990. 607 p.

Информация об авторе

А.В. Усачев – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социальных наук Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (адрес: 399740, Липецкая обл., г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28.1).

Information about the author

Aleksandr V. Usachev, Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Prof. at the Department of Philosophy and Social Sciences, Bunin Yelets State University (address: ul. Kommunarov 28.1, Yelets, 399740, Lipetskaya obl., Russia).

Поступила в редакцию 16.01.2024
Одобрена после рецензирования 16.04.2024
Принята к публикации 17.04.2024

Submitted 16 January 2024
Approved after reviewing 16 April 2024
Accepted for publication 17 April 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 4. С. 129–139.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 4, pp. 129–139.

Научная статья

УДК 304:130.2+124.5

DOI: 10.37482/2687-1505-V368

Человек (не)античный: философская антропология молодого Ницше

Вячеслав Тависович Фаритов

Самарский государственный технический университет, Самара, Россия,

e-mail: vfar@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2270-4941>

Аннотация. В предлагаемой статье осуществляется анализ философско-антропологических воззрений Фридриха Ницше в ранний период его творчества (1869–1873 годы). Цель исследования заключается в выявлении зарождения, генезиса и трансформаций тех идей, с которыми впоследствии будет ассоциироваться философия Ницше: сверхчеловек, смерть Бога, вечное возвращение. Методологической базой выступают фундаментальные принципы и установки философской компаративистики и историко-философской реконструкции. Основное внимание в статье уделяется проблеме трактовки человека в философии молодого Ницше в ракурсе сопоставительного анализа с идеями последующих периодов творчества философа. Аргументируется положение о том, что учению о сверхчеловеке у молодого Ницше предшествует установка на осмысление человека в рамках таких концептов, как «прачеловек», «всечеловек», «всехудожник» и «трагический человек». Выявляется обусловленность философско-антропологических воззрений молодого Ницше двумя контекстами: философией и культурой античности досократического периода («трагической эпохи») с одной стороны и метафизикой А. Шопенгауэра и эстетикой художественных произведений Р. Вагнера с другой. В работе обосновывается тезис о том, что определяющими факторами в генезисе идей молодого Ницше являются усвоение и переосмысление взглядов Шопенгауэра и Вагнера. Метафизика Шопенгауэра и эстетика Вагнера выступают в качестве отправного пункта и концептуального горизонта рецепции «трагической эпохи» античности, а не наоборот. В статье также подчеркивается, что осмысление философом кризиса европейской метафизики происходит ввиду обращения Ницше к философской рецепции античности. Проведена параллель между трактовками Ницше кризиса античной и кризиса современной христианской культуры.

Ключевые слова: сверхчеловек, всечеловек, прачеловек, человек античный, человек современный, Ф. Ницше

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00627, <https://rscf.ru/project/24-28-00627/>.

Для цитирования: Фаритов, В. Т. Человек (не)античный: философская антропология молодого Ницше / В. Т. Фаритов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 4. – С. 129-139. – DOI 10.37482/2687-1505-V368.

Original article

(Non-)Ancient Man: Philosophical Anthropology of the Young Nietzsche

Vyacheslav T. Faritov

Samara State Technical University, Samara, Russia,

e-mail: yfar@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2270-4941>

Abstract. This article analyses the philosophical and anthropological views of Friedrich Nietzsche in the early period of his writing (1869–1873). The paper aims to identify the origin, genesis and transformations of those ideas with which Nietzsche’s philosophy would subsequently be associated: overman, the death of God, and the eternal return. The methodology of the study is based on the fundamental principles and ideas of comparative philosophy as well as historical and philosophical reconstruction. The article focuses on the interpretation of man in young Nietzsche’s philosophy and compares it with the ideas in his later works. The paper argues that his doctrine of the overman is preceded by the idea of considering man within the framework of such concepts as *proto-man*, *total man*, *total artist* and *tragic man*. Apparently, early Nietzsche’s philosophical and anthropological views were conditioned by two contexts: ancient philosophy and culture of the pre-Socratic period (“the tragic era”) on the one hand, and A. Schopenhauer’s metaphysics and the aesthetics in R. Wagner’s works on the other. The article substantiates the thesis that the determining factors in the genesis of young Nietzsche’s ideas were the assimilation and rethinking of Schopenhauer’s and Wagner’s views. Schopenhauer’s metaphysics and Wagner’s aesthetics act as the starting point and a conceptual horizon for the reception of the “tragic era” of antiquity, not vice versa. In addition, the paper emphasizes that to understand the crisis of European metaphysics Nietzsche turned to the philosophical reception of antiquity. A parallel is drawn between Nietzsche’s interpretations of the crisis of ancient culture and the crisis of modern Christian culture.

Keywords: *overman, total man, proto-man, ancient man, modern man, F. Nietzsche*

Funding: The research was funded through the Russian Science Foundation grant no. 24-28-00627, <https://rscf.ru/project/24-28-00627/>.

For citation: Faritov V.T. (Non-)Ancient Man: Philosophical Anthropology of the Young Nietzsche. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 4, pp. 129–139. DOI: 10.37482/2687-1505-V368

Ницше вошел в историю философской антропологии как создатель учения о сверхчеловеке. Зрелый Ницше – фактически основоположник и ярчайший представитель постметафизического типа философствования [1, 2], отказывающийся от выявления универсальной сущности человеческого бытия и раскрывающий иные, неметафизические горизонты философского осмысления жизни и культуры [3]. С одной стороны, учение Ницше о человеке в ранний период творчества обнаруживает значительные расхождения с образом мысли филосо-

фа в последующие периоды. С другой стороны, черновики и наброски 1869–1873 годов позволяют проследить зарождение многих идей, которые в будущем станут для Ницше основополагающими. Таким образом, целью настоящего исследования выступает рассмотрение трактовки человека в учении молодого Ницше в перспективе сравнительного анализа с концептуальными разработками последующих годов.

Начнем с общих моментов. Молодой Ницше – филолог-классик, профессор Базельского университета. Данное обстоятельство, а так-

же публикации (в первую очередь «Рождение трагедии») стали причиной формирования представления об определяющем влиянии античной культуры на образ мысли Ницше как в ранний, так и последующий период его творчества [4–7]. Однако анализ черновиков молодого Ницше позволяет прийти скорее к противоположному выводу. Образ мысли молодого Ницше формируется под определяющим влиянием не Эсхила и Софокла, не Гераклита и Эмпедокла, но прежде всего Шопенгауэра и Вагнера. В эти годы философ еще не распознал в данных фигурах ярчайших представителей нигилизма и декаданса. Разрыв и переоценка еще впереди. Пока Ницше – метафизик шопенгауэрианского толка и поклонник музыкального творчества Вагнера. Хотя метафизика Шопенгауэра уже в этот период подвергается у Ницше переосмыслению и переработке, выход за пределы метафизической парадигмы как таковой и общей канвы «Мира как воли и представления» еще не осуществлен. Важно, что именно Шопенгауэр и Вагнер задают перспективу, через которую молодой Ницше мыслит как античность, так и современность, но не наоборот. Образы человека античного и человека современного в черновиках и публикациях 1869–1873 годов – это философские реконструкции из горизонта метафизики Шопенгауэра и эстетики Вагнера. Греки дали Ницше преимущественно материал. Осмысление же материала ведется пока в следующих горизонтах: 1) образа мысли Шопенгауэра и Вагнера, которых Ницше мыслит еще как «несвоевременных», несовременных, и 2) культуры современности, которую Ницше уже сейчас оценивает как упадочную. Образ античности формируется на основе этих двух параллелей. На фоне современной культуры, где и искусство, и образование, и религия, и человек являются собой сплошной упадок, античность становится образом утраченной высоты и полноты. С Шопенгауэром и Вагнером, в свою очередь, пока еще связываются надежды на возрождение

ретроспективно сконструированного образа античной культуры. Впоследствии от этих надежд Ницше откажется и на место своих современников поставит образ сверхчеловека, которому еще только суждено прийти в неопределенном будущем. Что касается античности, то она в учении Ницше приобретет преимущественное значение *позитивного негатива* современности: образ античности будет представлять собой конструкт, сформированный на основе отрицания современности и наделенный позитивной значимостью на фоне этой современности.

В поисках метафизики: античность сквозь призму философии Шопенгауэра и музыки Вагнера. Прежде всего следует поставить вопрос: чего же, собственно, так недоставало Ницше в современности, чего он в ней не находил или находил слишком мало и в исключительных случаях? Здесь мы введем положение, обоснование которого будет представлено в дальнейшем: несмотря на всю разрушительную критику метафизики, развернутую философом в более поздние периоды своей деятельности, натуре Ницше, всему его существу присуща метафизическая потребность. Фундаментальная проблема «экзистенции» Ницше [5] состоит в том, что со своей метафизической потребностью он жил в одну из самых неметафизических эпох. К XIX столетию период метафизического творчества европейской культуры остался далеко позади. Ницше застаёт метафизику то ли умирающей, то ли уже умершей, что констатирует уже в заметках 1872–1873 годов: «Метафизика невозможна. Самооскопление (Metaphysik unmöglich. Selbstcastration). Трагическая резиньяция, конец философии (Die tragische Resignation, das Ende der Philosophie). Философия со времен Канта мертва (Philosophie seit Kant todt)»¹. Обратим внимание: невозможность метафизики для Ницше равнозначна самооскоплению (в сфере культуры) и концу философии – ни больше ни меньше. В отношении европейской

¹Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 7. Черновики и наброски 1868–1873 гг. М.: Культур. революция, 2007. С. 466–467.

культуры конец метафизики и смерть философии у Ницше связываются с именем Канта, в отношении античности – с именем Сократа. Впоследствии взгляды философа по обозначенному вопросу будут меняться, уточняться, но общая направленность сохранится.

Здесь же обращает на себя внимание следующий ход: из трагической ситуации конца философии молодой Ницше находит пока только один выход: «Спасти нас может только искусство (*Nur die Kunst vermag uns zu retten*)»². Ницше искал и находил спасение в искусстве Вагнера, услышанного и понятого через философию Шопенгауэра. В этом пункте – ключ, код к пониманию ницшевской реконструкции античности. Тезис, что Ницше понимал античность сквозь призму вагнеровской музыки, а не наоборот, подтверждается уже самой первой записью осени 1869 года: «Тот, кто сегодня говорит или слышит об Эсхиле, Софокле, Еврипиде, невольно думает о них прежде всего как о поэтах, представителях литературы, ведь он знаком с ними по *книгам*, читал в оригинале или в переводе: но это приблизительно то же самое, как если бы кто-то говорил о Тангейзере, имея в виду либретто и ничего другого. Об этих мужах древности следует говорить не как о либреттистах, а как о композиторах, сочинявших оперы»³. Вот ключевое слово, исходный пункт, зерно, из которого вскоре вырастет «Рождение трагедии». Греческие трагики – как оперные композиторы («als Operncomponisten»). Правда, Ницше сразу же оговаривается, что «по сравнению с античной музыкальной драмой наши оперы и есть всего лишь карикатуры»⁴. Но тут следует критически спросить: где и когда слышал молодой Ницше античную *музыкальную драму*, чтобы судить о современных операх как о карикатурах? В качестве филолога он работал как раз с книгами, читал античных трагиков в

оригинале. Но помимо библиотек Ницше посещал еще и театр, где слышал (на этот раз мы можем не сомневаться, что действительно *слышал*) оперы Вагнера, одну из которых не преминул упомянуть в рассматриваемом нами фрагменте.

Придет время, когда Ницше будет сравнивать Вагнера с Бизе и даже с Оффенбахом – и в обоих случаях не в пользу Вагнера. Но это еще впереди, а пока молодой Ницше именно в Вагнере находит спасение от утратившей метафизическую составляющую современности. Важно, что Вагнера Ницше понимает метафизически-шопенгауэриански. Последнее было несложно, поскольку и сам Вагнер в определенный период испытал влияние Шопенгауэра [8]. Так закладывается основное направление мысли Ницше в указанный период: метафизика Шопенгауэра, спроецированная на оперу Вагнера, задает парадигму для реконструкции античной трагедии и античной философии.

Следует отметить, что и в ранний период Ницше не был простым последователем Шопенгауэра, лишь находившим некое приложение его философии. Молодой Ницше уже подвергает метафизику Шопенгауэра определенной переработке. Направленность этой переработки – преимущественно эстетическая. Если у Шопенгауэра метафизика выступает фундаментом как эстетики, так и этики, то у Ницше наблюдается тенденция к эстетизации самой метафизики. Искусство, согласно Ницше, порождает видимость, иллюзии, делающие жизнь и существование возможными. Истина как таковая скорее враждебна и губительна для жизни. Искусство как видимость, таким образом, становится трансцендентальной предпосылкой существования. Характерно при этом, что и воля, которая у Шопенгауэра относится к сфере кантовской вещи в себе, у Ницше перемещается в сферу явлений: «Вопреки Шопенгауэру воля –

²Ницше Ф. Указ. соч. Т. 7. С. 466.

³Там же. С. 9.

⁴Там же.

форма явления»⁵; «Сама воля есть ничто иное как видимость, и Праединое является только в ней (*der Wille nichts als Schein selbst ist, und das Ureine nur in ihm eine Erscheinung hat*)»⁶.

В переосмыслении основоположений шопенгауэровской метафизики обнаруживаются сразу две тенденции, свойственные мысли Ницше. С одной стороны, базельский профессор пытается спасти ставшую невозможной метафизику посредством придания ей эстетического характера. Если после Канта метафизика становится невозможной как наука, как познание, то можно еще попытаться найти путь к Праединому (*Ureine*) через сферу художественного. В каком-то смысле этот путь был намечен у самого Канта в «Критике способности суждения», затем был разработан Шопенгауэром в его эстетике. Однако, с другой стороны, у Ницше уже в ранний период творчества наблюдается тенденция к отказу от метафизики в пользу эстетики. Тут речь уже идет не об эстетизации метафизики (в чем у Ницше были предшественники), но о превращении эстетики в самодовлеющее онтологическое учение без метафизики (т. е. без трансцендентного). Так, одно из наиболее характерных высказываний в этом направлении обнаруживает принципиальную амбивалентность мысли Ницше: «Жизнь возможна лишь благодаря художественным иллюзиям (*Das Leben nur möglich durch künstlerische Wahnbilder*)»⁷. Можно прочесть приведенный тезис в ключе «артистической метафизики»: «möglich» («возможно») в данном случае будет означать онтологическое условие или трансцендентальную предпосылку существования. Но есть и иной вариант прочтения, в котором «möglich» будет подразумевать не онтологическую возможность, но выносимость, оправданность. Здесь речь идет уже не об обнаружении

фундаментальных оснований бытия, но о придании существованию смысла через художественные иллюзии (*durch künstlerische Wahnbilder*). В контексте дальнейшего развития мысли Ницше именно эта неметафизическая тенденция станет преобладающей. Но уже сейчас, в 1870–1871 годах, Ницше все больше склоняется в сторону выхода за пределы метафизики как таковой: «Моя философия – это *перевернутый платонизм*: чем больше мы удаляемся от истинного бытия (*vom wahrhaft Seienden*), тем чище, прекраснее и лучше. Жизнь в мире иллюзии (*im Schein*) как цель»⁸.

Еще раз проследим весь ход развития мысли Ницше в рассматриваемый период. В ситуации кризиса европейской метафизики Ницше сначала пытается найти возможность спасения самой метафизики. Но уже в начале своего пути приходит к осознанию тщетности подобного предприятия. Тогда философ обращается к искусству. В сторону эстетизации метафизики его подталкивает эстетика Шопенгауэра. Но практически сразу эстетический аспект берет верх над метафизическим. Ницше все больше склоняется к выводу, что сфера художественного творчества не столько открывает глубинные первоосновы бытия, сколько скрывает их, делая тем самым жизнь возможной в значении оправданности и переносимости. Иллюзия, видимость (*Schein*), не ставится на место бытия (*Sein*), но оценивается выше, чем бытие. Характерно, что в «Рождении трагедии» тезис «жизнь возможна («möglich») лишь благодаря художественным иллюзиям» преобразуется в формулировку «существование и мир навеки оправданы только как эстетический феномен»⁹ («*nur als ästhetisches Phänomen ist das Dasein und die Welt ewig gerechtfertigt*») ¹⁰. Здесь «möglich» уступает место «gerechtfertigt», «возможно»

⁵Ницше Ф. Указ. соч. Т. 7. С. 326.

⁶Там же. С. 119.

⁷Там же. С. 184.

⁸Там же. С. 185.

⁹Там же. Т. 1, ч. 1. Рождение трагедии. Из наследия 1869–1873 годов. М.: Культур. революция, 2012. С. 43.

¹⁰*Nietzsche F. Gesammelte Werke. Köln: Anaconda Verlag GmbH, 2012. S. 34.*

заменяется на «оправдано». Оправдание – категория уже не метафизическая, но либо этическая, либо эстетическая. Несмотря на это, в «Рождении трагедии» Ницше все еще продолжает говорить о метафизике. Данное обстоятельство обусловлено в большей степени языковой инерцией, сама мысль Ницше, как было показано, движется уже в ином направлении.

Что касается греков, они оказались как нельзя более кстати ввиду основной задачи, которую Ницше ставит перед собой как философ и преподаватель: «Истинная цель – воспитание для борьбы с современностью»¹¹. Шопенгауэр и Вагнер на поверку оказались современными в большей степени, чем ожидал от них молодой Ницше. Из греков в соратники для борьбы с современностью Ницше избрал наиболее древних, т. е. наиболее удаленных и наименее освоенных современностью. Из греческих философов Ницше отдает предпочтение досократикам – тем, от кого сохранились преимущественно отдельные фрагменты и упоминания. Такой материал оставляет наибольший простор для философских реконструкций.

Человек античный и человек современный. Образ античного человека у Ницше также представляет собой позитивный негатив человека современного. Античный человек оценивается выше современного, но именно последний выступает в качестве того пункта, отталкиваясь от которого конструируется образ античного человека. Хотя молодой Ницше еще продолжает использовать язык метафизики, вопрос о первоначале уже в этот период для него разрешен в своей принципиальной неразрешимости и одновременно непригодности для жизни. С эстетической точки зрения видимость выше бытия. На таком фундаменте выстраивается собственно ницшевская концепция человека. Вместе с тем в ранний период еще не полностью преодолено влияние Шопенгауэра, следствием чего становятся своеобразные метафизические вкрапле-

ния в философскую антропологию Ницше. Отсюда некоторая двойственность в концепции. С одной стороны, человек – произведение искусства, художник, созидаящий самого себя и утверждающий прекрасную видимость поверх ужасающей бездны бытия. Эту тенденцию можно определить как преимущественно ницшеанскую. С другой стороны, человек – герой, отрицающий свою индивидуальность ввиду утверждения Праединоного (Ureine) и слияния с ним. Такую тенденцию следует охарактеризовать как шопенгауэрианскую. Оба направления Ницше проецирует на античность и античного человека. Первому направлению соответствует художник гомеровского типа, второму – Эмпедокл, прыгающий в Этну, а также гибнущий трагический герой. В первом случае преобладает аполлоническое начало, во втором – дионисийское. Наконец, Ницше выделяет еще и третий тип человека, который в наибольшей степени соответствует современному. Это теоретический человек, не аполлонический и не дионисийский, но абстрактный по преимуществу, ученый или философ, отдающий предпочтение абстракциям. Данный образ также проецируется на античность – так формируется ницшеанская фигура Сократа и сократического человека. Последний тип Ницше связывает с разрушением и гибелью античной культуры.

Отправным пунктом для формирования образа человека-художника выступает Вагнер, который в глазах молодого Ницше порывает с современной культурой и возрождает древнюю: «Вагнер пытается просто отбросить атлас современной культуры: его музыка имитирует древнейшую прамузыку. Синкретическое произведение искусства подобно творению древнейшего человека, так же как предпосылкой вагнеровского искусства является древнейший дар. Нераздельный человек. Поющий пра-человек (Der ungetrennte Mensch. Der singende Urmensch)»¹². Пока у Ницше еще нет учения о

¹¹Ницше Ф. Указ. соч. Т. 7. С. 242.

¹²Там же. С. 300.

сверхчеловеке (Übermensch), но есть прачеловек (Urmensch). Концепт «прачеловек» столь же трудно поддается точному определению, как и «сверхчеловек». В обоих случаях утверждается не понятие с четкими границами, но некий горизонт. Сверхчеловек ориентирует в будущее, прачеловек – в прошлое. Оба горизонта представляют собой по сути варианты отталкивания от настоящего, от неприемлемой для Ницше современности. Своего нераздельного и поющего прачеловека профессор классической филологии пытается найти в Древней Греции. Но мы не сильно промахнемся, если будем искать его там, где его увидел сам Ницше: на сцене оперного театра, во время исполнения «Тристана» или «Тангейзера»...

Будущая оппозиция человека и сверхчеловека предвосхищается у молодого Ницше оппозицией человека и гения: «Человек и гений противостоят друг другу (Der Mensch und der Genius stehen sich in sofern gegenüber)»¹³. Значение, оправдание существования человека, как и государства, состоят преимущественно в подготовке и создании условий для появления гения: «Гений как “небодрствующий, но лишь грезящий” человек, тот, как я говорил, подготавливается и возникает в человеке, бодрствующем и грезящем одновременно, имеет в полной мере *аполлиническую* природу»¹⁴. Позднее существование человека будет оправдываться уже появлением не гения, но сверхчеловека. «Культ гения» будет Ницше отвергнут.

Но это в будущем. А пока Ницше еще находится под влиянием двух гениев современности – Шопенгауэра и Вагнера. У Шопенгауэра он заимствует образ великанов, общающихся друг с другом сквозь тысячелетия и не обращающих внимания на копошащихся под ногами карли-

ков¹⁵. В Вагнере философ находит воплощение «всехудожника и всечеловека» – тип, к которому он относит людей «трагической эпохи», в частности Эсхила¹⁶. «Всецеловек» – еще один вариант предвосхищения «сверхчеловека» (Übermensch). «Всецеловек» у Ницше стоит в одном ряду с «Allkünstler» – «всехудожником». Тем самым подчеркивается преимущественно эстетическая, художественная направленность осмысления человека: «всецеловек» есть не кто иной, как «всехудожник», являющийся собственным творением. Молодой Ницше *находил* таких людей среди древних греков. Находил, потому что искал. Однако обратившись к программному трактату Вагнера «Опера и драма», мы увидим, что вдохновили Ницше на эти поиски не только и не столько древние греки [9].

Наряду с образом синтетического человека («нераздельного прачеловека», «всехудожника и всечеловека») у Ницше представлен другой тип человека – дионисийского. Это человек экстатический (ἔκστασις), человек, «выходящий из себя»¹⁷. «Бытие-вне-себя» (Außer-sich-sein) – установка, предполагающая выход за пределы положенных границ, их временное снятие или полное разрушение. То есть путь *трансгрессии* [3]. Имеет значение направленность такого «вне-себя-бытия». В ранний период творчества трансгрессия у Ницше представляет собой путь к Праединому (Ureine). Здесь еще дает о себе знать не до конца преодоленное влияние метафизики Шопенгауэра. Сквозь призму этой метафизики Ницше, на тот момент штатный профессор Базельского университета, видит греческую трагедию. Так появляется формула «победоносное поражение, или поражение, ведущее к победе (siegreiche Unterliegen oder das im Unterliegen zum Siege Gelangen)»: «Необходимо, чтобы трагический герой погиб от

¹³Ницше Ф. Указ. соч. Т. 7. С. 303.

¹⁴Там же. С. 304.

¹⁵Там же. С. 506.

¹⁶Там же. С. 478.

¹⁷Там же. С. 10.

того, что приведет его к победе»¹⁸. В седеющем десятилетии Ницше даст свою ставшую хрестоматийной формулу: «Человек – это переход и гибель». Но уже сейчас еще не достигший 30-летнего возраста Ницше формулирует императив, по степени категоричности превосходящий кантовский: «...поставь сам себе цели, высокие и благородные цели, и, преследуя их, погибни! (gehe an ihnen zu Grunde!) Я не знаю лучшей цели жизни, чем погнубить во имя великого и невозможного»¹⁹.

Ко времени написания «Так говорил Заратустра» рудименты шопенгауэровской метафизики исчезнут. Праединое уступит место вечному возвращению, горизонту принципиально неметафизическому [10]. Трагический герой уступит место сверхчеловеку. Но установка на преодоление человеком самого себя посредством высоких целей, ведущих к гибели, останется. Так, Заратустра слышит призыв: «Скажи свое слово и разбейся!»²⁰

Проблема христианства. Было бы в корне ошибочным свести весь спектр философских изысканий Ницше к рецепции античности. Христианство сопровождало Ницше с юности. И в ранний период творчества проблеме христианства уделяется не меньше внимания, чем впоследствии. У молодого Ницше мы не найдем столь резких и категоричных высказываний, как это будет позднее, когда риторика выйдет на передний план. В заметках 1869–1873 годов о христианстве не говорится как о религии рабов и черни, нет идеи смерти Бога. Молодой Ницше представляет христианство в двух аспектах: культурно-историческом и современном.

Обращает на себя внимание, что в начале своего пути Ницше еще не рассматривает греческую культуру и христианство исключи-

тельно в плане их противоположности и несовместимости. По крайней мере, в Евангелии от Иоанна молодой Ницше усматривает влияние греческой атмосферы и дионисизма: «*Евангелие от Иоанна* родилось в греческой атмосфере, на дионисийской почве: его влияние на христианство в противовес иудаизму»²¹. В переходе христианства на греческую почву Ницше видит колоссальные последствия, а Евангелие от Иоанна характеризует как следующую ступень после Гомера и Софокла: «*Греческая веселость* есть наслаждение воли, когда достигнута следующая ступень. Воля каждый раз воспроизводит себя заново: Гомер, Софокл, Евангелие от Иоанна – три ступени одного и того же. Гомер как триумф олимпийских богов над мрачным могуществом титанов. Софокл как триумф трагической мысли и победа над эсхилевским служением Дионису. Евангелие от Иоанна как триумф потустороннего блаженства, утверждаемого мистериями, триумф общения к святости»²².

Эти и подобные высказывания позволяют сделать вывод, что в рассматриваемый нами период разрыв с христианством у Ницше еще не произошел. Тенденция к разрыву намечается ближе к 1873 году, когда Ницше приступает к критике Давида Штрауса. Помимо всего прочего предметом полемики становится предложенное Штраусом истолкование христианства, в котором Ницше распознал один из симптомов упадка современной культуры. Штраус сам по себе не мог занимать Ницше, для него он лишь выразитель характерных тенденций современности. Позиция Штрауса, в т. ч. в отношении христианства, не была частным взглядом, но обнаруживала общие закономерности. Так, через критику Штрауса Ницше переходит к критике современной культуры и *современного христи-*

¹⁸Ницше Ф. Указ. соч. Т. 7. С. 178.

¹⁹Там же. С. 588.

²⁰Там же. Т. 4. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М.: Культур. революция, 2007. С. 432.

²¹Там же. Т. 7. С. 131.

²²Там же. С. 191.

анства. Появляется оппозиция подлинного, истинного христианства и христианства выродившегося, утратившего связь со своими истоками и первоначальными импульсами. Критика христианства у Ницше, пока еще только намечающаяся, становится, таким образом, разделом, рубрикой его общей критики современности.

Ницше ставит в упрек Штраусу то, что в своем истолковании христианства он делает ставку не на высшие, а на низшие типы человека, т. е. на людей массы: «В христианстве он забыл самое лучшее, великих отшельников и святых, короче говоря, гениальность, и судит как деревенский священник об искусстве или как Кант о музыке (который ценил только военный оркестр)»²³. Штраус «не должен был забывать об истинном христианстве, о монашестве»²⁴. Отсюда можно сделать вывод, что истинное христианство (*wahrhafte Christenthum*) для молодого Ницше связывается с его высшими представителями: святыми, отшельниками и монашествующими. Впоследствии Ницше в «Сумерках идолов» подвергнет разоблачающей критике и тип святого аскета. Сейчас же святые и отшельники включаются в определяющую для раннего периода оппозицию человечества и гения. Святые и отшельники – это гении, оправдывающие своим существованием все человечество и одновременно являющиеся единственной целью существования всего человечества.

Такова позиция молодого Ницше. Кризис христианства видится Ницше в этот период в ослаблении напряжения и нивелировании высших типов. Пока еще нет знаменитого тезиса о смерти Бога, но речь идет об исчерпанности символического содержания религии в современную эпоху: «В отношении религии я замечаю утомление, люди наконец устали от знача-

щих символов (*den bedeutenden Symbolen*). Все возможности христианской жизни, самые строгие и самые легкие, безобидные и бездумные, самые сознательные опробованы. Пришло время изобрести нечто новое»²⁵. Утрата символического измерения означает разрушение мифа. И здесь снова симптоматичной оказывается позиция Штрауса: «Штраусу мнилось, что он разрушает христианство, указывая на мифы. Но сущность религии состоит именно в том, что она обладает силой и свободой творить мифы. Противоречия с разумом и с современной наукой – ее триумф»²⁶. Идее смерти Бога предшествует идея разрушения мифа: «Кажется, что миф все больше исключается (*Scheinbar wird ja der Mythos immer mehr ausgeschlossen*)»²⁷.

Здесь можно провести параллель между античностью и христианством в мысли Ницше. То христианство, которое Ницше застаёт в своей современности, вырождается и гибнет по тем же причинам, что привели к гибели трагическую эпоху Греции. В лице Сократа и Еврипида осуществилась замена мифически-символического содержания культуры рассудочными абстракциями. Молодой Ницше опознает нового Сократа в лице Штрауса, разоблачающего мифически-символическое содержание христианства в пользу разума и науки. Сократ, а вслед за ним Еврипид, Платон, Аристотель уже утратили связь с античным мифом и не являются представителями греческой культуры, эллинами, хотя и называют себя этим именем по инерции. Аналогичным образом современная культура уже перестала быть христианской, хотя и продолжает называть себя таким именем – по инерции. В 1874 году Ницше ставит следующий вопрос: «Является ли еще христианским все то, что еще себя так называет? Или, если задать вопрос более обстоятельный и од-

²³Ницше Ф. Указ. соч. Т. 7. С. 531.

²⁴Там же. С. 531.

²⁵Там же. С. 678.

²⁶Там же. С. 531.

²⁷Там же. С. 124.

новременно более рискованный: что вообще в нашей нынешней жизни еще действительно христианское, а что, напротив, только так называется, по привычке или из робости?»²⁸ Ответ на этот вопрос будет дан в последующие периоды творчества философа, когда будет сформу-

лирована идея смерти Бога. Утраченный миф Ницше попытается заменить новым мифом – о вечном возвращении. Одновременно трансформации подвергнется антропологическое учение Ницше: гений, всехудожник и всечеловек уступят место сверхчеловеку.

Список литературы

1. Глухов А.А. Перехлест волны. Политическая логика Платона и постницшеанское преодоление платонизма. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. 584 с.
2. Малкина С.М. Постметафизические конфигурации онтологии. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2015. 268 с.
3. Фаритов В.Т. Онтология трансгрессии: Г.В.Ф. Гегель и Ф. Ницше у истоков новой философской парадигмы. СПб.: Алетейя, 2017. 442 с.
4. Колесников И.Д. Фридрих Ницше и античность: Образ классической древности в немецкой гуманитарной мысли XVIII–XX веков. М.: Культур. революция, 2020. 432 с.
5. Колесников И.Д. Пайдейя Ницше и античность // Философия в условиях социокультурного многообразия: от экспертного знания до мировоззренческих ориентиров: сб. материалов Всерос. конф., посвящ. 100-летию гуманит. образования в Саратове / под ред. проф., д-ра филос. наук М.О. Орлова. Саратов: ИЦ «Наука», 2017. С. 217–223.
6. Колесников И.Д. «Вечное возвращение» Ницше и античность // Вестн. Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 2. С. 236–242. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-2-236-242>
7. Ясперс К. Ницше: Введение в понимание его философствования / пер. с нем. Ю. Медведева; под ред. М. Ермаковой. СПб.: Фонд Ун-т: Владимир Даль, 2004. 630 с.
8. Гек М. Рихард Вагнер: Жизнь. Творчество. Интерпретации. М.: Культур. революция, 2017. 424 с.
9. Вагнер Р. Опера и драма. М.: РИПОЛ Классик, 2022. 386 с.
10. Левит К. Ницшевская философия вечного возвращения того же / пер. с нем. В. Бакусева. М.: Культур. революция, 2016. 336 с.

References

1. Glukhov A.A. *Perekhleest volny. Politicheskaya logika Platona i postnitssheanskoe preodolenie platonizma* [Overtopping. Plato's Political Logic and the Post-Nietzschean Overcoming of Platonism]. Moscow, 2014. 584 p.
2. Malkina S.M. *Postmetafizicheskie konfiguratsii ontologii* [Post-Metaphysical Configurations of Ontology]. Saratov, 2015. 268 p.
3. Faritov V.T. *Ontologiya transgressii: G.V.F. Gegel' i F. Nitsche u istokov novoy filosofskoy paradigmy* [Ontology of Transgression: G.W.F. Hegel and F. Nietzsche as Architects of a New Philosophical Paradigm]. St. Petersburg, 2017. 442 p.
4. Kolesnikov I.D. *Fridrikh Nitsche i antichnost': Obraz klassicheskoy drevnosti v nemetskoj gumanitarnoy mysli XVIII–XX vekov* [Friedrich Nietzsche and Antiquity: The Image of Classical Antiquity in the German Humanitarian Thought of the 18th–20th Centuries]. Moscow, 2020. 432 p.
5. Kolesnikov I.D. *Paydeyya Nitsche i antichnost'* [Nietzsche's Paideia and Antiquity]. Orlov M.O. (ed.). *Filosofiya v usloviyakh sotsiokul'turnogo mnogoobraziya: ot ekspertnogo znaniya do mirovozzrencheskikh orientirov* [Philosophy in the Context of Sociocultural Diversity: From Expert Knowledge to Worldview Guidelines]. Saratov, 2017, pp. 217–223.

---

²⁸Ницше Ф. Указ. соч. Т. 8. Черновики и наброски 1874–1879 гг. М.: Культур. революция, 2008. С. 11.

6. Kolesnikov I.D. “Vechnoe vozvrashchenie” Nitshe i antichnost’ [Nietzsche’s “Eternal Recurrence” and the Antiquity]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*, 2018, no. 2, pp. 236–242. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-2-236-242>
7. Jaspers K. *Nitshe: Vvedenie v ponimanie ego filosofstvovaniya* [Nietzsche: An Introduction to the Understanding of His Philosophical Activity]. St. Petersburg, 2004. 630 p.
8. Geck M. *Wagner: Biographie*. Munich, 2012. 413 p. (Russ. ed.: Gek M. *Rikhard Vagner: Zhizn’. Tvorchestvo. Interpretatsii*. Moscow, 2017. 424 p.).
9. Wagner R. *Oper und Drama*. Berlin, 1851. 344 p. (Russ. ed.: Vagner R. *Opera i drama*. Moscow, 2022. 386 p.).
10. Löwith K. *Nietzsches Philosophie der ewigen Wiederkunft des Gleichen*. Berlin, 1935. 183 p. (Russ. ed.: Levit K. *Nitshevskaya filosofiya vechno go vozvrashcheniya togo zhe*. Moscow, 2016. 336 p.).

Информация об авторе

В.Т. Фаритов – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук Самарского государственного технического университета (адрес: 443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 244).

Information about the author

Vyacheslav T. Faritov, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Prof. at the Department of Philosophy, Social Sciences and Humanities, Samara State Technical University (address: ul. Molodogvardeyskaya 244, Samara, 443100, Russia).

Поступила в редакцию 26.01.2024
Одобрена после рецензирования 25.04.2024
Принята к публикации 26.04.2024

Submitted 26 January 2024
Approved after reviewing 25 April 2024
Accepted for publication 26 April 2024

К ЮБИЛЕЮ ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЕНОГО И ОРГАНИЗАТОРА НАУКИ, АКАДЕМИКА В.В. АЛЕКСЕЕВА

3 июля 2024 года исполнилось 90 лет Вениамину Васильевичу Алексееву, доктору исторических наук, академику РАН, советнику РАН, главному научному сотруднику Института истории и археологии Уральского отделения (УрО) РАН.

В.В. Алексеев родился в пос. Могоча, центре Могочинского района Читинской области Восточно-Сибирского края. Он с отличием окончил историко-филологический факультет Иркутского государственного университета (ИГУ) в 1959 году и аспирантуру при кафедре истории СССР этого вуза в 1962 году. Был секретарем комитета ВЛКСМ ИГУ. В 1962 году В.В. Алексеев переехал в Новосибирск и до 1971 года работал в Новосибирском государственном университете в качестве ассистента, старшего преподавателя, доцента, заместителя декана гуманитарного факультета. В 1964 году защитил кандидатскую диссертацию.

В 1971 году В.В. Алексеев перешел на работу в академическое учреждение – Институт истории,

филологии и философии Сибирского отделения АН СССР – и трудился там по 1988 год в качестве старшего научного сотрудника, ученого секретаря и заместителя директора по науке. В 1974 году он защитил докторскую диссертацию.

Научный и организаторский талант В.В. Алексеева в полной мере раскрылся в Свердловске-Екатеринбурге, где в 1988 году он создал и возглавлял четверть века (по 2013 год) первый на Урале академический Институт истории и археологии. За это время институт стал ведущим научным учреждением и координационным центром исторических исследований на востоке страны. Здесь под руководством В.В. Алексеева сложилась авторитетная научная школа историков, ведущая исследования истории России на основе теории модернизации, успешно работал диссертационный совет по защите кандидатских и докторских диссертаций. Автору этих строк в период 10-летней работы в экспертном совете ВАК по истории довелось представлять на заседаниях совета ряд докторских диссертаций, выполненных в Институте истории и археологии УрО РАН, и все они были высоко оценены коллегами и Президиумом ВАК.

В.В. Алексеев успешно занимался и занимается разработкой широкого комплекса проблем исторической науки: процессы модернизации России, история регионального, индустриального, социального и демографического развития Азиатской России, развитие российского регионализма в XIX–XX веках, столетняя революция в России, гибель семьи последнего российского императора Николая II, причины распада СССР и др. Научное наследие юбиляра воплотилось почти в 600 научных работах, среди них более 20 монографий и популярных книг на русском и иностранных языках. В.В. Алексеев – редактор около 100 моногра-

ЮБИЛЕИ/ANNIVERSARIES

фий и сборников статей, в т. ч. таких фундаментальных изданий, как «История казачества Азиатской России» (в трех томах), «Уральская историческая энциклопедия» (два издания) и др. Им подготовлены 50 докторов и кандидатов исторических наук.

Выдающийся ученый и прекрасный организатор науки В.В. Алексеев был избран в 1990 году член-корреспондентом, а в 1997 году – академиком РАН. Он многие годы руководил Объединенным ученым советом по гуманитарным наукам УрО РАН, был заместителем председателя УрО РАН, главным редактором журнала «Уральский исторический вестник».

Автор этих строк познакомился с академиком В.В. Алексеевым в начале XXI века в норвежском городе Киркенесе, когда, будучи проректором по научной работе Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова, возглавлял делегацию архан-

гельских ученых на проходившем там в течение нескольких лет Арктическом семинаре историков. С тех пор нас вот уже более 20 лет связывают добрые человеческие и творческие отношения. Автору доводилось бывать в Институте истории и археологии УрО РАН и в гостеприимном доме академика В.В. Алексеева в Екатеринбурге. Научные традиции отца успешно продолжает его дочь, доктор исторических наук Е.В. Алексеева, работающая в Институте истории и археологии УрО РАН.

За заслуги перед Отечеством В.В. Алексеев был награжден орденами Почета и Дружбы, удостоен Золотой медали имени С.В. Вонсовского. Он является лауреатом целого ряда премий, почетным гражданином Свердловской области.

Редакция журнала сердечно поздравляет академика В.В. Алексеева с юбилеем и желает крепкого здоровья, новых успехов на научном поприще и во всех делах и свершениях!

*Голдин В.И.,
доктор исторических наук, профессор,
главный редактор журнала*

ВОИН, УЧЕНЫЙ, ГРАЖДАНИН: ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА А.А. КИСЕЛЁВА

4 июня 2024 года в Мурманске ушел из жизни видный северный историк, доктор исторических наук, профессор Алексей Алексеевич Киселёв, с которым историков Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, и в частности автора этих строк, связывали многолетняя дружба и плодотворное сотрудничество.

А.А. Киселёв родился 18 октября 1926 года в с. Полянки Ульяновской губернии в крестьянской семье. В 1930 году, в период коллективизации, его семья переехала на далекий Мурман, и именно с этим северным краем были связаны вся жизнь и творчество Алексея Алексеевича.

В 17 лет, в 1943 году, он ушел в Красную армию и воевал до конца Великой Отечественной войны. После ее завершения он окончил исторический факультет Ленинградского государственного университета и Высшую партийную школу. Работал на радио в Мончегорске, а затем в горкоме партии. В 1963 году А.А. Киселёв перешел на работу в Мурманский государственный педагогический институт, которому и была посвящена вся его последующая трудовая жизнь. Он подготовил и защитил кандидатскую диссертацию, а в 1975 году – докторскую

диссертацию по отечественной истории в Ленинградском государственном педагогическом институте имени А.И. Герцена. На ее защите довелось присутствовать автору этих строк, в ту пору аспиранту указанного института.

А следующая встреча и уже настоящее знакомство произошли 12 лет спустя в г. Каменец-Подольском (Украина), где проходило Всесоюзное совещание заведующих историческими кафедрами вузов и мы жили с А.А. Киселёвым в одном номере гостиницы. Зимой 1989 года А.А. Киселёв встречал меня, в ту пору докторанта Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, в Мурманске – знакомил со своим родным городом, его историческими местами и культурными достопримечательностями. После этого было много встреч, и каждый раз, приезжая в Мурманск, я старался выкроить время и обязательно увидеться и побеседовать с Алексеем Алексеевичем.

А.А. Киселёв в течение 30 лет (с 1969 по 1999 год) заведовал кафедрой истории Мурманского педагогического института, создал научную школу, из которой вышло несколько поколений ученых и педагогов, сотрудников архивов, библиотек и музеев. Он стал видным организатором исторического образования в Мурманской области и имел много благодарных учеников.

Научное творчество А.А. Киселёва было связано прежде всего с изучением Кольского Севера. Он выступил одним из основателей исторического краеведения в Мурманской области. Важное место среди его трудов занимала книга «Записки краеведа» (Мурманск, 2000), ибо он с гордостью причислял себя к этой когорте исследователей. А.А. Киселёва справедливо называли «летописцем земли Кольской». С 1990-х годов он опубликовал ряд работ по истории и современности международных отношений на Европейском Севере, плодотворно сотрудничал с зарубежными, в первую очередь норвежскими, коллегами.

НЕКРОЛОГИ/OBITUARIES

Профессор А.А. Киселёв – автор 400 научных и научно-популярных публикаций по истории и этнографии Кольского Заполярья, международным отношениям на Севере Европы, 50 из которых – монографии, учебники и учебные пособия для студентов и школьников.

Неотъемлемой частью исторического творчества А.А. Киселёва являлась история Гражданской войны и интервенции на Север России, и прежде всего на Мурман. В 1977 году в соавторстве с Ю.Н. Климовым он опубликовал новаторскую по своим оценкам и выводам монографию «Мурман в дни революции и гражданской войны».

В 2011 году, в канун 85-летия профессора А.А. Киселёва, в Мурманске состоялась международная научная конференция «1921 год в судьбах России и мира», которая стала пятой из цикла «1917–1921 годы в судьбах России и мира» и на которой прибывшие гости имели возможность лично поздравить Алексея Алексеевича с юбилеем. В сборнике материалов этой конференции раздел «История

Гражданской войны в портретах историков Европейского Севера» открывался публикацией, посвященной А.А. Киселёву, и беседой с ним¹.

Встреча автора с А.А. Киселёвым на упомянутой конференции оказалась, увы, последней, хотя переписка продолжалась, а в 2022 году в нашем журнале была опубликована статья, посвященная 95-летию профессора².

А.А. Киселёв удостоен орденов Ленина, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степени, награжден рядом медалей. Он – почетный гражданин города-героя Мурманска, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Его имя вписано в золотой фонд истории Мурманского арктического университета.

В нашей памяти Алексей Алексеевич Киселёв навсегда останется видным историком, мудрым наставником, Учителем, замечательным человеком и настоящим гражданином нашего Отечества.

**В.И. Голдин,
доктор исторических наук, профессор,
главный редактор журнала**

---

¹Федоров П.В. «Каждое время выдвигает своих историков» (беседа с профессором Алексеем Алексеевичем Киселевым) // 1921 год в судьбах России и мира: от Гражданской войны к послевоенному миру и новым международным отношениям. Мурманск, 2011. С. 14–26.

²Голдин В.И. К юбилею профессора А.А. Киселёва // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 22, № 1. С. 119–121.

НАШИ РЕЦЕНЗЕНТЫ

- Беклемешева Н.Н.*, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и переводоведения Московского городского педагогического университета;
- Бурханов Р.А.*, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и права Сургутского государственного университета (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра);
- Виноградова С.Г.*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина;
- Гагкуев Р.Г.*, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Москва);
- Ганин А.В.*, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук (Москва);
- Голдин В.И.*, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;
- Горшунов Ю.В.*, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий (Республика Башкортостан);
- Гребенев А.Н.*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина (г. Пушкин, Ленинградская область);
- Евлампиев И.И.*, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры русской философии и культуры Санкт-Петербургского государственного университета;
- Ерёмина С.А.*, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург);
- Загидуллина М.В.*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций Челябинского государственного университета;
- Золкин А.Л.*, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя;
- Золотова Н.О.*, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории языка, перевода и французской филологии Тверского государственного университета;
- Калинина Г.Н.*, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры;
- Кириллова Т.С.*, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков Астраханского государственного медицинского университета;
- Коновалова О.В.*, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (г. Красноярск);

Нестерова Н.М., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета;

Павлов А.Ю., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета;

Пешкова Н.П., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков естественных факультетов Уфимского университета науки и технологий;

Сатретдинова А.Х., кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой Астраханского государственного медицинского университета;

Скворцов А.В., доктор литературы (КНР), доцент, доцент кафедры китайского языка Московского городского педагогического университета;

Смирнов С.В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург);

Соколова Ф.Х., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры регионоведения и международных отношений Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Солнышкина М.И., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков Казанского (Приволжского) федерального университета;

Суверов Е.В., доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры теории и истории права и государства Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации;

Тищенко П.Д., доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии Российской академии наук (Москва);

Шемчук Ю.М., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия “Гуманитарные и социальные науки”» содержит публикации по основным направлениям научно-исследовательской работы в области истории и археологии, языкознания, философии.

Общие требования

Тексты предоставляются в электронном виде. Для этого необходимо зайти на сайт журнала <https://vestnikgum.ru/> и, нажав на кнопку «Отправить материал», перейти на редакционно-издательскую платформу, куда можно будет после регистрации загрузить статью и сопроводительные документы. Необходимо указать отрасль науки и специальность (шифр и название), по которым выполнено научное исследование.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением *.doc. В имени файла указываются фамилия и инициалы автора.

Параметры страницы

Формат А4. Поля: правое, левое – 25 мм; верхнее, нижнее – 20 мм.

Форматирование основного текста

Абзацный отступ – 10 мм. Межстрочный интервал – полуторный. Порядковые номера страниц проставляются посередине верхнего поля страницы арабскими цифрами.

Шрифт

Times New Roman. Размер кегля (символов) – 14 пт; аннотации, ключевых слов – 12 пт.

Объем статьи

Максимальный объем статей: научных – 10–15 страниц, обзорных – до 20 страниц.

Сведения об авторе

Указываются на русском и английском языках фамилия, имя, отчество автора (полностью); ученая степень, звание, должность и место работы (кафедра, институт, университет). Общее количество научных публикаций, в т. ч. отдельно количество монографий, учебных пособий; рабочий адрес с почтовым индексом; тел./факсы (служебный, домашний, мобильный), e-mail.

ORCID

В сведениях об авторе также необходимо указать международный авторский идентификатор ORCID в формате интерактивной ссылки <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>. Если у автора нет номера ORCID, его необходимо получить, зарегистрировавшись на ресурсе orcid.org. В профиле обязательно должна быть указана минимальная информация: место работы, ученая степень, должность.

Индекс УДК

Располагается отдельной строкой слева перед заглавием статьи. Индекс УДК (универсальная десятичная классификация) должен соответствовать заявленной теме, проставляется научной библиотекой.

Заглавие	Помещается перед текстом статьи на русском и английском языках. Используется не более 11 слов.
Аннотация	<p>Предоставляется на русском и английском языках. Аннотация должна быть:</p> <ul style="list-style-type: none"> – информативной (не содержать общих фраз); – оригинальной; – содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); – структурированной (следовать логике описания результатов в статье); – компактной (укладываться в объем от 200 до 250 слов). <p>Авторы статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография» предоставляют аннотацию объемом 50–100 слов.</p>
Ключевые слова	После аннотации указывается до 6–8 ключевых слов (словосочетаний), несущих в тексте основную смысловую нагрузку.
Примечания и комментарии	Примечания, комментарии, ссылки на нормативные акты, сайты (если это не книга, сборник, статья и т. п. в электронном виде), документальные источники, а также справочную и анализируемую литературу даются в виде подстрочных сносок (внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра (нумерация сквозная).
Библиографические ссылки	<p>Библиографические ссылки на использованную литературу оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 (п. 7 «Затекстовая библиографическая ссылка»).</p> <ul style="list-style-type: none"> – Подпункт 7.4.1 – ссылка на текст. <i>Например:</i> в тексте: Общий список справочников по терминологии, охватывающий время не позднее середины XX века, дает работа библиографа И.М. Кауфмана [59]; в списке литературы: 59. <i>Кауфман И.М.</i> Терминологические словари: Библиография. М.: Сов. Россия, 1961. 419 с. – Подпункт 7.4.2 – ссылка на фрагмент текста. <i>Например:</i> в тексте: [10, с. 81], [10, с. 106] и т. д.; в списке литературы: 10. <i>Бердяев Н.А.</i> Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.
Рисунки, схемы, диаграммы	Принимается не более 4 рисунков (черно-белых). Рисунки, схемы, диаграммы приводятся в тексте статьи и предоставляются отдельными файлами. Схемы выполняются с использованием штриховой заливки. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах *.tiff, *.tif (Grayscale – Оттенки серого, 300 dpi). Иллюстрации должны быть четкими. В тексте статьи следует дать ссылку на конкретный рисунок, например (<i>рис. 2</i>). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, подпись и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений.

Таблицы

Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабдить порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах также должны иметь тематические заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.12–2011 (касается русских слов), 7.11–2004 (касается слов на иностранных европейских языках). Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и пронумерованы по порядку. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

- Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала. Электронные варианты отредактированного текста авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.
- Все статьи отправляются на независимую экспертизу и публикуются только в случае положительной рецензии. Редакция оставляет за собой право производить необходимые уточнения и сокращения.
- Статьи публикуются на бесплатной основе.
- Для отправки статьи воспользуйтесь кнопкой «Отправить материал» на сайте нашего журнала <https://vestnikgum.ru/>

Тел.: (8182) 21-61-21; e-mail: vestnik_gum@narfu.ru, vestnik@narfu.ru

- Редакция принимает предварительные заявки на приобретение номеров журнала.

На электронную версию журнала можно подписаться через каталоги:

«Урал-Пресс» http://www.ural-press.ru/catalog/97209/8650495/?sphrase_id=328736

«Пресса по подписке» <https://www.akc.ru/search/>

Свободная цена.